

ПОЭТЫ
УРАЛА

1

ПОЭТЫ
УРАЛА

АНТОЛОГИЯ

Поэты
Урала

УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОЭТЫ УРАЛА

*

АНТОЛОГИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

Редакционная коллегия: Татьяначева Л. К. (главный редактор), Васильев С. А., Давыдычев Л. И., Дергачев И. А., Каримов М. С., Крупаткин Б. Л. (зам. главного редактора), Маркова О. И., Пермяк Е. А.

ПОЭТЫ
УРАЛА

*

АНТОЛОГИЯ

ТОМ

1

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1976

С6
П67

Составитель раздела
«Дореволюционная поэзия Урала» —
И. А. Дергачев

Составитель раздела
«Поэзия советских лет» —
Л. Л. Сорокин

П 70402—062
М158 (03)—76

© Средне-Уральское книжное издательство,
1976

Поэтический Урал

Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник нашей древней славы
И славы нынешней творец.

Какой лаконичной и вместе с тем величественной, монументальной получилась эта поэтическая характеристика Урала, принадлежащая перу самого выдающегося русского поэта послевоенной поры Александра Твардовского! «Опорный край державы...» Зрительный и географически точный образ. И конечно, опора не только каменная гряда гор, но и люди, которые имеются в виду под метафорическим обобщением добытчиков и кузнецов, творцов нашей славы Урала. Оставляя Урал, потрясенный его величием, поэт предчувствовал:

Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю — как лег, как встал,—
И все теплей и благодарней
Два слова:

— Батюшка Урал...

Вся родина дорога нам, советским людям, дорога каждая пядь ее земли, но есть географические обозначения на ее карте, которые даже для людей, ни разу там не бывавших, символизируют собою красоту и силу, природное богатство и мощь России. Так и Урал для Твардовского и, видимо, для всех русских людей — символ богатства и могущества, рабочей трудовой славы. Недаром же так уважительно зовут его: батюшка Урал.

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

Эта лирическая формула Людмилы Татьяничевой, по существу, имеет и обратный смысл, ибо в другом месте она скажет:

Живу я в глубине России.
В краю озер и рудных скал.
Здесь реки — сини,
Горы — сини
И в синих отсветах металл.

И отсюда, с господствующей высоты Урала, со срединной ее части, иной видится и Россия — «суровой, строже, может быть». Но Урал — это Россия.

И лица те же, что в Рязани,
И так же звучны имена.
Как солнце в драгоценной грани,
В Урале Русь отражена.

Поэтому антология уральской поэзии — это антология поэзии срединной России — Урала, Приуралья и Зауралья. Географические регионы сами по себе еще не обеспечивают права давать их названия литературе, если даже она представлена блестящими именами. Мы не говорим «орловская литература», хотя Орловщина дала России целую плеяду первоклассных мастеров слова. Уральская литература и, стало быть, уральская поэзия как часть российской (не только русской!) литературы существует. Ее некоторая автономность или, точнее, самостоятельность, как и литературы сибирской, состоит не только в географическом притяжении, что вполне естественно, но и в исторической общности народных судеб, в некоторых особенностях характера, наконец, в отражении того особого места и той роли, которые принадлежат Уралу в истории России и современном развитии советского государства.

Но и как географическое понятие, как регион, Урал (включая Приуралье и Зауралье) — это огромная держава, притягивающая к себе активные, деятельные силы народа как в материальной, экономической, так и в духовной жизни общества.

Все это мне хотелось сказать для того, чтобы снять могущие возникнуть недоуменные вопросы насчет «местного», «автономного», искусственного характера издания антологии уральской поэзии.

Но внимательный читатель подметит и те особенности, которые выдают принадлежность стихов уральцам, людям, чья жизнь — в детстве ли, в отрочестве, в юности или в зрелые годы, может и вся, от рождения до кончины, — была связана с Уралом. Или с Приуральем, с Зауральем. У А. Куликова есть полушутливое стихотворение, которое начинается так:

Что такое зауралец —
Вам в Кургане скажет всяк:

Левым боком он уралец,
Правым боком сибиряк.

Хорошее соседство и хорошее родство, не правда ли? Мне не хотелось бы в этом вступлении к антологии, в этом кратком слове перед встречей с поэзией, останавливаться только лишь на уральских мотивах, акцентировать на них особое внимание. Конечно, темы этой не миновать, ведь перед нами книга поэзии Урала, но главным мне представляется то, в чем нашла отражение история и судьба народа, духовная жизнь общества, строящего коммунизм.

К. Мурзиди то ли в шутку, то ли всерьез писал:

Кроме сердца, повсюду зима...
Все в порядке — живем на Урале!

Оно и верно: зима уральская и длинна и холодна, но, говорит поэт, нам-то, уральцам, людям горячих сердец, она не страшна, мы свое дело знаем и делаем его, а зима — что ж, все равно рано ли, поздно ли на смену ей придет весна, а потом лето... Но как не заметить, что родившийся в станице Анапской Краснодарского края Мурзиди, только как следует причастившись к Уралу, мог написать такие стихи:

Люблю я железо —
за крепость закалки люблю,
За силу,
с которой врагу отвечаю,
За искру,
которую в нем примечаю,
За звон,
что порой не издать хрусталою.

Вот они — «уральские» мотивы. Они возникают в антологии на многих ее страницах, они прозвучат еще и во вступительном слове.

Однако отвлечемся на некоторое время в прошлое, ибо Урал возник в поэзии не сегодня и не вчера. Дореволюционный период отмечен именами Петра Ершова, автора знаменитой сказки о Коньке-Горбунке, и А. Мерзлякова, автора не менее знаменитой песни «Среди долины ровныя...». Тут мы встретим и имя В. Князева, написавшего «Песню коммуны», слова которой: «Никогда, никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами» как клятву на верность

революции повторяли поколения борцов за свободу и счастье народа.

В стихах поэтов М. Можгина, П. Размахнина, Ф. Сыромолотова и других нашли отражение труд и быт заводских рабочих старого Урала, революционное движение, борьба рабочих за экономические и политические права. Бывший крепостной, а потом учитель Пермской гимназии Василий Феонов пишет злое сатирическое послание пермскому губернатору Тюфяеву в канун приезда в Пермь императора Александра I.

В памяти народной сохранились стихи бесстрашного героя башкирского народа, сподвижника Пугачева — Салавата Юлаева. Сами за себя говорят и имена таких поэтов, как С. Кудаш, М. Гафури, Ш. Бабич. Еще в 1913 году Гафури писал:

Я плоховато знаю рай —
я там ни разу не бывал.
Я в философию небес,
землей взращенный, не вникал.
Коль этот круглый шар земной
нам во владенье дал аллах,
То счастье надобно искать
не в небесах — в земных делах!

Согласитесь, позиция действия, революционного действия выражена здесь недвусмысленно. Еще более определенно она выражена в стихах Бабича, написанных в разгар первой мировой войны, в 1915 году:

Позабудь обиду и уныние!
Если счастье надобно тебе —
Ради счастья проведи отныне
Жизнь свою короткую в борьбе!

Дореволюционная поэзия Урала составляет лишь малую часть антологии, и это естественно, ибо более полное и творчески многообразное «оформление» она получила за прошедшие десятилетия, после Октября 1917 года.

Поэтические страницы антологии — это одновременно и страницы истории края, истории всей страны. Революция и гражданская война, борьба с колчаковщиной и борьба с разрухой, коллективизация деревни и строительный энтузиазм буден, первые пятилетки, легендарная Магнитка, Великая Отечественная и

обжигающая стремительным летом дней наша современность — все это прямо или косвенно, непосредственно, сюжетно или отраженно нашло воплощение в стихах поэтов, чьи имена представлены в антологии.

И конечно, не столько сами события, их эпическое содержание, их сюжет, сколько человек как центр притяжения и отражения событий, его характер, его внутренняя биография на различных этапах общественного развития, его нравственность, его духовность занимают поэзию.

Вспоминаются ключевые слова Твардовского:

Я жил, я был — за все на свете
Я отвечаю головой.

Особенно характерна эта обостренная нравственная самооценка и самопроверка для поэзии последних двух десятилетий. Так что характер современника, его лирический образ раскрывается в стихах уральских поэтов в комплексе идейно-нравственных его качеств, и раскрывается объемно, всесторонне.

Уральский характер — это советский характер. Он не только в славных революционных традициях рабочего класса и крестьянства Урала, но и в трудовой доблести, мастеровитости, в способности испытывать удовольствие от работы, любоваться красиво сделанной вещью.

И все же он — уральский, и всегда — на свой лад. Как, например, в стихотворении Сергея Васильева «Прямые улицы Кургана». Обращаясь к ним, поэт говорит:

И если есть во мне хоть малость
того, что следует беречь,
так это ваша власть сказалась
и отложились ваша речь,
И если ярость азиатка
во мне, как брага, разлита,
так это ваша виновата
сквозная даль и прямота.

Первые пятилетки вызвали в народе волну трудового энтузиазма, Урал тогда стал одним из важнейших центров индустриализации страны, а знаменитая Магнитка прогремела на весь мир и затмила

своей славой другие новостройки. И вовсе не случайно, что именно на Магнитке впервые прозвучал голос одного из талантливейших представителей поэтической плеяды 30-х годов Бориса Ручьева. Молодо и задорно, на энтузиастической волне этих лет, писал Ручьев о строителях Магнитогорска:

Мы жили в палатке
с зеленым оконцем,
промытой дождями,
просушенной солнцем,
да жгли у дверей
золотые костры
на рыжих каменьях
Магнитной горы.

Пока пришла «красивая слава» к строителям Магнитки, немало хватили они лиха. Но молодость и энтузиазм взяли свое. И не Магнитка ли закалила характер, сделала человека двужильным, дала ему физические и нравственные силы сберечь себя в испытаниях куда более тяжких, и не только сберечь, но и победить.

Шли — в скалах тропы пробивали,
шли, молча падая в снегу
на каждом горном перевале,
на всем полярном берегу.
В мороз работая до пота,
с озноба мучась, как в огне,
мы здесь узнали,
что работа
равна отвагою войне.

Вот он — уральский характер, советский характер. Не в единичном порыве, не в мгновенном взлете, а в постоянном напряжении, в длительном — на грани человеческих возможностей — испытании. Закалка его подобна закалке уральской стали.

Другой поэт, А. Крашенинников, родившийся тогда, когда писал свои первые стихи Ручьев, оглядываясь на прошлое, ища там истоки силы и жизнестойкости уральцев, размышляет:

Не потому ль варился на Урале
Неповторимой прочности металл,
Что жизнь ему как жертву отдавали...

Уральский металл требовал жертв, в том числе и физических, но причастные к его добыче и выплавке сами закалялись, как металл.

Читатель, наверное, заметил уже, что под влиянием стихов об Урале и уральцах я вовлекаюсь в публицистическое их прочтение. Но не ведет ли к этому и сам подбор стихов, целевая установка антологии? Конечно, составители не могли не учитывать, что антология не сибирская, не какая-либо иная, а именно уральская, и что помимо родственной географической связи с Уралом ее авторов должна в какой-то мере быть учтена тематическая связь с этим краем. Иначе какой же смысл в издании региональной антологии.

Но при этом остается в силе и принцип эстетический, поэты должны быть представлены лучшими стихами. Никто с точностью не может сказать, насколько это удалось сделать составителям, ибо эстетические мерки несовершенны, как несовершенен вкус разных людей. Одно бесспорно: в двух томах стихов найдутся произведения на разные вкусы — от изысканных лирико-философских медитаций и буйной игры словом до напряженных публицистических монологов, открыто выражающих гражданские чувства.

А если вслушаться в слова, в ритм стиха, если как следует ощутить его метафорику, то и у Ручьева, и у Сергея Васильева, и у Татьянической, и у их более молодых собратьев Валентина Сорокина или Алексея Решетова мы обнаружим следы влияния и заводского фольклора, и крестьянской народной уральской песни, и той речевой традиции, которая ответвилась на Урал от новгородского корня.

В словесном буйстве Василия Каменского не раз послышатся отголоски уральских говоров, корневые звучания диалектных слов. А помните — в поэме «Степан Разин»: «Сарынь на кичку! — Прогрели горы». Какие это горы «прогредели» знаменитый клич? И не здесь ли, на Урале, родилось удивительно звучное слово-образ «звенидень», родилось от слияния солнца, лазурной «бегучей» волны, пения птиц и звона металла?..

А отчего, например, синий цвет господствует в стихах Татьянической? Я уже цитировал выше строки о синих уральских горах и реках и о том, что здесь

«в синих отсветах металл». Эстетика быта, повседневности, преобразуясь, становится эстетикой искусства. Синий цвет как бы смягчает тот несколько суровый общий колорит, который почти неизменно сопутствует стихам об Урале.

Уральская поэзия после Октября — это советская поэзия со всеми типологическими чертами, в том числе и по периодизации. Естественно, что в ней нашла свое отражение Великая Отечественная война. Уральские поэты представлены в издании «Библиотеки поэта» — «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». Уральская антология тоже доносит до читателей голос поэтов-фронтовиков — и тех, кто еще ныне здравствует, и кто не вернулся с полей сражений. Их стихи воспринимаются сегодня как взволнованные живые свидетельства современников грозных событий, их слово звучит как завещание.

Всем известен героический подвиг Мусы Джалиля, его легендарная «Моабитская тетрадь». Но все ли знают, что он с отрочества закалял свой характер и готовил себя к испытаниям, что в тринадцать лет он писал:

Славу смерти геройской я в песне пою.
Друг-рабочий, винтовку возьми — и в поход!
Жизнь отдай, если надо, за волю свою.

Слова поэта, его молодые порывы не разошлись с жизнью. А вот что писал павший на поле боя В. Занадворов в стихотворении с роковым названием «Последнее письмо», адресованном любимой женщине:

Мы четвертые сутки в бою,
нам грозит окруженье:
Танки в тыл просочились,
и фланг у реки оголен.
Но тебе я признаюсь,
что принято мною решенье
И назад не попятится
вверенный мне батальон.

Можно себе представить степень нервного напряжения, волевой собранности поэта, если стихи его, будучи обращены к женщине, к другу, звучат как

боевое донесение с поля боя. Это нечто большее, чем стихи, ибо со временем они все больше приобретают вес документальности. Их литературное, эстетическое воздействие удесят�еряется, когда читатель узнает, что автор этих стихов выполнил клятву, он пал смертью героя, но не отступил.

Прекрасен подвиг поэтов, павших на Великой Отечественной: их жизнь и смерть в бою подтверждают верность идеалам, ими же утверждавшимся в поэзии.

Прекрасна поэзия военных лет, полная драматизма, высоких порывов души, самоотвержения и жажды жизни.

Недаром же и в послевоенные десятилетия поэты фронтовой плеяды всегда оказывались на гребне важнейших событий, являя собою пример гражданской активности и понимания насущных проблем современности. А лирический характер, который сложился в стихах поэтов-фронтовиков в его наиболее типических чертах, привлекает своею зрелостью, общественным темпераментом и целеустремленностью. В нем отложилась биография поколения, которому выпала главная тяжесть минувшей войны и которое понесло огромные, невосполнимые потери. И когда Михаил Львов говорит: «У каждого есть в жизни высота, которую он должен взять когда-то», то он опирается на свой опыт, на опыт своего поколения. Об этом говорит не только военная терминология и участие в войне, но и последующая тридцатилетняя биография сверстников Львова.

Разумеется, главной и величайшей проверкой характера, идейной и нравственной закалки стала для этого поколения война. «Я на войне под гул раскатов еще безусым, молодым, пройдя нелегкий путь солдата, стал преждевременно седым», — пишет Л. Шкавро. Но для того, чтобы позднее уже, в зрелые годы сказать: «Россию ж без красного флага представить никак не могу», надо было поэту, его поколению в иных обстоятельствах проявить свой боевой и деятельный характер.

Поэзия 50, 60 и 70-х годов развивалась сложными путями, было время, когда она выходила на авансцену литературного развития, чтобы затем уступить ведущее место прозе. Популяризации поэзии способствовала эстрада, встречи поэтов с читательской

аудиторией в клубах и концертных залах. Эстрада подняла тонус гражданственности, нацелила поэзию на актуальные проблемы современности, но она же отрицательно повлияла на эстетические критерии стиха, поощряла некоторую облегченность эстетического вооружения поэзии. Не замедлила сказаться и реакция на это явление — довольно явственно обозначившаяся к концу 60-х годов тенденция возврата к классическим традициям, к гармоническим формам стиха.

Все эти веяния последних лет в той или иной мере не миновали и поэтов Урала, хотя поэтическая волна 50-х годов не выявила здесь ярких дарований. Можно сказать, что развитие поэзии на Урале шло более спокойно, без крутых подъемов и спадов.

И лишь несколько позднее стало очевидно, что в размеренном ритме литературной жизни созревали, набирали сил поэты самобытные и значительные. Это и манси Юван Шесталов, и русский Валентин Сорокин, и удмурт М. Покчи-Петров, и ненец Леонид Лапцуй, и удмурт Флор Васильев...

Понимаю, что перечислением имен не так уж много можно сказать, тем более что оно всегда чревато и неполнотой, и ошибками. Но есть же бесспорные поэтические удачи, которые могут подтвердить общий тезис о появлении новой сильной генерации поэтов, выходцев с Урала.

«Языческая поэма» Шесталова включает в себя эпические сюжеты и лирику, предания и легенды, художественную прозу и публицистику. Такое соединение придает ей черты национального эпоса — раскрывает многообразие и богатство народной жизни. Масштабный охват действительности, трепетное ощущение современности, самая непосредственная связь с нею, волнующее лирическое чувство и ищущая мысль выводят «Языческую поэму» в ряд заметных явлений литературы.

Валентин Сорокин с достоинством русского мастера своего человека дает такую автохарактеристику:

Я стоял у огня,
Плавил кремний и резал,
Потому у меня
Руки пахнут железом...

Я стоял у огня
Между тьмою и светом,
Потому у меня
Возле сердца планета.

Есть в лирическом герое Сорокина довольно редкий сплав (редкий в поэзии, но не в жизни) крестьянской, деревенской исходности с гордым сознанием рабочего человека, закалявшего «выправку и душу у железа, камня и огня». И о чем бы потом ни писал поэт, какие бы новые образы ни возникали в его стихах — ядро характера, его первооснова остаются неизменными. На такой основе строится прочное здание поэзии боевой, активной современной.

...Урал, Приуралье и Зауралье! Вокруг русского корня и его могучего ствола здесь ветвятся деревья разных пород. Этой незатейливой метафорой я хотел еще раз обратить внимание на многонациональный состав уральской поэзии. Национальные поэзии народов России, географически тяготеющих к Уралу, представлены крупными именами. Естественная же близость этих народов нашла отражение в исторической судьбе, в характере отношений меж ними, в той великой и неразрывной дружбе, которая ныне связывает все малые и большие народы Советского Союза с русским народом. Это искренне и взволнованно выразил башкирский поэт Мустай Карим:

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водю рек российских напоен.
Своею жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.

Ему вторят поэты других национальностей, посвящая строки любви и признательности русскому народу, коммунистической партии, вождю революции Ленину. Как символ единства и общей веры увидел Ханиф Карим высеченный рукою мастера-резчика на высокой скале «среди Уральских гордых гор» портрет Ленина.

Встает над родиной заря,
Парят орлы.
На мой Урал глядит Ильич
С крутой горы.

К поэзии каменного Урала, к поэзии всего большого края срединной России, по ту и по другую сторону прилегающего к Уральскому хребту, приложима общая формула советской поэзии, единой своими идеалами, многоцветной по национальным краскам.

...Велика и прекрасна наша советская родина. И нет, наверное, в ней такого уголка, который бы не нашел своего поэта — большого ли, с громким именем, или вовсе безвестного. Псковской земле повезло — она в тяжелую годину приютила гения, и гений воспел ее в бессмертных стихах. В уже близкое нам время могучие таланты восславляли другую древнюю и славную русскую землю — Смоленщину.

Урал не может похвастать такими именами, но все же Александр Твардовский от хуторского глухого подворья, от деревенской кузницы на родной Смоленщине провел прямую линию связи с главной кузницей страны — Уралом и, покидая его, грустно признавался: «Тебя, как будто край родимый, я оставляю позади».

Край родимый... Он живет и меняется в воображении поэта вместе с его настроением, отражает различные состояния души.

Коренной уралец, один из старейших русских поэтов Степан Щипачев сказал:

Урал. Он лег в мою строку
во всю длину, размашисто и строго.
Он азиатскому матерiku
пришелся каменным порогом.

Он и в песнях прославлен, наш гордый красавец Урал. До сих пор поется удалая «Уральская казачья» на слова Н. Клементьева. Не обошел родной стороны в своем песенном творчестве и Сергей Васильев. А безвременно ушедший из жизни М. Пилипенко написал слова одной из популярнейших песен 50—60-х годов — «Уральской рябинушки».

Книга уральской поэзии создается талантливыми людьми. Она общает нам новые яркие страницы.

Ал. Михайлов.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПОЭЗИЯ
УРАЛА

*

БАХТИН
ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
1756—1818

Родился в семье горного чиновника Егошихинского медеплавильного завода. Служил в артиллерии (1772—1782), после чего перешел в судебное ведомство и около четырех лет был прокурором Пермского земского суда.

В этой же должности служил в Тобольске. Здесь он активно сотрудничал в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

Произведенный в 1788 году в действительные статские советники, он был назначен слободско-украинским, то есть харьковским гражданским губернатором. В Харькове он вспоминал, что в молодости был «величайший вольнодумец... вольтерист...»

В 1814—1815 годах находился в отставке, после чего заведовал Государственной экспедицией по ревизии счетов.

Кроме басен, стихотворений, од, эпиграмм, во многих из которых ясно сквозила их социально-демократическая направленность, Бахтин написал и драму в пяти действиях «Ревнивый» (1795). Впоследствии она была поставлена в Харькове, а в 1816 году напечатана в Петербурге. В этом же году здесь вышла книга Бахтина «И я автор, или разные мелкие стихотворения». Сюда он включил произведения, разбросанные по журналам конца XVIII и начала XIX века.

ВОР, ПОХИТИВШИЙ ЧАСЫ

Часы у госпожи в собрании заметя
И их себе присвоить метя,
 Один проворный вор
 На выдумки был скор.
Искусно олухом на время притворился:
Шел мимо госпожи, он, будто зацепился
И будто невзначай, ей на ногу ступил;
А боль ей учиня, часы удобней сбрил.
Боярыня отнюдь того не помышляла,
Что хитрость простота его в себе включала,
 И так она вскричала:
 — Болван! Простак!
Но вор с усмешкою ответствовал:
 — Без лести,
 Я глуп не так,
Как сколько делать вы изволите мне чести.
Не ясно ли сей вор сказал, читатель, всем,
Что часто плутовство мы глупостью зовем?

1790

ЭПИГРАММЫ

Я честный человек: ты всех так уверяешь.
Не верят в том тебе, ты всех за то ругаешь.
Но я даю совет: коль честным хочешь слыть,
Не славь себя ты им, ты им старайся быть.

1789

* * *

Дворянского коня вчера зарыли здесь,
Который проводил в работе век свой весь.
Свой век же в праздности провел
его хозяин.
Полезней свету был кто: конь или боярин?

1789

ПОПОВ
АНТОН ИВАНОВИЧ
1748—1788

Родился в семье священника села Ключевского Пермской губернии. В 1767 году окончил Вятскую духовную семинарию, работал преподавателем риторики, пиитики, философии в Хлынове и Кунгуре.

В 1778 году в Петербурге вышла книга под названием «Сатирические, забавные и нравоучительные эпиграммы, или надписи, сочиненные в городе Хлынове, Вятской семинарии префектом Антонием Поповым». В 1786 году книжка вышла вторично.

В 1781 году — в год образования города Перми — Попов был назначен сюда протоиереем. Здесь и прослужил до смерти.

Он является автором оставшегося в рукописи первого словаря коми-пермяцкого языка.

* * *

Под видом серебра и злата бога чтили,
Как прежде идолам язычники служили.
Мы, суеверьям их смеясь теперь глупым,
Сребро и золото под видом бога чтим.

Богатый графский дом купивши, Туберон,
По крайней мере мнишь, что ты теперь барон.
Осла Меркурием не сделают Афины.
Природа, нрав и вид осла везде едины.

* * *

Поступки в людях мы пороками зовем,
Пороки собственны за добродетель чтем.
И худо и добро чужое осуждаем,
Но пахнет как от нас, того не примечаем.

Из кн.: Сатирические, забавные и нраво-
учительные эпиграммы, или надписи, сочи-
ненные в городе Хлынове, Вятской семина-
рии префектом Антонием Поповым. Спб.
1778.

* * *

Пред всяким без стыда Флор клятву нарушал,
Кто смело совести его и клятве доверял,
Затем, что много он и в самой клятве лжет;
Клянется совестью, которой в нем и нет!

* * *

Бедно жить — гонят. Богато — завидят.
Подло — гнетут. Высоко — ненавидят.
Глупо — не любят. Разумно — бранят.
Свято — порочат. За худо — казнят.
Кто всем понравиться в свете желает,
Тот поскорее пускай умирает.

* * *

Напрасно говорят, что стал инаков свет,
В нем прежде не было и ныне правды нет!

Из кн.: Сатирические, забавные и нраво-
учительные эпиграммы, или надписи, сочи-
ненные в городе Хлынове, Вятской семина-
рии префектом Антонием Поповым. Спб.
1778.

* * *

Напрасно ропщете, вы бедны потому,
Что обдирают вас донага богаты.
Знать, грабят вас законно, посе му
И в том, по мненью их, они не виноваты.

* * *

Пожил, поворовал довольно в свете Савва,
Здесь голову сложил, конец и богу слава.

Из кп.: Сатирические, забавные и нраво-
учительные эпиграммы, или надписи, сочи-
ненные в городе Хлынове, Вятской семина-
рии префектом Антонием Поповым. Спб.
1778.

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

1752—1800

Национальный герой и первый поэт башкирского народа Салават Юлаев родился в деревне Текеево Шайтан-Кудейского юрта (волости) Уфимской провинции (ныне Салаватский район Башкирской АССР) в семье старшины этой же волости.

Салават Юлаев — ближайший сподвижник Емельяна Пугачева, предводителя крестьянской войны 1773—1775 годов. Плененный в ноябре 1774 года, Салават Юлаев умер 26 сентября 1800 года в крепости Рогервик (Эстония).

Стихи Салавата в подлиннике до нас не дошли. Их сохранила народная память.

* * *

Высоко взлетает ворон,
Но взлетает сокол выше.
Беркут — царь всех птиц на свете —
Выше сокола взлетает.
Славный воин, будь, как беркут,
Чтобы, крыльев шум услыша,
Обретя в тебе опору,
Все друзья смелее б стали,
Чтобы ты врагам был страшен,
Чтобы славы был достоин,
Не щадя себя, отважно
В бой бросайся, беркут-воин.

1770-е

БИТВА

С давних пор сыновья в моем отчем краю
Храброй силой своей знамениты.
И любой, одержавший победу в бою,
Был готовым к грозе новой битвы.

Вечно в жизнь их врывался сражения зов,
Но, сплотившись в дружины, смелее
Налетали они на коварных врагов,
Ядовитых, как черные змеи.

Словно деды мои с их суровой судьбой,
На коня я набрасывал сбрую

И отважно скакал, чтобы ринуться в бой,
В бой священный за землю родную.

Ударялся со звоном клинок о клинок,
Взмах руки моей был мне броней.
И не раз лютый враг, что отбиться не мог,
Падал, в прах уничтоженный мною.

Из той сечи, из кровопролитной, в пылу
Конь к речному примчал меня броду.
На побережье воздал я аллаху хвалу
И готов снова в бой за свободу.

1770-е

ЗУЛЕЙХА

Зулейха, ты — заря, ты привета источник,
Твои черные очи — две жарких звезды.
Они глубже бездонных небес — твои очи,
Красота твоя соткана из чистоты.

Зулейха, белый свет для любви моей тесен,
Боль пронзила мне сердце подобно стреле,
Мой бессилен язык, чтоб воспеть тебя

в песне...

Твои очи, как звезды в полуночной мгле.

1770-е

ВАРАКИН
ИВАН ИВАНОВИЧ
1759—1818

Сын крепостного солеваря из Соликамска, сам опытный солевар. Всю жизнь оставался крепостным. Голицыны, к которым Варакин перешел как «приданое» дочери Строганова, не согласились отпустить его на свободу, даже когда группа выдающихся русских поэтов предлагала за него колоссальный выкуп.

В 1807 году в Петербурге вышла книга его стихов «Пустынная лира забвенного сына природы».

По имеющимся данным, Варакин вообще был личностью незаурядной. В автобиографии он писал о себе, что «увеличил выварку соли до такой степени, до какой она и в первые два столетия не достигала... устроил некоторые заведения, посредством коих обеспечил народ от тягостных операций солеварения». Говоря о том, что они с отцом «томятся под игом рабства», Варакин утверждал прямо: «... так гибнут у нас в безвестности полезные сыны отечества».

ГЛАС ИСТИНЫ
К ГОРДЕЦАМ

Полно гордиться,
О человек,
Время смириться,
Краток твой век.

Взгляни на гробы,
Кинь взор один;
Земной утробы
Ты бранный сын.

Все исчезает
На свете сем,
Что ни прельщает
Живущих в нем.

Царские троны
С шумом падут,
Скиптры, короны
В прахе гниют.

Вчера с друзьями
Аммон играл,
Ныне червями
Наполнен стал.

Одна минута —
И он уж прах.
Где ж гордость люта?
В адских огнях.

Где его сила,
Где власть, краса?
Все подкосила
Смерти коса.

Где его золото,
Где блеск камней?
Пламенем объято,
Стало землей.

Гордец ничтожный!
Время престать
Жить так безбожно,
Бедных терзать.

Слышишь ли стоны,
Кои несут
Все без препоны
Бедны на суд?..

Ты их тиранил,
Ты их зорил,
Ты их изранил,
Ты их кровь пил!

Вот тот несчастный,
Коего ты,
Злодей ужасный,
Ввергнул в беды,

Злобною властью
Гнал его род,
Алчною пастью
Пожрал живот.

Ты пресыщался,
Он гладен был;
Ты забавлялся,
Он слезы лил.

Сниди же, злобный
И лютый вепрь,
Под камень гробный
И в адску дебрь.

Мучайся вечно,
Там ты пребудь
И бесконечно
Бей свою грудь.

МЕРЗЛЯКОВ
АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ
1778—1830

Родился в семье купца в Далматове. С 1781 года жил в Перми, где получил образование в народном училище. Как талантливый поэт, за казенный счет продолжил образование в Москве в университетской гимназии, а затем окончил и университет. Был профессором красноречия, стихотворства и языка русского.

СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ

Среди долины ровныя
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кому их подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;

Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня.

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не выются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

ФЕОНОВ
ВАСИЛИЙ ТИХОНОВИЧ
1791—1835

Родился в семье крепостного недалеко от Казани. Как способного мальчика, его отправили в Вятскую духовную семинарию, где он начал писать сатирические произведения о начальстве, за что был исключен и переведен в хлебопеки. Бежал в Казань. Здесь он явился к ректору университета, был допущен к экзаменам, принят в 1817 году, окончил университет, получил назначение в Пермскую мужскую гимназию.

Талантливый, независимых убеждений, резкий в обращении с чиновниками и духовенством, Феонов приобрел в Перми большую популярность, печатал свои сатирические и исторические произведения в журналах «Заволжский муравей» и «Вестник Европы». Многие стихи ходили в списках.

«Заволжский муравей» в июльском номере 1833 года опубликовал отрывок из повести «Мятежник Пугачев» Феонова, первое в русской художественной литературе произведение о руководителе народного восстания.

За выступления в печати и распространение в рукописях своих «зловредных для лиц духовных и светских» произведений Феонов был удален из гимназии и переведен в канцелярию губернатора, откуда вскоре был тоже уволен. Умер в нищете.

ПЕРМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
К. ТЮФЯЕВУ

Ты охаешь, Кирилл,
Когда сосут тебя пиявки,
А наведи-ка справки,
Как больно там,
Где кровь сосешь ты сам!

1820-е

К ЗОЛОТУ

Отрывок

О ты, которому весь мир
Со всем усердием, почтеньем
Творит вседневное служенье!
О чудодейщий кумир!

О злато, цель моих желаний,
Причина сладостных мечтаний,
Предмет, достойный всех похвал,
Прекрасный желтенький металл!

Что может быть тебя славнее,
Дороже, выше и сильнее?
От власти, кажется, твоей
Зависит жребий всех людей.

...А без тебя все наши дни
Текут лишь в горечах одних...
...Куда ни сунешься, везде
Беды встречаются тебе.

Будь честен, добр и благороден,
От низких слабостей свободен,
Будь с чином знатным, будь с умом:
Что в преимуществе таком?

Где сыщешь должное почтение
И цену истинну ему?
Найдешь на каждом лишь шагу
Одни досады, огорченье.

Чего не терпит иногда
От тучной глупости дородной,
От ябеды высокородной
Полунагая правота?

...Лишь стоит погреметь тобою
И дать с червонцами мешок
Мздоимству в когти серповидны –
И дело все с концом, и рок,
Всегда безденежный, ехидный,
Лицо суровое смягчит,
Сама Фемида улыбнется,
В дугу перед тобой согнется

И нехотя во всем простит.
И манифесты, уложенья,
Процесс, указы, учрежденья,
И совесть, честь и правый суд
Мгновенно скроются под спуд!

РАЗМАХНИН
ПАВЕЛ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ
1796—1835

Сын плотинного мастера Егошихинского завода. После окончания Пермской гимназии Размахнин некоторое время работал со своим отцом по ремонту казенных медеплавильных заводов Западного Урала. В 1826 году Размахнин окончил Казанский университет, работал старшим учителем истории, географии и статистики в Пермской мужской гимназии. Размахнин публиковал свои произведения в журнале «Заволжский муравей» в 1832—1834 годах.

СОБАКА И ВОЛК

Басня

Прекрасно жить на воле!
Собака встретила однажды Волка в поле,
Который с голода едва не умирал
И ноги чуть передвигал,
Взвывая изредка уныло,
Что сострадание в Собаке возбудило.
Она идет к нему, вступает в разговор:
— Ты жалок, Волк! По чести,
Скажу тебе без лести
И, право, не в укор,
Какая жизнь в лесах?
С утра до вечера все рыскай;
Ищи добыч, терпи невольный страх.
О, жребий слишком низкий!
То ль дело в барском мне дворе!
Гложи любые кости!
А как приедут гости,
В прихожей знай лижи тарелки на ларе.
Забот — спокойно спи весь день.
Когда же черна ночь на землю бросит тень,
Часа два только дом обегашь, облаешь
И там опять спокойно засыпаешь.
А спать на сеннице! Простор!
Достойна зависти моя судьбина!
Оставь лесную жизнь, иди на барский двор!
Поверь мне, право, служба — вздор!
— Все хорошо, но ты имеешь господина.

ЕРШОВ
ПЕТР ПАВЛОВИЧ
1815—1869

Ершов, автор известнейшей сказки «Конек-Горбунок», родился 7 марта 1815 года в деревне Безруковой вблизи Ишима.

С 1824 года Ершов жил в Тобольске, где окончил гимназию. После обучения в Петербургском университете (1830—1836) продолжал жить в Тобольске, состоя учителем гимназии, а с 1857 года — директором.

В 1862 году Ершов ушел в отставку, на «жалкий пенсион». 18 августа 1869 года автор «Конька-Горбунка» скончался.

В 1972 году П. П. Ершову в Тобольске поставлен памятник, у которого ежегодно проводят открытие дней советской литературы в Тюменской области.

КОНЕК-ГОРБУНОК

Русская сказка
в трех частях

Отрывок

Часть первая

Начинает сказка сказываться

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына.
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.
В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.

Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день проходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй, вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног!»
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,

Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат пошел собирать:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй, вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отприте;
Ночью страшный был мороз —
До животиков промерз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,

До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, все благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,

Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:

По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка;
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван,
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».
Вот он всходит на крыльцо.
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,

И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, воскричали:
«Кто стучится сильно так?»
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа — словно как у кошки,
А глаза-то — что те плоски!
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочил ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это

Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться.
Хоть смеяться — так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало —
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

МАКАРОВ
ИВАН ИВАНОВИЧ
1821—1852

«Однозвучно гремит колокольчик...» — эту задушевную, грустную песню о русских дальних дорогах, о нелегкой судьбе ямщика многие считают народной. А написана она более ста лет назад неизвестным сочинителем И. Макаровым, на музыку переложена русским композитором А. Л. Гурилевым. Как это часто случается, имя автора песни с годами забылось. Иван Иванович Макаров родился в 1821 году в Сивинском хозяйстве (Пермская губерния) в семье ямщика, принадлежавшего помещику-крепостнику А. В. Всеволожскому, брату Н. В. Всеволожского, друга А. С. Пушкина.

В 1843 году И. И. Макаров за сочинение стихов был сдан барину в солдаты. Затем его приписывают ямщиком к Пермской конвойной роте, где он со временем получает «повышение» и становится старшим ямщиком, сопровождая теперь партии ссыльных даже и до Тобольска.

10 февраля 1852 года в селении Верхний Суксун (Пермская губерния) окоченевший ямщик был снят с саней и отправлен в больницу. Чиновник тюремного ведомства министерства юстиции докладывал: «Анфиске Макаровой... отданы пожитки ея сына старшего ямщика пермской конвойной роты; мешок худой, сапоги худые, две пары исподнего, для ношения неспособного, картуз добрый и бумаги с сочинительством».

Слово «сочинительство» не один раз упоминается в архивных документах. Это дает основания предполагать, что Макаров писал много. Ныне же широко известно только одно творение крепостного поэта. Мы приводим его первоначальный вариант, в котором упоминаются родное село автора Сива и Чугайка — поляна в окрестностях села*.

* О И. И. Макарове см.: Шарц А. К. За сочинительство сдать в солдаты. — «Литературная Россия», 1971, 4 июня.

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И поземка дымится слегка,
И уныло по снежному полю
Разливается песнь ямщика.

Сколько грусти в той песне унылой,
Сколько грусти в напеве родном,
Что в душе его хладной, остылой
Разгорается сердце огнем.

И вспомнил он ночи иные,
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

И вспомнил он Сиву родную,
Чугайку и заводь пруда.
И под хриплые крики конвоя
Замолк мой ямщик навсегда.

Однозвучно гремит колокольчик,
И не слышится песнь ямщика.
Слышен звон кандалов, а дорога,
Дорога в Сибирь далека.

1840-е

АКМУЛЛА МИФТАХЕТДИН
1831—1895

Мифтахетдин Камалетдинович Акмулла родился в деревне Туксанбай нынешнего Миякинского района Башкирской АССР. Учился у известного поэта Шамсетдина Заки.

Акмулла был поэтом-путешественником. Его стихи при жизни не издавались.

Одновременно считается поэтом башкирского, казахского и татарского народов.

МУДРОЕ СЛОВО ПОЭТА

Источают слово мудрое поэты —
Не коситесь на поэтов вы со злобой.
Под запретом стих у бога... Но при этом
Неумолчно поэтическое слово.

Книга каждая заполнена стихами —
Как велик создатель тех стихов быть должен!
Кто главу не склонит перед Газзалием?
Это сам прекрасно знаешь ты, сын божий!

Коль поэт себе порывы подчиняет
И в стихах своих молитв не забывает,
Запретить его поэтику возможно ль —
Ведь поэт стихами разум возвышает.

Есть тропа своя у каждого поэта,
Есть напев, духовным пламенем напетый.
Ибн-Малик, всех больше веровавший в бога,
Все ж слагал в минуту горькую сонеты.

1880-е

* * *

О башкиры! Надо к знаниям стремиться.
Посмотрите: у невежд — тупые лица.
Как бояться несмышленного медведя,
Так нам следует невежества страшиться.

Истина всегда заложена в учёнье,
Мгла невежества рождает лишь мученье.
Кто учен, тот будет в небе и на море,
До глубин дойдет подземного теченья.

Наделен успехом будет, кто учился.
Неучившийся когда, чего добился?
Если хочешь ты открыть источник счастья,
Кроме знаний, да не ведай большей власти!

Шесть и два сложи — ты не получишь десять.
Подгоняй часы — и днем не станет месяц.
Знания сильнее льва! Его опорой
Избери — и станет явью сон упорный.

1880-е

МУХАМЕТСАЛИМ УМЕТБАЕВ

1841—1907

Родился в деревне Ибрагимово нынешнего Кармаскалинского района Башкирской АССР в семье кантонного начальника. В Оренбурге окончил кадетский корпус. В 1869—1879 годах работал волостным старшиной. С 1880 года переехал в Уфу и состоял переводчиком при Духовном управлении российских мусульман.

Прекрасный знаток языка, быта и этнографии башкирского народа, М. Уметбаев в 1883 году был избран членом Оренбургского отделения Российского географического общества.

М. Уметбаев перевел на башкирский язык пушкинский «Бахчисарайский фонтан». Наряду с историческими исследованиями занимался и художественным творчеством.

РЕМЕНЬ И ЛЫКО

В почете был Ремень за то, что смазан
жиром,
А Лыко бедное всем презирали миром.
Но Лыку придала красу и мощь вода,
И людям делало оно добро всегда.
Где суша, там Ремень — хозяин и владыка,
А где течет вода, там торжествует Лыко.
И что же? Лыку стал завидовать Ремень:
«Оно — как тонкий шелк, оно —
как светлый день!»
Разгневался Ремень: с походным грозным
кличем
Он двинулся войной, грозя
владеньям лычьим.
Он Лыко окружил и за пояс схватил,
И дрогнуло оно и, чтоб набраться сил,
Склонилось, легкое, к речной прозрачной
влаге, —
Отведав той воды, исполнилось отваги.
Согнулся вдруг Ремень и приуныл, бахвал.
Потом, придя в себя, заносчиво сказал:
«Мой враг, испив воды, стал смелым
и могучим,
Но помощь от воды и мы сейчас получим!»
Нырнув на дно реки, он вылез, начал бой,
Но от воды размяк, бессильный,
чуть живой,
И растянулся вдруг, и стал он темен
ликом:
Богатства потерял в сраженье
с бедным Лыком!

ФИЛИМОНОВ
ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
1862—1920

Родился в городе Камышлове в семье купца. Учился в Москве. За участие в студенческом движении был выслан на Урал. Занимался адвокатской практикой в Ирбите. Позднее жил в Тюмени и Красноярске. Печата л стихи под псевдонимом Гейне из Ирбита. Первая книга стихов «Песни сибиряка» вышла в 1890 году.

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Вьюги, метели, туманы...
Труден, нерадостен путь!
Сердца изнывшие раны
Нам не дают отдохнуть.

Льем мы ненужные слезы...
Да, наши дни не красны...
Где вы, заветные грезы,
Юности светлые сны?

Сердце от мук изболело:
Злая настала пора,
Где же заветное дело,
Дело во имя добра?

Страшны до ужаса муки
Наших изнывших сердец.
Все опошлело от скуки,
Все измельчало вконец.

Как же разбить эти цепи,
Как же нам горю помочь?
Сбились с дороги средь степи
Мы в непроглядную ночь.

Тьмою крошечной одета,
Милая родина спит.
Видно лишь зарево где-то,
Где-то деревня горит.

Мы, перепуганы громом,
Тихо во мраке бредем...
Песни смешавши со стоном,
Стоны мы песней зовем.

Льем мы ненужные слезы...
Да, наши дни не красны.
Где ж вы, заветные грезы,
Юности светлые сны?

1887

ПЕСНЯ

Все песни родины моей
Полны тоски, полны печали;
Как плач покинутых детей,
Они мне душу надорвали.

В цепях, в глубоком руднике,
Их пели злой судьбины дети,
На Волге-матушке реке
Я часто слышал песни эти.

В них вопль суровой нищеты,
В них море слез, скорбей, печали...
О, милый друг, слышал едва ли
Печальней этих песен ты.

Из сб.: Стихотворения Ф. Филимонова.
СПб, 1898.

НА ПАРОХОДЕ

Из путевых набросков

Быстро шел пароход среди сумрачных гор,
По широкой реке в наших дебрях холодных;
Мы же в рубке сидели, ведя разговор
Целый день о страданиях народных.
Наше общество было весьма велико
(Были тут и воздушные пери),
В дополненье картины стояло клико
На столе, под столом и у двери...
Был меж нас адвокат; о нужде говоря,
Вызывал он невольные слезы,
Прибавляя, однако, что правды заря
Заблестает, рассеявши грозы;
Что подумать о них, о страдальцах, пора,
Что их жизнь безотраднa, уныла...
И тогда наше общество с криком «ура!»
По бокалу клико осушило.
«Посмотрите кругом,— юный врач говорил.—
Я и все мы должны, выбиваясь из сил,
Помогать облегчать эти муки...
Мрет народ — никому его жизнь не нужна!
Медицина одна, медицина должна
Все забрать в свои мощные руки.
И настанет тогда золотая пора,
У народа прибавится сила...»
И тогда наше общество с криком «ура!»
По бокалу клико осушило.
Он сказал: «Пью за тех, чей борьбы идеал,
Чьи желанья так святы и просты...»
За окном в это время ребенок орал,
Заглушая гуманные тосты.
Мы нахмурились все... наша вся молодежь
Замолчала, клико попивая...

Ах, зачем, сын народа, ты громко орешь,
Пожеланьям гуманным мешая.
Ночь ненастна была; этот пасмурный мрак,
Эта тьма грусть на нас навевала.

.
На корме... там стонал, умирая, «большак»,
И над ним причитала старуха;
Я заметил в глазах ее ужас и страх,
Раздавались рыдания глухо...
Разлетались мечты о «привольных местах»,
Предстояла опять «голодуха».

.
И над ним причитала старуха;
И, должно быть в пылу перебранки,
Мы забыли одно... мы забыли помочь
Безысходному горю крестьянки.

ГАДМЕР (ГОЛОВА)
ЕЛИЗАВЕТА САВВИЧНА
1863—1935

Родилась в Семиреченской области. Училась в Екатеринбургской гимназии. Дед ее, Климентий Ушков, крепостной Демидовых, получил вольную благодаря своей недюжинной смекалке (он предложил остроумный инженерный проект). Второй дед, Гадмер, приехал в Россию из Германии, был учителем.

Литературная деятельность Е. Гадмер началась в 1879 году публикацией стихов в «Екатеринбургской неделе». Сотрудничала затем в газетах «Уральская жизнь», «Уральский край». Занималась переводами, писала рассказы и пьесы. В Екатеринбурге изданы два сборника стихов Е. Гадмер.

В 1908 году переехала в Липецк, где вышел ее сборник стихов «Вечерний звон». Книга рассказов Е. Гадмер «Уральские легенды» издана в Петрограде в 1915 году.

Последние годы жила на Кавказе.

ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Стучи, мой молот, да сильней!
Не время уставать:
Железо пламени красней —
Пора его ковать!

Когда для жатвы хлеб готов,
Нельзя дремать жнецам!
Нельзя у пышущих горнов
Дремать и кузнецам!

И дружно, с песней боевой,
Мы молотами бьем:
Своей отчизне дорогой
Мы счастье все куем!

Нельзя ведь счастье нам найти,
А можно лишь сковать!
К нему заветные пути
Должны завоевать!

Ведь это сказка говорит,
Что счастье в сундуке,
В цепях закованном, лежит
На дне морском, в песке...

Пусть будет так!.. Сундук
найдем!
Разроем все пески!
И цепи ржавые на нем
Собьем, и все замки!..

Рабы! Скорей идите к нам!
Мы цепи вам собьем!
И цепи рабские мы вам
В мечи перекуем!..

Стучи же, молот мой, сильней
И спящих всех буди!..
Не спи, народ! Проснись
На помощь к нам иди!
скорей!

1905

ОЗЕРО

Замерло водное лоно,
Вылилось глаже стекла;
Синяя глубь небосклона
В глубь водяную легла.
Месяц там полный играет,
Звезды, мерцая, дрожат;
Птица ночная мелькает,
Тучки грядями лежат.
Там деревья-исполины
Корни простерли к земле,
Моя густые вершины
В темном немом хрустале.
Гор ледяные короны,
Башни и лестницы скал,
Горные замки и троны
Кто-то в воде начертал...
Бурное ветра дыханье
Вдруг по воде пронеслось—
Образов всех очертанье

Спуталось вмиг, расплылось...
Дух наш — что озеро это:
Если на нем тишина,—
Образы целого света
Держит его глубина.
Правильны все отраженья,
Образы ясны, полны,—
Видны все жизни явленья
В лоне его глубины.

Если ж поднимутся бури —
Бури людской суеты,—
Нет и небесной лазури,
Нет и земной красоты!
Волны вражды и страданья
Пестрою зыбью пройдут,
Спутают все очертанья,
Все очертанья сотрут!

1909

ТУРКИН
АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ
1870—1918

Родился и вырос в Верхнеуфалейском заводе. Сын конторского служащего, он был мальчиком на побегушках в заводской конторе, потом — делопроизводителем.

С 1891 года сотрудничал в «Екатеринбургской неделе». В 1902 году в издании газеты «Уральская жизнь» вышел сборник рассказов А. Туркина «Уральские миниатюры» (писатель в то время жил в Челябинске).

Второй прижизненный сборник писателя «Степное» вышел в Петербурге в 1914 году.

* * *

Посмотри, как над краем далеких небес
Тихо гаснет румянец зари золотой,
Потемнел и умолк расцветающий лес,
И клубится туман над заснувшей рекой.
Эта вешняя ночь незаметно пройдет,
Чутко спит, упоенная лаской, земля...
Завтра яркое солнце лучами зальет
Пробудившийся лес, и цветы, и поля.
Я люблю эту пору и грез, и тепла...
Но не верю, весна, я улыбке твоей —
Слишком много кругом непроглядного зла
Под нарядною маской цветов и лучей!
Много сил полегло в безысходной борьбе,
А борьба без исхода уж слишком грустна...
Ах, зачем же я раньше так верил тебе,
В твои песни и сны, дорогая весна!

1891

* * *

Дорогая моя! Я не жизни боюсь,
Пусть она мне грозит, бесталанная...
Нет, я плачу о том, что напрасно борюсь,
Что померкла во мгле цель желанная...
Если б мог я помочь только каплей одной
Моим братьям, в нужде погибающим, —
Божий мир не казался б мне душевной тюрьмой,
А я узником, в ней изнывающим!..

1891

ЗАЯКИН-УРАЛЬСКИЙ
ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ
1877—1920

Родился в Верхнеснячихинском заводе Верхотурского уезда в семье коновозчика. С двенадцати лет работал на заводе — возил руду, затем поступил переписчиком в контору. Служил в Нейво-Шайтанском заводе, в Алапаевске.

В 1903 году в Варшаве, где будущий писатель проходил военную службу, вышел первый его сборник «Рассказы и песни уральца».

В 1904 году П. Заякин вступил в ряды РСДРП. С 1906 года жил в Екатеринбурге, где готовилась к изданию его вторая книга «Северная муза» (конфискована полицией). С 1912 года Павел Иванович — сотрудник «Правды».

После Октября — член Совета рабочих и крестьянских депутатов, доброволец Красной Армии, участник боев на Восточном фронте, редактор оренбургской городской газеты.

НИЧЕГО

Много терний легло на пути,
Но я их не хотел обойти,
Шел я прямо всегда и твердил:
— Ничего, лишь хватило бы сил.

Я в жестокой житейской борьбе
Не искал облегченья себе.
Всё на плечах своих выносил,
Ничего — лишь себя закалил.

Пронесилась гроза надо мной,
Не поник я к земле головой,
А удар принимая, молил:
— Ничего, лишь хватило бы сил.

Я боролся, покоя не знал,
Часто падал и снова вставал,
Много горьких утрат пережил,
Ничего, лишь себя закалил.

Из сб.: Заякин П. Рассказы и песни уральца. Варшава, 1903.

* * *

Будет царство света! Сгинет царство тьмы!
С тьмой века боролись светлые умы.
Долго ночь царила, крепко мрак давил,
Гасли вспышки света вспыхнувших светил.

Но сияла вера, что придет пора
Торжества свободы, правды и добра.
И упорно люди вновь сражались с тьмой.
Много сил угасло. Кровь лилась рекой.
На кострах сжигались, шли на казнь,
на крест,
Умирали в дебрях полудиких мест
Неподкупной правды стойкие борцы.
Разнеслись заветы их во все концы.
И в сердцах отважных страшных пыток гнет
Не убил стремленья гордого вперед.
Видят уж победу светлые умы.
Будет царство света! Сгинет царство тьмы!

1906

ОГНИ

Плыли мы по угрюмой реке.
Ночь надвинулась. Тени легли.
Нас манили огни вдалеке.
Мы, взяв весла, упорно гребли.
Долго плыли, все ближе огни,
Принимались дружнее грести...
В нашей жизни в ненастные дни
Нам сияют огни на пути.
И во мраке мерещится нам,
Что огни эти близко горят.
Но путь длинен к заветным огням...
Все же светят они и манят.

1912

СЛОВО

Нет силы сильнее, чем слову дана,
И властвует в мире над всеми она.
И гнев ли священный, порыв ли святой —
Все будит в нас слово, луч сердца живой.

Свободное слово к народу дойдет,
Укажет дорогу не вспять, а вперед,
Заронит желанье учиться и знать,
Заставит бороться и твердо стоять.
Правдивое слово в сердца западет,
И — дайте лишь время — плоды принесет.

Оно обессилит неправду и гнет.
И людям усталым луч солнца блеснет.
Заветное слово, как светоч во мгле,
Откроет к свободе всем путь на земле,

Зарю призывая и верой бодря,
И дрогнет мрак жизни, и вспыхнет заря.
Нет силы сильнее, чем слову дана,
Господствует в мире над всеми она.
И гнев ли священный, порыв ли святой —
Все будит в нас слово, луч солнца живой.

СЫРОМОЛОТОВ
ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
1877—1949

Родился в Златоусте в семье рабочего-прокатчика. Учился в Уральском горном училище. С 1893 года — участник революционного движения. Один из организаторов Уральского союза борьбы за освобождение рабочего класса, начальник боевой дружины 1905 года в Екатеринбурге, активный деятель уральской большевистской организации, профессиональный революционер.

После Октября — на ответственной партийной работе на Урале и в Москве.

Юношеские стихи Ф. Сыромолотова публиковались в начале 900-х годов в екатеринбургской газете «Уральская жизнь». С 1910 года он активный сотрудник большевистских газет — «Звезды», затем «Правды», где печатал под псевдонимами Федич, Тит Подкузьмихин, Нил Артельный, Зигзаг стихи, басни, политические фельетоны, статьи.

НЕ ГОВОРИ

Не говори: «Исхода нет!»
За слабо брезжащей зарею —
На грезы лучших дней в ответ
Идет давно желанный свет
Мир напоить своей красою!..

Не говори: «Уж я устал.
Разбита грудь. Я жду покоя».
Кто из людей не уставал —
От рядового до героя!..

Не говори, что сердцем ты
Остыл под холодом ненастья:
Где бьются светлые мечты
Любви, добра и красоты,
Где есть огонь — там будет счастье!..

Не говори: «Я одиноко...
Бессильно руки упадают!..»
Взгляни на рвущийся поток —
Он не велик, он не глубок,
А — скалы гордые свергает!..

Не говори, что тьма кругом,
Что ты подавлен этой тьмою...
Поверь, в безлюдье роковом
Постыдно быть страстей рабом —
Трусливой, мелкою душою!..

1903

ПЕСНЯ ПОРТНОГО

Нитка вьется, вьется, вьется,
А в глазах — темно.
Скучно наша жизнь плетется,
Э, да все равно.
День и ночь стучит машина:
Тук-тук-тук-тук-тук.
«Догорай, моя лучина»,—
Ноет грудь от мук...
Сколь ни гнись и ни старайся,
Толку — не видать...
Эх ты, горб мой, выпрямляйся:
Так — несдобровать.
Нитка вьется, вьется, вьется.
Я-то вьюсь — зачем?
Где-то жизнь поет, смеется...
Да поет — не всем...
Стой, машина! Рвись ты, нитка!
Дай и мне вздохнуть:
Для хозяйского прибытка
Иссушил я грудь.

1912

ПРОТОРИМ

...Сегодня проснулся: опять нет газеты.
Сосед мой ее же все ждет...
«Ну что уж... Возьми-ка теперь вот хоть
эту...»
И в руку «Копейку» сует.

«Забавная штука. Вот к ней и манит:
Прочтешь и — на все наплевать!..
И думаешь: нет лучше места мне в мире,
 Как только в трактире
 За парюю пива
День изо дня жизнь прожигать!..
 Газета — на диво...
Иль вот — «Современка». Блудливые взоры.
Елейная святость: все тихо, без ссоры...
И днесь и давненько изрядно врала.
Так «Современка» покорных
 Гладит по шерсти проворно
 И ловко.
Не отстает и «Биржевка»...
«Эх, мой приятель, льется продажный свет
С этих бульварных и желтых газет.
 И по рабочим углам
 Тонкий их яд
Мысль отравляет. Их чад
Туманит пред нами пути.
Эти ль продажные строки газетные
Думы рабочие, думы заветные
 Смогут понять
 И рассказать
Правду о нашей рабочей жизни?»
Да, други, трудненько нам в нашей отчизне
 Дело свое созидать.
Вчера и сегодня — нет нашей газеты.
Ну да везде нелегко было это.
 Мы ведь дорогу торим...

МОЖГИН
МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ
1890—1929

Михаил Григорьевич Можгин родился в деревне Потапово-Тумбарла близ города Бугульма нынешней Татарской АССР.

После окончания Бирской учительской семинарии был директором школы в родной деревне. Участвовал в освобождении Башкирии от белогвардейцев.

Начал писать в годы первой русской революции. В 1909 году в Казани на родном языке опубликовал балладу «Беглец». Ее сюжетной основой явились удмуртские народные легенды и предания.

БЕГЛЕЦ

Там, где темный лес
Ключ в логу таит,
Молодой беглец
У куста стоит.
Щеки впалые,
Кудри всклоочены,
И слеза в глазах
Озабоченных.
— Паренек, скажи,
В сердце что лежит.
Может, друг забыл?
Иль кому не мил?
Мать схоронена?
Злой отец прогнал?
Иль совместный путь
Прервала жена?
Хлеб нескошенный
На корню гниет?
От бескормицы
Погибает скот?
Или нет сохи
Взрыхлить пашни слой?
Иль не стало сил
От болезни злой?
— Горе тяжкое
Я в себе несу,
С ним скитаюся
Беглецом в лесу.
Жизнь хорошую
Вижу лишь во сне.
Больше в дом родной

Не вернусь к семье.
А ведь год назад
Жил как следует,
И никто меня
Не преследовал.

•

— Слушай горький мой,
Мой печальный сказ:
С другом крепко мы
Пировали раз.
Сколько кто хлебнул,
Хмель сморил нас

все ж.

Ночью ткнул злодей
В сердце друга нож.
Пробудился я...
На полу — мой друг
Весь в крови...

в глазах

Неживых испуг...
Диким голосом
Всполошил людей...
Но решили все,
Будто я злодей.

Завязали мне руки
за спину,

Невиновному
В том несчастьи.
Били с розмаха,
Кровь моя текла.
Но больней всего
Сердце горечь жгла.
Нет, никто не внял
Оправданиям.

В хлев был брошен я
Без сознания.
Там в себя пришел.
Темнота, как гроб...
Но сумел бежать,
Совершив подкоп.
И пробрался в лес.
Прячусь целый год.
Измотался весь,
В голове разброд...
Вдруг от выкрика
Встрепенулся лес:
— Вот где прячется
От людей беглец!
— Забегай с боков!
— Догоняй, держи!
— Не зевай, стреляй!
Вон в логу бежит!
И сверкнула тут
Вспышка быстрая.
Лес схватил, понес
Эхо выстрела.
Там упал без слов
На траву беглец,
Где холодный ключ...
Он нашел конец...

1909

НОВИКОВ
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
1884—1916

Родился в Пашийском заводе Пермской губернии в семье торговца. Учился в Пермской гимназии и Казанском ветеринарном институте, курса не окончил. Как поэт и драматург выступал с 1906 года под псевдонимом Н. Черешнев. Пьесы его шли на сценах как столичных, так и провинциальных театров. Погиб на войне, во Франции, где он был с русским экспедиционным корпусом.

ВЕСЕННИЕ БЛИКИ

Засверкали ясны очи
Искрометной синевой,
Синева синее ночи,
Брови черные дугой,
Заалели зорькой щеки,
Зарумянили лицо,
Загляделся — синеокий —
На заветное крыльцо.
Бьется звонкое сердечко,
Рвется алый поцелуй.
Эх, взойти бы на крылечко,
На — ласкай меня, милуй,
Да нельзя... Сама велела
Вечерком ждать у реки:
Днем увидят... То ли дело
Когда ночи глубоки.

1910

В САДУ

Вновь наносит к нам сиренью,
Зацвела — цветет сирень,
Дышит негой, дышит ленью,
И дремать ей словно лень.
Соловей звенит над прудом,
Притаился темный пруд,
И дрожит в нем изумрудом

Первый звездный изумруд.
Бледный серп повис над садом
Серебрит наш старый сад.

Я ловлю влюбленным взглядом
Твой девичий милый взгляд
И томлюсь, томлюсь любовью,
Вновь зажглась — цветет любовь,
Бродит в сердце алой кровью
Знойно-алая, как кровь.

1914

ЮРЕЗАНСКИЙ
ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ
1888—1957

Настоящая фамилия Нос. Родился в деревне Пичугино около Златоуста. Учился в Красноуфимском реальном училище. Исключен за участие в выпуске рукописного журнала. Печататься начал в 1908 году. С четвертого курса Петроградского политехнического института был призван в армию. Участвовал в гражданской войне. После революции — известный советский прозаик, автор многих книг.

* * *

Шумит безумный ветер,
Не знает ночью сна,
Качает прутья ветел
И плачет у окна.

Зальется стоном-свистом
Иль стихнет и замрет —
Во мраке мокром, мглистом
Бесследно пропадет...

Вдруг снова вспыхнет болью —
И с жалобой летит
По темному раздолью
Вдоль трепетных раки...т...

Растет в душе тревога,
Тускнеют звезды грез:
Печали в сердце много,
И много в жизни слез...

Шумит безумный ветер,
Не знает ночью сна,
Качает прутья ветел
И плачет у окна.

1910

ЛЮДИ-ЗВЕЗДЫ

Памяти Н. А. Добролюбова

Жизнь как море. Годы — волны.
В темном взлете прошлых дней
Люди-звезды, правдой полны,
Светят искрами огней.

Их немного — звезд огнистых.
Но среди горя, зла и тьмы,
В блеске дум кристально чистых
Почерпаем силы мы.

И идем к рассветным далям —
Там покой для всех сердец!
Там мученьям и печалям
Виден благостный конец!

1911

ПОЭЗИЯ
СОВЕТСКИХ
ЛЕТ

*

КАМЕНСКИЙ
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
1884—1961

Родился в поселке Боровском Пермской губернии в семье смотрителя золотых приисков. С четырех лет остался круглым сиротой. С шестнадцати лет работал конторщиком, таксировщиком на железнодорожной станции Нижний Тагил.

В 1905 году за участие в революционном движении был арестован.

В 1907 году переезжает в Петербург, где начинается его литературная деятельность.

Был одним из первых пилотов России.

Первые стихи напечатал в 1904 году в газете «Урал».

В 1910 году вышла первая книга лирической прозы «Землянка». В этом же году он печатается в сборнике футуристов «Садок судей». В 1913—1914 годах вместе с В. Маяковским и Д. Бурлюком гастролирует по городам России. Выпускает книги «Танго с коровами» (1914), «Девушки босиком» (1916), «Звучаль веснянки» (1918), роман «Стенька Разин» (1915).

После Великой Октябрьской революции создает крупные поэмы «Степан Разин» (1929, первая редакция 1912—1920), «Емельян Пугачев» (1931) и «Иван Болотников» (1934) и многие другие поэмы об Урале и Каме, о социалистическом строительстве.

В. Каменский выпустил и ряд автобиографических книг: «Его — моя биография великого футуриста» (1918), «Путь энтузиаста» (1931), «Жизнь с Маяковским» (1940); романы и повести «Пушкин и Дантес» (1928), «24 приключения Хорта Джойса» (1927), пьесу «Паровозная обедня» и т. д.

В Перми вышли «Поэмы об Урале и Каме» (1947), избранная проза «Лето на Каменке» (1961), «Избранные стихи» (1967), «Путь энтузиаста» (1968), в издательстве «Художественная литература» — «Поэмы» (1957).

Награжден двумя орденами и медалями.

Умер В. В. Каменский в Москве.

ЗАВОДЫ

Отрывок из поэмы
«Емельян Пугачев»

Пролязгали годы,
Как цепи, железом.
Дымились заводы —
Копоть над лесом.
Синий чугуны,
Красная медь
Будили тайгу
На Русь прогреметь.
Будили, просили
Подняться от земли.
Рабочие силы
Слух понесли.
Заохали, зачокали:
Ой, да чо же эо, чо,
Ну-ко чо?
Объявился, появился
Пугачев —
Вот и чо!
Зовут его Емельюшкой.
Торгует он земелюшкой:
Для помещиков изьян.
Покупает, отбирает
Землю для крестьян.
А поместья, вотчины —
Хлеб да жизнь заводчины.
Вот чего да вот чем
Мужиков он потчует.
Чуй!
Ой, да чо же эо, чо!
Приписных рабов заводских —
Наш спаситель Пугачев.

Погоди, не кричи,
Сами будем пугачи.
 На господском на посаде
 Сами сядем.
Наша земля-землица,
Овес, рожь, пшеница.
 Пушай помещик позлится,
 А мы желаем жениться,
На этой земле своей
Жить да рожать детей.
 Ох и жарко впереди!!
Тише, тише!
 Еще рано. Погоди!
Косматыми медведями
 Залегли в берлогах
Заводы по Уралу на горах.
 Под хвойными поветями
На крутых дорогах
 Жил таежный страх:
Появился разбойник Хлопуша.
Слушай:
 У Хлопуши
 Отсечены уши,
 Вбѣрваны ноздри,
 Рыжая харя в коросту,
 А сам он саженного росту.
 Голос медвежий —
 Рявкой, тварина.
Или он леший,
 Этот зверина.
Только известно одно
 Про Хлопушку:
Как отольют новую пушку,
 Все знают вперед —
Обязательно пушку в дороге
 Хлопуша сопрет.

Взвалит на плечи — и в лес,
Кто бы за ним
 В лес ни полез,
 Не воротится.
Бес.

 Сила лешачья.
 Корова лежачая.

И на кой ему пушки —
 Зверю игрушки
 Играть на опушке.

Так ли, не так ли —
По-разному квакали.
А меж теми пересудами,
Растабарами да зудами
 Было так. Слушай:

Вот.

Похаживал Хлопуша
 С завода на завод.

Вот.

Работал он по части
 Медноплавильных работ.

Вот.

Подбивал к бунтам речами
 Всех рабочих для забот.

Вот.

Чтобы разом взбунтовался
 Ядро-пушечный завод.

Вот.

Чтобы пушки ныне лить
 На помещиков-господ.

Вот.

Только надо для порядку
 Из рабочих сделать взвод.

Вот.

А фельдмаршал даст приказ —
 Пугачёв Емельша тот.

Вот.
Когда стукнет бунтовать,
 Всех Емельша позовет
На потребу взять завод:
 Пушки стряпать для господ.
Вот в чем дело, да не все.
 Ныне в каждом заводе
 Таких Хлопуш
 Оставлено в взводе
 По пяти душ.
Их и надо слушать
В военном деле.
 А самый главный Хлопуша
 Погнал по службе к Емеле.
Что касается того ближе,
 Кто прет в лесу пушки,
Так это — свои же,
 Приписные хлопушки.
 Так-то, Ванька,
 Топим баньку.
Жарко будет впереди...
 Тише. Тихо.
 Еще рано. Погоди.
Тише. Тихо.
 Спят заводы
 Тяжким сном цепей.
На прудах
Колышут воды
 Ветры из степей.
Глушь лесная.
 Спят заводы.
 Спит Урал-векун.
Так текли
 Литейно годы,
 Плавя медь, чугуны,
Горы горя.

Шахты-норы
Знают про людей —
Рудокопов,
Как их горы
Давят злом людей:
Потому что
Над горами
Строятся дворцы,
Потому что
Над ворами
Царские венцы.
Зреет время —
Сон рабочих
Превратится в явь:
Ждать недолго.
Срок короче —
Льется гневом плавь.
Пушки льются,
Ядра тоже.
Спешка горячей:
Бунт рабочих
Враз поможет
Делу пугачей.
А пока
Намнут бока,
Будет тверже бить рука.
Эй, кузнецы,
Рудокопы,
Литейщики,
Шибче работу гони:
Любят заводчики,
Генералы,
Помещики
Рабскую дань искони.
Уважьте, ребята, хозяев уважь,
Старайся, забойная штольня,

Пушай вельможная блажь
Будет довольна.
Ждите, чумазники,
Кедровых орехов на празднике.
Небось
Продырявят орехами
Насквозь,
Ежели постараемся в душу
Посадить им Хлопушу.
А ну, будет калячить,
Горнозаводские клячи!
Не рассусоливай:
Брысь!
За пешни, за кайлы, за тачки
Берись!
Пластайся!
Что пялишь шары, рыжая рысь?
За тачки! Разом!
Разве не знаешь, холопская гадь,
Хозяин не любит потачки
Давать
Черномазым
Копателям угля, руды.
А ну, за труды!
За пешни, холопы!
За кайло, рудокопы!
Эй!
Ты бей,
Ты бей
В грудь каменную, железнущую.
Ты бей,
Ты бей,
Ташши цепь проклятушшую.
Ой, да ой-ё-ё.
Да ты разбей ее,
В стену бей глухущую,

Ты разбей ее,
Долю злюшшую.
Ты бей,
Ты бей,
Ташши,
Ташши.
Добывай, злодей,
На шши
Да на хлеб, на милость вашу —
На березовую кашу.
Получай, кроты, гроши.
Ташши,
Ташши.
Ты бей,
Ты бей
В грудь каменную, железнущую,
Ташши цепь проклятушшую.
Ой, да ой-ё-ё.
Да ты не тронь ее,
Не тронь долю жгучую,
А ты тронь того,
Кто нас мучает.
Работал Урал —
От железа дрожал.
Руда изливалась в печах.
Работал Урал.
Державу держал —
Чугун на рабочих плечах.
Золото, платина,
Самоцветы-каменья,
Железо и медь — для богачей,
В придачу им дадены
Рабы да именья
И перекладины для пугачей.
Жить бы да жить
Господам ввеселе,

В пирах забавляться на шалость.
Хороши барыши
 На господском селе —
Так бы и век продолжалось.
 Работал Урал...
 Да вдруг заорал:
 «Пошел!»
 Заорал по-железному —
 Влязг хорошо:
 «Пошел Пугачев,
 Пошел!»

Руками,
 Ногами,
 Крылами
 В полет,
 Будто на Каме
 Тронулся лед.
Пошел и пошел.
 Захватил берега.
Двинулась гущей
 Людская река.
Босой народишко попер,
 Попер
 В напор,
 Попер
 На сбор —
 В топор.
Кто куда!
 Айда!
 Пропала рабья грусть.
 На свадьбу ненароком!
Зашевелилась Русь,
 Забрякала
 Железом по дорогам.
Уральские заводы,
Рабочие разводы

Работали по дням и по ночам.
Уральские заводы,
Веселые заботы:
Пушки, ядра лили пугачам.
Уральские заводы,
Шахтерские своды
Тряслись от навороченной руды.
Уральские заводы
На яростные годы
Несли на бой рабочие труды.

1931

КАМСТРОЙ

Поэма

Ее еще нет,
Но она скоро станется,
Будет величием
Дальше веков,
Вырастет славой
Она — гидростанция —
На славу
Большеви́ков,
С честью умеющих
Географию края,
В пламени подвигов
Солнцем сгорая,
Так перестроить
Заново разом,
Что ликует
В сплошном
Изумлении разум,

Глаза разлетаются
 Дивной игрой.
Что это строят?
 Строят герои Камстрой!
Ее еще нет —
 Гидростанции —
 С танцами
Переливных огней,
 Вновь блистательных
 Дней, но о ней
Можно петь,
 Говорить,
 Чтобы билось сильнеей
Наше гордое
 Сердце в груди,
Чтобы краше, видней
 География дней
Рисовала
 Разлив впереди.
Пусть ее еще нет,
 Но в прибрежных песках
Ветер треплет
 Окрестность руками:
Погляди, погляди —
 На чертежных досках
Чудеса
 Вырастают
 На Каме.
И летит этот ветер
 По берегу в путь,
А у ветра
 Шальные манеры:
Хочет в новые
 Окна домов заглянуть,
Где расчеты
 Ведут инженеры.

Смотрит ветер —
 Кругом чертежи,
И проекты,
 И карты,
 И планы,
И растут
 Мастерские,
 Домов этажи,
И машины,
 И склады,
 И краны.
И повсюду
 Жизнь
 Гулом полна,
И повсюду
 Рабочих
 Живая волна.
Ветер несется
 С легкой руки
Невиданной
 Дивной картины,
Несется в верховья
 Великой реки,
Спеть чтобы
 Гимн о плотине.
Кама-то
 Слушает —
 Тишь в берегах,
Даже замолк
 На песках
 Перекат.
Утки на озере
 Вдруг присмирели.
Стало
 Не слышно
 Болотной свирели.

Деревья
 В низинах
 Задумались враз,
Слушая
 Ветра
 Веселый рассказ,
Как их
 Затопит
 Большая вода —
Ветру-то
 Весело,
 А деревьям — беда.
Радостно
 Речкам
 Таежным — лесным:
Бурно
 Подымутся
 Краше весны.
Радостно
 Слушать
 Дичи кругом,
Какой это
 Будет
 Раздольнейший дом:
Тучные
 Стаи
 Всяких пород
Будут
 Носиться
 В лазурности вод.
А рыба-то, рыба!
 Праздник
 Вон там —
Всплески
 Сверкают,
 Как броский фонтан.

Булькотня
Среди дня.
Чешую серебром
Ослепляет
Блестящим
Пером.
А Кама-то
Слушает, слушает,
Вспоминая
Глухое минувшее:
Как ходили
В верховьях реки
Бурлаки,
Как их гнали,
Лупили
Купцы-кулаки,
Как плотили
Плоты
Мужики под кнутом,
Как стонали
Лесные поляны,—
Торговали хозяева
Рабским трудом,
Вниз сплавляя
Плоты и беляны.
Как потом,
В другие годы,
Появились пароходы
На реке лесной
Весной.
И вот
Кама вспомнила
Свой каждый
Водный год:
Мель да мель —
Кругом тиски,

Перекаты
 Да пески.
А пароходишки
 Такие малыши,
Будто бегают
 По лужам голыши.
Под Усольем
 Да под Вишерой
Не суда,
 А ровно мыший рой
Пробивается,
 Ползет речной порой.
А ведь тут —
 Березниковский комбинат,
Соликамск
 Да Красновишерск —
 Города!
Вот где требуется
 Камская вода,
 Да в три ряда.
Ах ты, ветер,
 Ветер, не шути,
Реку верхнюю
 Укорами не крой,—
Каме хочется
 Глубокие пути
Развернуть Байкалом —
 Далью на Камстрой.
Каме хочется
 Подняться в высоту,
Раскатиться
 По зеленым берегам,
Показать свою
 Раздоль и красоту
Всем уральским
 Луговым, лесным рекам.

Каме хочется
Увидеть на воде
Теплоходы, пароходы —
Полный груз,
Чтобы в гордой
Многоводной правоте
Прогреть на весь
Блистательный Союз,
Прогреть напором
Радостной воды,
Дать плотине
Чудодейные труды —
Пусть турбинная
Работа всем приветом
Льет энергию
Величественным светом.
Станут камские
В почете берега —
Взглянут, как живет
Красавица река.
А она живет, красавица,
Гениально ныне столь,
Что теперь ее касается
Только новая раздоль,
Только то, что
Ветры бурности
Носят трепетную весть
О Камстрое —
Дивной юности,
О борьбе за труд и честь.
Это будет!
Говорливые
Волны плещутся в кустах.
Это будет!
Все счастливые
Улыбаются уста.

Это будет!
Рать рабочая
Солнцу силою равна.

Это будет!
Вся охочая,
Камгэс строит
Вся страна.

Ветер юности!
Ты бурным другом будь.
Окрыляй весельем
Весь весенний путь,
Разжигай сердца
В счастливейший костер,
На всю молодость
Страны родной простор.

Ветер юности!
Ты Каме подари
Золотые песни
Утренней зари —
Пусть река течет
Почетною порой

В эти дни,
Когда рождается Камстрой,
В эти дни,
Когда Урал
В стране вершин
Создает
Поэму света и машин.

ГАФУРИ МАЖИТ
(ГАБЛУЛМАЖИТ НУРГАНИЕВИЧ ГАФУРОВ)
1880—1934

Башкирский и татарский поэт, основоположник башкирской литературы, родился 20 июля 1880 года в деревне Елем-Караново (ныне Гафурийский район Башкирской АССР) в семье учителя.

Начал печататься в начале XX века. Рассказ «Жизнь, пройденная в нищете» опубликован в 1903 году, а сборник стихов «Сибирская железная дорога» — в 1904 году.

В 1905 году — участник студенческих волнений в Казани. Сборники стихов М. Гафури «Моя молодая жизнь» (1906) и «Любовь к нации» (1907) были конфискованы.

В 1917 году выпустил сборник стихов «Красное знамя» — восторженное приветствие Великой Октябрьской революции.

В золотой фонд башкирской советской литературы вошли повести «Черноликие» (1927), «На золотых приисках поэта» (1931) и другие.

В 1923 году было присвоено почетное звание народного поэта Башкирии.

На русском языке вышли книги стихов «Труженик» (1936), «Стихи» (1940), «Стихотворения» (1948), «Избранные стихотворения» (1953), «Избранная лирика» (1966).

КРАСНЫЙ ФЛАГ

Взгляни вперед —
Красный флаг
Плывет.
С ним былую тьму
Победил народ.

Наш свободный путь
Обвеваает он.
Над землей плывет
Выше всех знамен.

С ним рабочий класс,
Правда только в нем!
Всей земле он стал
Путевым огнем.
Он впитал в себя
Мощь народных масс,
Этот красный флаг,
Что в руках у нас.

Мы шагаем с ним
В наш последний бой,
Мы весь старый мир
Потрясем борьбой.
Вражьих сил оплот
Мы сметали с ним,
Тех, кто пал в бою,
Клали мы под ним.
Всех врагов его
Мы прогнали вон,
Оттого он так
Высоко взнесен!

Нынче всей земле
Светит красный флаг.
Увидав его,
Убегает враг.
Увидав его,
Он дрожмя дрожит.
Ряд чужих знамен
Перед ним лежит!
Озаряй же мир,
Наш багряный флаг!
Мы несем тебя
В молодых руках!

1917

ЧУДЕСНЫЙ СЛУЧАЙ

Чудесный случай был вчера!
Я мирно шел к себе домой,
Вдруг вижу: вспыхнул яркий свет,
мой озаряя путь ночной.
Быть может, солнце? Но в горах
уже погас заката свет!
Луна, быть может? Но как раз
луны на небосводе нет!
Откуда лился этот свет,
лишь позже догадался я:
По улице навстречу мне
шла ты, любимая моя!

1919

ИЗ «МИНИАТЮР»

* * *

Не все тужить!
Придет-уйдет
 пора невзгод,
Ведь не навек
 людских забот
 тяжелый гнет.
Мужчиной будь
 и не страшись,
 что тяжек путь —
Зато он прям,
 ты будь упряма,
 иди вперед!

1934

* * *

Пока тебе сопутствует удача
И жизнь твоя приятна и легка —
Любой знакомый с дружеской улыбкой
Приветствует тебя издалика.
Но если вдруг судьба тебе изменит,
С тоской и горем станешь ты знаком, —
Тот, что вчера тебе так улыбался,
Не удостоит нынче и кивком.

1934

* * *

Ты сделал снисхождение глупцу —
Тебя трусливым тут же он сочтет.
Ты отошел подальше от него —
Тебя надменным тут же назовет.

1934

* * *

Когда беру займы я у кого-нибудь —
Его встречаю в день по меньшей мере
Когда же я займы даю кому-нибудь —
Неделями его мой не встречает глаз!^{раз.}

1934

* * *

Словно месяц в ночи,
я с пути своего не сверну,
Если в чем провинюсь,
то трудом искупаю всю вину.
Если враг нападет,
не подамся трусливо я вспять.
Этой клятве своей
я не буду вовек изменять.

1934

КНЯЗЕВ
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
1887—1937

Родился в Тюмени в купеческой семье. Учился в гимназии и в Сибирской земской учительской школе, откуда был исключен за участие в революционном движении.

В 1908—1914 годах был сотрудником журнала «Сатирикон», печатался в большевистских газетах. До октября 1917 года выпустил книги «Сатирические песни» и «Двуногие без перьев».

С 1918 года работал в Петрограде в «Красной газете», в гражданскую войну — красноармеец, агитатор, корреспондент «Боевой правды».

В. И. Ленин любил стихи В. Князева «Песня коммуны» и, по воспоминаниям Н. К. Крупской, при случае повторял вслух слова: «Никогда, никогда коммунары не будут рабами!»

Среди книг В. Князева «Песни Красного звоняря» (1919), «Капля крови Ильича» (1924), «Книга избранных стихотворений» (1930), «За четверть века» (1935), «Избранное» (1959).

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда.
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!
Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга.
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга.
Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Славен красный наш род,
Жив свободный народ —
Все идут под знамена Коммуны!
Гей, враги у ворот!
Коммунары, вперед!
Не страшны нам лихие буруны.
Враг силен? — Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк солдат — рядовой,
Сын семьи трудовой, —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

1918

КРАСНЫЙ МАТРОС

Синяя куртка с грудью открытой,
Неколебимой — тот же утес! —
Вот он, бессмертья лавром повитый,
В шапке, к затылку бурею сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

Этот не выдаст в тяжкую пору,
Не затрепещет в час роковой:
Смерть, как и должно дерзкому взору,
Дерзостью встретит: «Шутишь, без спору
Не совладаешь с вольной душой!»

Даже штыками к мачте прибитый,
Тяжко изранен стрелами гроз,
будет бороться, кровью покрытый,

В шапке, к затылку пулями сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

Синяя куртка с грудью открытой,
Неколебимой — тот же утес! —
Вон он, бессмертья лавром повитый,
В шапке, к затылку пулями сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

Помните? Ночью взвыли заводы:
«Ратуйте, близок гибели миг —
Псков затопили прусские воды!»
Прямо с танцульки, дети свободы,
В Смольный примчали сердце и штык!

Первый в читальнях красного клуба,
Первый в лезгинке, первый в бою;
Жизнью играет дерзко и грубо:
«Шашка так шашка; Люба так Люба!
Вон он, я — ешьте душу мою!!»

Бури встречает грудью открытой:
«Бей, измывайся — крепок утес!»
Вон он, бессмертья лавром повитый,
В шапке, к затылку молнией сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

ДАУТ ЮЛТЫЙ
(ДАУТ ИСХАКОВИЧ ЮЛТЫЕВ)
1893—1938

Башкирский поэт. Родился в деревне Юлты Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Красногвардейский район Оренбургской области) в бедной крестьянской семье.

Три года пробыл на фронтах первой мировой войны, записался добровольцем в Красную гвардию.

После гражданской войны — один из активных организаторов культурной революции в Башкирии.

В 1926 году закончил Институт Красной профессуры в Москве. Был партработником, журналистом. Начал печататься в 1908 году.

Первый в башкирской поэзии обратился к образу В. И. Ленина. Автор романа «Кровь» (1934), пьесы «Салават» (1925).

Русскому читателю Д. Юлтый известен по книгам «Кровь» (1966), «Избранная лирика» (1966).

Член КПСС с 1919 года.

РЫДАНИЕ

1

Тишина.

Вечный труженик —
старый Урал,
Как верблюд,
спит врасстяжку
под саваном белым.
Спят вершины
и слушают зимний хорал,
Что тревожные сны
навевают несмело.
На просторных полях,
где гуляет мороз,
Увязая в сугробах,
уснули деревни,
Словно пуговики,
кинуты кем-то вразброс
На природе,
угрюмой и древней.
И заводы,
которые шумом своим
Трепетать заставляли
всю землю в округе,
Замолчали...
Из труб их не тянется дым —
Он застыл,
будто замер,
в холодном испуге,
Он покрыл город
грустною пеленой.
И пополз вдоль железной дороги,

Чтоб узнать,
 что несут провода
 над страной,
 Думы их угадать
 и тревоги.
 Провода же рыдали
 и вздохи несли,
 Провода же стонали
 в пути многоверстном.
 И, сверкая огнями,
 весь в снежной пыли,
 Мчался поезд
 под куполом звездным.
 Он спешил из Москвы
 и дышал тяжело,
 Он стремился,
 стремился к Уралу,
 Чтобы сердце его
 тишину здесь нашло,
 Чтобы сердце навзрыд не рыдало.
 Горе гонится сзади
 за ним,
 Безутешное,
 страшное горе...
 Пролетел он, промчался.
 Белый стелется дым.
 И опять
 на уральском просторе
 Тишина...

2

З-з-з-з!..
 У-у-у-у!..
 З-з-з-з!
 У-у-у-у!..

Беспокойной струной
 провода загудели,
В тяжкий стон превратив
 за слезою слезу.
И от гуда
 сердца у людей холодели.
И уже опоясали
 болью своей,
Облетели всю землю
 рыданья и стоны,
Словно плакали сразу
 милыоны детей,
Словно плакали сразу
 голодных милыоны.

И когда тем рыданьям
 вняла синева,
Вняли реки, леса,
 и долины, и горы —
Броско молния врезала
 в небе слова:
Пусть рыдает земля —
 горе!
 Горе!

Пусть охватит печаль
 всех, кто в мире живет.
Умер Ленин...
 Умер Ленин...
— Ох! — вздохнул со слезами
 народ —
Люди всех поколений.

И потом
 пять минут
 у земли на груди

Все молчало —
ни слова,
ни гула.
Слезы лились,
как льются над миром дожди.
Вся земля
в тех слезах
потонула.

Январь 1924

ХУДЯКОВ
КОНДРАТИЙ КУЗЬМИЧ
1886—1920

Родился в деревне Островке ныне Притобольского района Курганской области в крестьянской семье. Рано осиротел.

В 1906 году переехал в Курган. Работал грузчиком, конопатил дома, служил приказчиком в скобяной лавке, в 1910 году открыл небольшую мастерскую художественных вывесок. Начал печататься с 1910 года в курганской «Народной газете», публиковался в петроградской «Правде», в «Сборнике пролетарских писателей» и т. д. Печатался под псевдонимами Сибиряк-Тобольский, Черный бор, Степной ворон, К.К. В 1916 году выпустил сборник «Сибирь».

С 1917 года член КПСС.

В 1966 году Южно-Уральское книжное издательство выпустило сборник К. Худякова «Родные просторы».

МАЯЧНЫЕ ОГНИ

Я искусил себя в печалях,
Влача суровой жизни дни.
И сквозь печаль зажглись в даях,
Маня, маячные огни!

Твердит сурово темень ночи
Душе: «Измучилась — усни!
Сомкни навек покорно очи!
Мираж — маячные огни...»

Но я иду. Пусть путь мой трудный!
Дремучий лес, седые пни...
Меня влекут тропой безлюдной
Вперед маячные огни!

1914

КРАСНЫЙ УРАЛ

Годы дымятся, как в ладане...
Кто здесь, за что умирал?!
Тайны твои не разгаданы,
Старый Урал.

Годы степными оленями
В вечность седую бегут...
Сказки туманов сиреневых
Быль стерегут.

Трубы призывные, медные.
Отзвуки песен родных...
Веют знамена победные
В дебрях лесных.

Что там меж сосен бревенчатых?
Кто там кого схоронил?
Склоны крестами увенчаны
Братских могил.

Что это — искорка ль ясная
Блещет на камне нам вновь?
Роза ли горная красная?
Нет! Это — кровь!

Катятся волны проворные,
Буйный рокошет поток:
«Мчитесь, соколы горные,
Вдаль — на Восток.

Миру откройте свободному,
Как, не страшась, умирал
В битве с врагами народными
Красный Урал».

1919

ШАЙХЗАДА БАБИЧ
(БАБИЧ ШАЙХЗАДА
МУХАМЕТЗАКИРОВИЧ)
1895—1919

Башкирский и татарский поэт, один из зачинателей башкирской литературы.

Родился в деревне Асяново Бирского уезда Уфимской губернии в семье муллы.

Окончил Уфимское медресе «Галия».

В 1917 году был приглашен в редакцию сатирического журнала «Кармак» (Оренбург). В феврале 1919 года вместе с башкирскими войсками перешел на сторону Советской власти, работал в отделе башкирской советской печати Башревкома. Трагически погиб 28 марта 1919 года.

Русские читатели знают Ш. Бабича по его книге «Избранная лирика» (1966) в переводах Семена Липкина.

КУРАЮ

Мой курай, зазвени, заиграй
Всеми красками звонкого мира,
Все печали развей, мой курай,
Чтобы дрогнуло сердце башкира!

Расскажи о разливах зари,
Расскажи о могучем Урале.
Степи в песне своей сотвори,
Чтобы кони по ним проскакали,

Чтобы реки неслись, второпях
На утесы кидаясь с разбега!..
Расскажи о летовках в горах
И о поисках долгих ночлега.

Ты поведай мне, полон тепла,
О красавице в древнем уборе.
Сколько кружев башкирка сплела,
Чтоб забыть свое горькое горе!

Расскажи, как дрожат мотыльки,
Как шумят родники-новоселы,
Как склоняются к ним тальники
И с цветами венчаются пчелы!

Расскажи, мой курай, о былом,
О башкирских восстаньях кровавых,
О добре и о битве со злом,
О весельях, о дедовских нравах.

Расскажи, как башкира земля
Орошалась обильною кровью,
Как вздохнули свободно поля,
Орошенные буйною новью.

Как в кибитках точили мечи
Храбрецы перед боем великим,
Как посуда звенела в ночи,
Вторая вражеским копьям и пикам.

Сколько ты пережил, перенес!
Стал ты старым, курай, как преданье.
Песнь твоя нам знакома до слез,
Это — ангела смерти рыданье!

Так звени же теперь над водой,
Над листвою, где разбрызганы росы,
Словно жаворонок молодой,
Жизнерадостный, звонкоголосый!

Пой, курай, чтобы свет красоты
Залил прошлого страшные тени,
Чтоб родились на камне цветы,
Украшая наш праздник весенний.

Пой, курай, от утра до утра
Гордо, звонко, заливисто, смело.
Наступила такая пора,
Что людская душа зазвенела!

1918

САЛАВАТ-БАТЫР

*Сколько лет Салавату?
Зеленая шапка на его голове.*

Из народной песни

Кто он, грозный Салават?
Чем он славен и богат?
Он — родной земли булат,
Он отвагою богат!

Ни во сне, ни наяву
Равных нет такому льву,
В небесах и на земле
Равных нет его стреле.

Наш Урал — его отец.
Он — стремленье всех сердец.
На земле — он свет земной,
В небе светится луной.

Он — отчества глаза,
Он — захватчиков гроза,
Саблей гору он свернет,
Криком озеро вспугнет.

Салават, как наш Урал,
Никогда не умирал.
Кровь его — завет живым,
Мы ее не оскверним!

КУЗЕБАЙ ГЕРД
(ЧАЙНИКОВ КУЗЬМА ПАВЛОВИЧ)
1898—1941

Удмуртский поэт. Родился в деревне Большая Докья ныне Вавожского района Удмуртии в бедной крестьянской семье.

Окончил Кукарскую учительскую семинарию (1916), Московский Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова (1926) и очную аспирантуру при Московском научно-исследовательском институте национальных и этнических культур народов Востока СССР (1929).

Работал учителем, директором республиканского краеведческого музея в Ижевске, редактором Центриздата, старшим научным сотрудником музея народоведения СССР в Москве, преподавателем Удмуртской областной партийной школы.

Начал писать на русском и удмуртском языках в 1912 году.

Первый сборник «Гусляр» вышел в 1922 году.

Автор восьми сборников стихов на удмуртском языке и одного на русском — «Лирика» (1965).

ВЕТРУ УЙШОРА *

Триолет

Суровый ветер стран Уйшора,
Оставь, покинь страну мою!
Ты видишь: я с тобою в споре...
Суровый ветер стран Уйшора,
Сверни свой путь к Уралу, в горы,
Или умри со мной в бою!
Суровый ветер стран Уйшора,
Оставь, покинь страну мою!
Мои хлеба ты заморозил,
Но сердца пыл не умертвил!
Измял цветы, погибла озимь,
Мои хлеба ты заморозил,
Но не боюсь твоей угрозы —
Ты дух упорства не сломил!
Мои хлеба ты заморозил,
Но сердца пыл не умертвил!
Леса глухие выжгу снова,
Посею вновь свои хлеба...
Где раньше жили волки, совы —
Леса глухие выжгу снова,
И разобьет твои оковы
Упорный труд — моя борьба!
Леса глухие выжгу снова,
Посею вновь свои хлеба!
Суровый ветер стран Уйшора,
Оставь, покинь страну мою!
Ты видишь: я с тобою в споре...
Суровый ветер стран Уйшора,

* Уйшор — Север.

Сверни свой путь к Уралу, в горы,
Или умри со мной в бою!
Суровый ветер стран Уйшора,
Оставь, покинь страну мою!

1920

У ДОРОГИ

У дороги, под ивой, в прохладе,
Виден холмик в тесовой ограде.
Виден холмик в тесовой ограде
У дороги, под ивой, в прохладе.

Под холмом, за оградой тесовой,
Похоронен солдат чернобровый.
Похоронен солдат чернобровый
Под холмом, за оградой тесовой.

Вражьей пулей и конским копытом
Голова его дважды пробита.
Голова его дважды пробита
Вражьей пулей и конским копытом.

Сердце острым штыком искололи,
Тело кинули воронам в поле.
Тело кинули воронам в поле,
Сердце острым штыком искололи.

За Советскую власть дорогую
Принял смерть он свою боевую.
Принял смерть он свою боевую
За Советскую власть дорогую.

1922

УЗОРЫ НА ОКНЕ

Каждой ночью на моем окне
Белые купавы расцветают.
Легкие деревья, как во сне,
Предо мной живут — цветут, не тают.
Вот в углу ромашка, как звезда,
Наклонилась льдистою головкой...
И вдали — кувшинки, и вода
Спит сквозной узорной тканью легкой.
А над ней — одно крыло, как снег,
Развернула чайка и застыла...
Там вдали спит пальма в снежном сне,
И сосна куда-то вдаль уплыла...
И, когда встаю я по утрам,
Долго, долго на цветы люблюсь...
Но вот солнце... Блещет между рам:
Смерть приходит всем моим мечтам!
Целый день тогда на солнце дуюсь.

1923

САЙФИ КУДАШ (КУДАШЕВ САЙФИ ФАТТАХОВИЧ)

Народный поэт Башкирии. Родился в 1894 году в деревне Кляшево Башкирской АССР в семье крестьянина.

После Октябрьской революции учительствовал в деревне.

В 1925 году переехал в Уфу и до середины 30-х годов работал в редакциях газет и журналов.

В годы Великой Отечественной войны возглавлял писательскую организацию республики.

Печататься начал с 1914 года.

Автор 75 книг. Произведения Сайфи Фаттаховича переведены на русский, татарский, узбекский, украинский, таджикский, казахский языки.

Русскому читателю С. Кудаш известен в основном по книгам, изданным в Москве и Уфе: «От всего сердца» (1948), «Стихотворения и поэмы» (1953), «Избранное» (1954), «Навстречу весне» (1954), «Избранное» (1956), «Золотая осень» (1961), «Избранная лирика» (1964), «В моем саду» (1966), «Мои песни» (1969), «Избранные произведения в двух томах» (1970).

С 1947 по 1963 год избирался депутатом Верховного Совета Башкирской АССР.

Награжден орденом Ленина, орденом Дружбы народов и четырьмя другими орденами.

Член КПСС с 1939 года.

КАК БУДТО

Говорят: «Зашло, погасло солнце»,
Точно век
Быть солнцу в темноте.
А оно зашло затем, чтоб утром
В новой
Возвратиться красоте.
Говорят: «Цветок увял»,
Как будто
В нем отныне жизни вовсе нет.
А ведь он увял, чтобы весною
Семена взрастили
Новый цвет!

1935

СПИЧКИ

Бойцы курили. Пели. Вспоминали громко
Сегодняшний горячий и победный бой.
Один из них сидел, задумавшись,
в сторонке,
Коробку спичек он держал перед собой.

Привет из солнечной Башкирии!.. Коробка
С наклейкою обычной и простой...
Боец украдкой, озираясь робко,
Поднес ее к губам натруженной рукой.

Родные спички!.. Все, что дорого
в разлуке,
Бойцу-башкирину напомнили они:
И материнские заботливые руки,
И очага родного теплые огни.

По рытвинам дорог, через снега и воды,
В слепящую метель и в пламенный мороз,
В честь родины своей, в честь своего
народа
В походе доблестном он спички те пронес.

Он их достал вчера. И тратит их
недаром:
В украинском селе, преследуя врага,
Он чьей-то матери, больной, иззябшей,
старой,
Вернул тепло ее родного очага.

1942

* * *

Словно путник, что в степи остался,
Потеряв друзей своих в пути,
Журавель сквозь ветры пробирался,
Чтоб дорогу в теплый край найти.

То он по болоту ходит долго,
То вспорхнет, как будто знает путь...
Отряхая капли с крыльев волглых,
Он летит, подставив ветру грудь.

...Может, сердцу легче разорваться,
Изнемочь, но к цели все ж прийти,
Только б одиноким не остаться,
Растеряв товарищей в пути!

1953

ОЛЬХОВКА

Не уставая, не остывая,
Звенит Ольховка, река живая,
Поет — как будто с цепочкой звонкой
Бежит по склону горы мальчонка.

Спросил однажды я у Ольховки:
— Куда бежишь ты без остановки?
Не утомила ль тебя дорога?
Ты отдохнула бы хоть немного!

Звенели звонкой цепочкой звенья,
Стремилось дальше реки течение,
Стучали брызги ее о камни,
И вдруг сказала тогда река мне:

— Лишь на мгновенье в пути устану —
Я сразу речкой быть перестану.

Прими же сердцем совет Ольховки:
Не знай в дороге ты остановки!

1953

ОТВЕТ

Очень многие удивляются,
Узнавая, сколько мне лет:
— Что же старость к вам не является?
В чем же молодости секрет?

Вам бы в паспорте год рождения
Лет на двадцать перенести
Иль седины как подтверждение
На виски себе навести!

На вопросы эти при случае
Буду так отвечать я впредь:
— Мне единственная и лучшая
Ни за что не дает стареть.

1954

МЕД

П. Г. Тычине

Посылкою в Киев отправил я мед
В подарок друзьям-украинцам,
И кажется мне, что никто не найдет
В степи нашей лучше гостинца.

Я знаю, понравились нашим друзьям
И степь, и Урала отроги...
Цветы бы послать им, но хрупким цветам
Не выдержать дальней дороги.

Не им нашу верность друзьям представлять,
Хоть нет их нежнее и краше,
А соты не могут опасть и завясть
И степи напомнят им наши.

Прохладу лесов эти соты хранят,
В них вешние соки живые,
Им липовый цвет подарил аромат
И сладость — цветы луговые.

Пусть вспомнятся Демы моей берега
Тому, кто отведаст меду,
Пускай он припомнит, как пахнут стога
Над речкой в сухую погоду...

Мой мед сохранит для друзей дорогих
Целебные свойства на годы.
В нем бодрость и сила — почувствует их,
Кто чай будет пить с этим медом!

Я в Киев, на берег днепровский крутой,
Сердечные шлю пожеластья;
Пускай там напомнит мой мед золотой
Башкирского солнца сиянье.

1957

МОЖЕТ БЫТЬ...

Может быть, не допишу я слова
Иль в строфе окажется пробел.
Знайте: не был я разочарован,
Просто дописать я не успел.

Сердце под конец не охладело
К строчкам, что до точки не довел,
И ни в чем я не достиг предела,
Нет! покамест мог идти, я шел!

Назовите, кто в какое время
Все, что думал, сделал на веку,
Кто в последней песне иль поэме
Дописал последнюю строку?

Нет конца дорогам! Мир не тесен!
Пусть всегда вперед пути манят,
И всегда слова последних песен,
Как начала новых, пусть звенят!

1959

* * *

Земля — в снегу.
Чему тут удивляться?
Взглянув на снег,
Нельзя вздыхать всерьез,
Увядшему цветку уподобляться,
Как будто прихватил его мороз.
Пусть снег идет,
Пусть он, как одеяло,
Укроет землю всю —
Ей тишь нужна.
Она все лето
Отдыха не знала,
Пусть хоть зимою
Выспится она.

1962

СКРИПКА

Волшебница моя, звени и пой,
О редкостном не забывая даре,
Не прячь себя и милый голос свой,
Зовущий голос, в бархатном футляре.

Ты никому молчащей не нужна.
Звонящей страстью будоражь и мучай,
Пусть покорит меня твоя волна,
Живой прибой мелодии певучей.

Звени и пой, раздаривая весь
Запас души и в счастье и в напасти,
Томи и радуй, раз призванье есть,
Пока струна не оборвется в страсти.

1962

БЕЛЫЕ ОБЛАКА

Облака лебединою стаей
Льнут к высокой скале неспроста.
Долго кружат они,
Выбирая
Защищенный уступ для гнезда.

Злые ветры,
Хмельны и мятежны,
Гнезда вить лебедам не дают,
Обрывают их пух белоснежный
И по крыльям сверкающим бьют...

Но, тела выгибая упруго,
Стая кружит,
Светла и легка...
...Согревая дыханьем друг друга,
Льнут к высокой скале облака.

1966

* * *

Не горюй из-за того, что кто-то
Смотрит на тебя, как на врага.
Это значит, что твоя работа
Очень многим людям дорога.

Жалок тот, кто скажет, торжествуя:
«Нет завистника ни одного!»
Значит, прожил человек впустую,
Значит, он не создал ничего.

1957

ОКИ АШАЛЬЧИ
(ВЕКШИНА ЛИНА ГРИГОРЬЕВНА)
1898—1973

Первая удмуртская поэтесса. Родилась в деревне Кузубаево Граховского района Удмуртии в крестьянской семье.

С 16 лет работала учительницей. Затем окончила Казанский государственный университет.

В годы Великой Отечественной войны была хирургом в прифронтовых госпиталях.

Удостоена звания заслуженного врача Удмуртской АССР.

До выхода на пенсию работала врачом-окулистом. Печататься начала в 1918 году. На удмуртском языке опубликовала два отдельных сборника. Переводы стихов известны на пятнадцати языках народов СССР и зарубежных стран.

ТЫ СПРОСИЛ У МЕНЯ

Ты спросил у меня, для чего я пою,
Уж не трачу ли попусту силу свою,

А спросил ты, зачем под ветрами
Шелестит золотистый овес,
То согретый дневными лучами,
То продрогший от свежести рос?

А спросил ли ты, друг, у реки,
Почему ей, журчащей, не спится
И тогда, когда спят тростники
И ночные проносятся птицы?

А спросил ли ты, друг, для чего
Заливается песнею звонкой
Соловей над родимой сторонкой?
Ты спросил у него?

1919

ДВА ПИСЬМА

Я не пела вчера, не плясала —
Задушевные письма писала.
Я над первым письмом
Ровно час просидела,
А второе закончила
Только с зарей.

Лист бумаги для первого
Выбрала белый,
Для второго письма —
Голубой.

Одинаковый почерк
И в том, и в другом,
Но не в оба письма
Я цветы положила.
Я проплакала ночь
Не над первым письмом —
Нет, второе письмо
Я слезами омыла.
И на первое мне
Будет скорый ответ,
Но едва ли придет
Мне ответ на второе.
В первом сверстнице я
Посылала привет,
А кому во втором —
Не открою.

1923

ВСПОМИНАЕТСЯ МНЕ

Брал смородину я
У лесного ручья,
Вспомнил очи твои —
Где ты, радость моя?

Как взгляну по весне
На шиповник в огне,

Твой румянец густой
Вспоминается мне.

Я за плугом весной
Прохожу бороздой —
В пенье жаворонка
Голос чудится твой.

1924

ЩИПАЧЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ

Родился в 1899 году в деревне Щипачи Камышловского района Свердловской области в семье крестьянина.

С девяти лет батрачил, работал на асбестовых приисках. С 1919 по 1931 год служил в рядах Красной Армии красноармейцем, курсантом кавалерийской школы, политработником. В 1934 году окончил Институт Красной профессуры.

Участник Великой Отечественной войны.

Писать стихи С. Щипачев начал еще в деревне. Во время гражданской войны тексты его боевых стихов разбрасывались над окопами белых.

Первая книжка стихов «По курганам веков» вышла в Симферополе в 1923 году, затем в Москве появились сборники «Одна шестая» (1931), «Наперекор границам» (1932), «Под небом Родины моей» (1937), «Лирика» (1939), «Стихи» (1940), «Избранное» (1944), «Домик в Шушенском» (1945, 1955, 1960) и многие другие книги.

Творческая активность поэта не ослабевает. Только за последнее десятилетие вышли книги «Избранные произведения в двух томах» (1965), «Избранная лирика» (1966), «Слушаю время» (1970), «Товарищам по жизни» (1972), «Красный вечер» (1974). В 1949 году за сборник «Стихотворения» (1948), в 1951 году за поэму «Павлик Морозов» (1950) удостоен Государственных премий СССР. В 1959—1963 годах С. Щипачев избирался председателем Президиума Московского отделения СП РСФСР. Награжден многими орденами и медалями. Член КПСС с 1919 года.

ЗЕМЛЯ УРАЛЬСКАЯ

Она — скалистая, она — лесная,
она щетинит осенью жнивье,
и яблоки тяжелые роняет
сентябрь заолодавший на нее.

Земля уральская... В ней камень рубят,
чтобы она и в зодчестве жила.
Она порою на ладони грубой
от золотых крупинок тяжела.

Сентябрь 1964

* * *

Лил дождь осенний. Сад грустил о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата в партбилете:
тогда мне было девятнадцать лет.

На город шел Колчак; у мыловарни
чернел окоп; в грязи была сирень;
а я сиял: я стал партийным парнем
в осенний тот благословенный день.

1937

БЕРЕЗКА

Ее к земле сгибает ливень,
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо —
И дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буран берет за плечи,
За руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

1937.

СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Вечерний свет звезды
мерцает в вышине;
задумались сады,
и стало грустно мне.

Он здесь, в моем окне,
звезды далекий свет,
хотя бежит ко мне
сто сорок тысяч лет.

А вам езды-то час,
и долго ли собраться!
А нет чтоб догадаться
приехать вот сейчас.

1938

ЛЮБОВЬЮ ДОРОЖИТЬ

Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне,
Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Всё будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

1939

* * *

Как хочешь это назови.
Друг другу стали мы дороже,
заботливей, нежней в любви,
но почему я так тревожен?
Стал придавать значенье снам,
порой задумаюсь, мрачнею...
Уж видно, чем любовь сильнее,
тем за нее страшнее нам.

1944

* * *

Ты порой целуешь ту, порою эту
В папиросном голубом дыму.
Может быть, в упреках толку нету,
Да читать мораль и не к лицу поэту,—
Только страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам кому.

1944

ПАВШИМ

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в бою.

Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Была б кощунственной моя
Тоскливая строка
О том, что вот старею я,
Что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
В бою, под свист и вой,

Мог пасть в соленом Сиваше
Иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,
Вернулся ли бы я домой
Обнять старуху мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
Жизнь погасил бы враз,
Но был не я убит в степи,
Где обелиск сейчас.

На подвиг вновь звала страна,
Солдатский путь далек.
Изрыли бомбы дочерна
Обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым;
Горячим запахом металл
Запомнился живым.

Но все ж у многих на войне
Был тяжелее путь.
И Черняховскому — не мне —
Пробил осколок грудь.

Не я в крови, полуживой,
Растерзан и раздет —
Молчал на пытках Кошевой
В свои шестнадцать лет.

Пусть всех имен не назову,
Кровнее нет родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

1948

МОГИЛА МАТЕРИ

Ни креста, ни камня даже
на могиле этой нет,
и никто мне не укажет
никаких ее примет.
Бугорок, с другими смежный,
был на ней, но в долгий срок
много вод умчалось вешних —
и сровнялся бугорок.
Только гнет травинки ветер,
только... сжало грудь тоской:
словно не было на свете
русской женщины такой;
словно в муках не рожала
шестерых детей она,
не косила и не жала,
сыновей не провожала,
не тужила у окна.
Мне совсем бы стало горько,
если б край, что нет родней,
каждой тропкой, каждой горкой
память не будил о ней.
На озерках, на елани,
за логами у леска
кто не видел с самой рани

Темного ее платка!
С ребятишками по-вдовьи
в поле маялась она —
Щипачева Парасковья, —
на полоске дотемнá
ставила, не зная лени,
за суслонами суслон...
Взять упасть бы на колени,
той земле отдать поклон.
Пусть к заброшенной могиле
затерялся в мире след —
знаю, мать похоронили
в той земле, что легче нет,
в той земле, в родной державе,
где звучит мой скромный стих,
где теперь высок и славен
труд ушедших и живых.
И когда свистят метели,
снова думаю одно:
и над ней они летели,
и в мое стучат окно.

1957.

* * *

В то далекое загляни-ка.
Там зверей и птиц голоса.
Земляничкой да костяничкой
в Зауралье полны леса.

Дружной стайкой идут ребята.
Рдеют ягоды в туеске.

Отпечатаны лунки пяток
между соснами на песке.

Семилетним да восьмилетним
нет и дела еще до забот.
Но бойчее других, но приметней
в этой стайке парнишка идет...

В то далекое загляни-ка.
Вьется тропкой лесная гать.
Он с винтовкой в руках и с книгой —
людям счастье идет искать.

С добрым сердцем, открытым взглядом
он идет и идет сквозь года.
Рядом смерть проходила, и рядом
пострашней проходила беда...

Вспомнить это — и сердце стынет.
Пусть невзгоды встречал не один,
нелегко он пришел к вершине
неподкупных своих вершин.

1961

ЛАДОНЬ

Ладонь

Большая мужская.

Ее —

Отчетливы и грубы —

Линии пересекают,

Дороги твоей судьбы.

Она от кирки и лопаты грубела,
На женской груди робела.
Ладонь — это жизни слепок,
Годов пролетевших следы...
В нее запрокинется небо,
Когда зачерпнешь воды.
Она широка, пятипала.
Плывешь — рассекает реку.
В армейском строю прикипала
Под знаменем красным
К древку.
Она —
Чтобы гладить ребенка
С любовью, тревогой отца...
И чтобы пощечиной звонкой
Обжечь подлеца.
Округлое, как планета,
Покоится яблоко в ней.
Пускай же ладони этой
Не будет на свете честней.

1963

БЕЛОЯРСКАЯ АТОМНАЯ

1

Видать, Пышма бежать устала
и приняла людскую власть:
у Белоярки морем стала,
до горизонта разлилась.

Уральскою голубизною
в нее глядится небосвод.

Неровной кромкою лесною
окаймлено сверканье вод.

Через него мостом горбатым
ночь перекинет Млечный Путь.
Там станция стоит, и атом
в ней трудится — не кто-нибудь.

2

Она стоит почти в соседстве
с моей деревней Шипачи,
где и сейчас, как было в детстве,
со дна Полдневки бьют ключи.

Стоит с трубою полосатой,
как океанский пароход,
собою славя век двадцатый
и этот непрошедший год.

Вся белая,
за кромкой леса
открылась в дымке голубой,
касаясь облаков белесых
той океанскою трубой.

И кажется, глядит куда-то
за горизонт, за край лесной...
Не войнам править — мирный атом
залет сияньем шар земной.

Август 1963

В РОДНОМ ГОРОДКЕ

В весеннюю свежесть, в вечернюю мглу
я девушку в белом встречал на углу.

Ты снова со мною, родной городок,
сиренью пропахший у пыльных дорог.

Плечисты кварталы твоих новостроек,
но прежних примет от меня не закроешь.

В весеннюю свежесть, в вечернюю мглу
я снова стою на знакомом углу.

Стою, вспоминаю... Ах, девушка в белом,
когда же старушкою стать ты успела?

1964

* * *

Урал. Он лег в мою строку
Во всю длину, размашисто и строго.
Он Азиатскому материку
Пришелся каменным порогом.
Ему известен мамонта скелет
В грунтах промерзлых. Ливнями, ветрами
Его точили миллионы лет,
Чтобы строкою засверкали грани.
Железо, никель, хромовые руды
Я трону словом, рифму им найду.
Недаром в копях камень изумрудный

Зеленым глазом смотрит в темноту.
Урал запутает тропюю лосьей,
Черникой спелой потчевать начнет,
Блеснет меж сосен речкой Сосьвой,
В теснине речкой Вишерой блеснет.
До светлой тучки ледником достанет,
В озера глянет, в стих войдет таким.
Он весь пропах лесами и цветами
И горьковатым дымом заводским.

Март 1964

* * *

Урал! Он был как начало песни.
Хочу разглядеть его не спеша,
Когда еще ни в одном перстне
Не сверкала его душа;
Когда еще трубы над ним не дымили,
Мартены не красили небо в зарю
И горнозаводчик Никита Демидов
Чугунные ядра не лил царю.
Пустынные реки, да глушь лесная,
Да белые вьюги по камню мели.
Несметных сокровищ своих не зная,
Урал стоял поперек Земли.

По каменным скулам скользили тени.
Он был тогда как неграмотный гений.

1964

ОКТЯБРЬ НА УРАЛЕ

Октябрь...
Двадцать шестое...
Зал аплодирует
Стоя.
Полны все ярусы, все балконы.
Рабочие кепки...
Шинели фронтовиков...
В президиуме
Всем знакомые
Малышев, Вайнер, Хохряков.

Ложатся слова,
Как истории грани.
Оратор в тужурке, в пимах.
На улице
Ранняя
Поземкой метет зима.

Над городом
В звездах морозной ночи
Склонилось небо широким плечом,
И Вайнер,
 трибун и любимец рабочих,
Выйдет на улицу, разгорячен.

Поземке бежать с ним рядом,
Колючему ветру касаться щек...
Знамена красногвардейских отрядов
Пулями не пробиты еще.

Еще не оплакивала верхисетцев
У братской могилы трубная медь,
И Вайнера жаркое сердце
По-прежнему хочет дерзать и сметь.

И Малышева у Златоуста
Еще засада не подстерегла.
Он выйдет под звезды тусклые,
Свернет на улицу от угла.

Ему шагать, не сутулиться.
Он эту улицу знает давно,
Не знает только, что этой улице
Будет имя его дано.

Еще колчаковцы с рук не сдирали
Перчатки кровавые кожи живой,
И правда рабочая на Урале
Ходит с поднятой головой.

Она сегодня за все в ответе,
Советской власти вручая права.
Гуляет по залу балтийский ветер.
Матрос Хохряков бросает слова:
«Восстание», «Ленин», «рабочий класс».

Он в черном бушлате, широкоплечий.
Зал снова поднялся.
Словам навстречу
Сияют тысячи глаз.

Октябрь 1964

СТРОЧКИ, СЛОЖИВШИЕСЯ ВО СНЕ

В сумке дорожной стихи да хлеб.
Плащ перекинут через плечо.
Раннее утро. Заря еще
словно знамя в чехле.

Май 1968

В ПЕРВОУРАЛЬСКЕ

Такое забудешь разве?
Такое забыть нельзя!
На стыке Европы и Азии
Встречали меня друзья.

Где синью курилось раздолье,
К пригорку тропинка вела.
Уралочка с хлебом-солью
Легко в мою память вошла.

Железный уральский город
Вдруг все оттеснил города.
К тропинке придвинулись горы,
Как прожитые года.

О, если бы, в сердце отметив,
Умела вместить строка
И рукопожатья, и эти
Две части материка!

Июль 1970

* * *

Зарницы не сгорают,
Их смутно ловит взгляд.
Дороги Зауралья
Под звездами пылят.
Мне этот путь не внове.
Следи и не следи,

Вечерний Богданович
Остался позади.
Завод огнеупоров.
Громады белых труб.
Прославил этот город
Огнеупорный труд.
Я здесь три года не был.
Шофер, хоть погуди!
Под обожженным небом
Тот город позади.
Присматриваюсь. Верно.
Лишь колок обогни,
Волковской свинофермы
Дежурные огни.
Лесок, заметно, мелок.
За тем леском село.
Вкруг церкви запустелой
Безмолвье залегло.
Оглохшая навеки,
Стоит она темна.
Ей каменные веки
Смежила тишина.
У плит глухие травы.
Их ветер шевелит.
Свернуть скорее вправо
Желание велит.
Там Дом культуры... Странно
Мерцает свет в окне.
С широкого экрана —
Солдаты на броне.
Зарницы не сгорают,
Их смутно ловит взгляд.
Дороги Зауралья
Под звездами пылят.
В ночную мглу одета,
Уже невдалеке

Полдневка-речка где-то
Укрылась в ивняке.
В ней где-то месяц тонет.
Но тут как ни гляди,
под мостиком в бетоне
Та речка позади.
Районные дороги.
Клубится пыльный след.
Уральские отроги
Здесь не сошли на нет.
Все круче в гору. Эвон
Куда! Шофер молчит.
Осталась где-то влево
Деревня Щипачи.
Название родное
Не сбережет судьба:
Когда-нибудь на зное
Сотрут волной хлеба.
Не зря почти что рядом
Растет, живет светло
Со школой-интернатом
Все в зелени село.
Мне песня губы сушит,
Хоть слов не подберу.
Сбегутся песню слушать
Колосья на ветру.
Сбегутся и заглянут
В сиянье то, когда
Одною песней станут
Поля и города.
Теплынь июльской ночи
Да звездный свет вокруг.
Березы у обочин
Отстали как-то вдруг.
Ильинское. Хоть поздно
И я не у родни,

В правлении совхозном
Приветливы огни.
Устав от тех раздолий,
Я у крыльца стою.
Готовится застолье,
Должно быть, в честь мою.

1970

* * *

Л. Сорокину

Когда загруститесь очень,
Когда засижусь в Москве,
Я вспомню уральскую осень
Вот в этой багровой листве.
Гранильщикам и дояркам
Я мысленно руки пожму.
Я вспомню Курьи над яром,
Под яром — реку Пышму,
И дымы Сухого Лога,
Витающие под облака.
Не зря по уральскому окать
Опять начинаю слегка.
Не зря про себя называю
Не Нижним, а нежным Тагил...
Когда-то по здешнему краю
Я много дорог исходил.
Мне здесь навсегда дорогими
Пребудут поля и леса,
И трубами заводскими
Подпертые небеса.

Сентябрь 1964

МУСА ДЖАЛИЛЬ
(ДЖАЛИЛОВ МУСА МУСТАФОВИЧ)
1906—1944

Татарский советский поэт. Родился в деревне Мустафино ныне Оренбургской области в семье бедного крестьянина. Учился в деревенской школе, затем в медресе «Хусаиния» в Оренбурге, позднее — в Казани, на рабфаке.

В своей деревне создает пионерскую организацию, затем комсомольскую ячейку, становится ее секретарем, работает инструктором в Орском и Оренбургском уездах комсомола.

В 1931 году окончил Московский государственный университет.

В 30-е годы редактирует татарские детские журналы, издававшиеся при ЦК ВЛКСМ.

Накануне Великой Отечественной войны возглавлял Союз писателей Татарии. С 1941 года — на фронте. В 1942 году был тяжело ранен и попал в плен. За активную подпольную работу в 1944 году казнен в тюрьме Плятцензее.

Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза (1956).

Первые стихи напечатал в 1919 году в Оренбурге в газете «Красная звезда». В 1925 году вышел первый сборник стихов и поэма «Мы идем». Автор многих сборников стихов.

За цикл стихов «Моабитская тетрадь» посмертно присуждена в 1957 году Ленинская премия.

Член КПСС с 1929 года.

НА ЗАВОДЕ ОРЛЕС *

Впервые весь день на Орлесе
Под кровом просторных цехов
Я слушал веселые песни
Могучего хора станков.

И сердце мое веселело,
Когда, окрыляя меня,
В цехах неумолчно гремела
Симфония этого дня.

Движенья здесь быстры и ровны,
Здесь гул над станками парит.
Я вижу: тяжелые бревна
Танцуют гудению в ритм.

А девушки шутят друг с дружкой
За быстрым и ладным трудом.
Взлетают опилки и стружки
И на пол ложатся потом.

Сколь-зит дос-ка
Во-след дос-ке.
Дос-ка — в тис-ках.
Дос-ка — в стан-ке.

Злясь, зубами вгрызлась быстро
В доску острая пила.

* Орлес — Оренбургский лесопильный завод.

И со скрежетом, со свистом
Доску режет пополам.

Доски тонки,
Стружки клейки.
В клетки
На узкоколейке
За доской легла доска.
По узкоколейной ветке
Цокот, клеткот
Вагонетки,
Тарахтящей в такт станкам.

Вижу: бревно, накренившись неровно,
С грохотом грозным разгон берет,
Грузною массой огромные бревна
Катятся в груды вперед.

Тогда на завод я впервые
Из тихой деревни попал.
И вот, поражен и взволнован,
Я ночь до рассвета не спал.

Я за полночь из дому вышел,
И в ясной ночной тишине
Казалось гуденье Орлеса
Бодрящею музыкой мне.

Как будто утроились силы,
Как будто сквозь дремную тишь
Под эту могучую песню
Уже не идешь, а летишь.
К нам тракторы едут в деревню,
И скоро и мы средь лугов
Услышим машинное пенье,
Подобное пенью станков.

Эти грохот и гул
Средь ночной тишины
Мне напомнили
Годы гражданской войны.
Снова темная ночь.
Винтовка в руке.
Вспышки выстрелов вражьих
Видны вдалеке.
Но все ближе к нам
Яростный кашель орудий.
По траншеям к атаке
Готовятся люди.
Вот шрапнель
Разрывается над головой,
Вот винтовочный залп,
Как сигнал штурмовой,
Вот горячая, дробная
Речь пулемета...
И в атаку, в атаку
Идет пехота.
Это бой!
Это тот девятнадцатый год,
Что прошел
Чередою больших непогод,
Что, гремя боевыми громами
Над нами,
Научил нас бесстрашью
И сделал бойцами,
Ободрил нас тогда
Орудийный гром,
Звал в атаку
Бесстрашно идти напролом.
Словно музыка,
Пела в ушах канонада,
Призывая, уча нас
Сражаться как надо.

Как петух голосистый,
Запел гудок.
Как он рано проснулся!
Как звонко поет,
Призывая рабочих
Идти на завод!
Заря встает.
Гудит гудок,
Гудок зовет:
Вставай, браток!
Гудок гудит:
Кончай еду!
Гудок гудит:
Пора к труду!
Гудит гудок:
Пускай станок!
Гудит гудок:
Обедать срок!
Гудит гудок:
За труд опять!
Гудок гудит:
Пора кончать!
И рабочий,
Как друга, гудок полюбя,
На него стал надеяться,
Как на себя.
По гудку
Начинались у нас забастовки,
И рабочий бросал
На заводе труд.
По гудку пролетарии,
Взяв винтовки,
Для защиты Советов
На фронт идут.
Воедино сплотясь
Под гудки заводские,

Приготовив
Порох, и сталь, и свинец,
Мы господству
Отъевшейся буржуазии
Положили в Октябрьские дни конец.
А когда скончался
Владимир Ильич
И огромное горе
Нам горло сдавило —
Не гудков ли
Бодрящий и пламенный клич
Нас призвал к единенью
С могучею силой?!
И гудок
Потому стал родным для раббчих,
Что воспитывал их
В многотрудные дни,
Чтоб, единство свое
Укрепив и упрочив,
Коллективом
Себя осознали они.

Не сразу я понял значенье
Речей заводского гудка.
Рабочие же понимают
Язык его наверняка.

Летят его песни в просторы,
Взвиваются под облака,
И в нашей деревне порою
Мы отзвуки слышим гудка.

И смысл его речи могучей
Для чуткого уха открыт:
О смычке рабочих с крестьянством
Гудок заводской говорит.

До свиданья, друзья! Пишите!
Я, вернувшись в деревню свою,
Расскажу о строительстве вашем
И победах в бескровном бою.
Мы живем от вас недалеко.
Приезжайте же к нам налегке,
Чтобы песни полей услышать,
Чтоб селу рассказать о гудке.

1926

НЕ ВЕРЬ

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал, упал он» —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал» —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый» —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля —
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?!

Ноябрь 1943

МОРСКОЙ (МАЛЫШЕВ)
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ
1897—1956

Русский и мордовский поэт. Родился в селе Сапож-кино Оренбургской области в крестьянской семье. Батрачил у помещика, участвовал в первой мировой войне, в годы гражданской войны сражался в рядах Красной Армии.

Печататься начал в 1921 году.

В 1923—1925 годах учился в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова.

В годы Великой Отечественной войны — на фронте. В 1927 году вышел сборник стихов Д. Морского «Сурдина пурги». В 1929 году Госиздат выпускает поэму Д. Морского «Ульяна Сосновская» — о судьбе мордовской женщины до революции, в 1930 году появляется поэма «Нувази». В 1936 году выходит сборник «Розовое утро», посвященный советской молодежи.

ПЕСНЯ

Отрывок из поэмы
«Нувази»

В бору густом,
В густом бору
Росла сосна
Высокая.
Росла сосна
С дуплом внутри,
Внутри с дуплом,
Зеленая.
В дупле пустом,
В пустом дупле
Жил сиротой
Детинушка.
Луна взойдет,
Осветит бор,
Осветит бор,
Долинушку.
Заплачет он,
Застонет он,
Как буря в ночь,
Расплачется.
То не роса,
То не роса
Кропит луга
Зеленые —
То слезы льет,
То слезы льет
Детинушка
Соленые.
Руками бьет,
Руками бьет

Дупло сосны,
Плененными.
Трещит сосна,
Гудит весь бор,
Весь бор гудит,
Качается.

1929

ПОДАРОК

Голубого с золотой каймой
Десять метров ситца дайте мне:
Отошлю на родину домой,
Отошлю любимой я родне.

Тридцать строчек продал по полтине,
Тридцать строк о солнце и весне,—
Оттого и этакий гостинец
Посылаю я своей родне.

Три аршина на рубаху брату,
Три аршина старому отцу,
Остальное матери на платье
Да сестре на кофточку к венцу.

1927

НА РОДИНУ

Теперь у нас раздолье:
Кипит котлом страда,
И золотое поле
Покоится в скирдах.

Долиной полумесяц
Серпом жнеца плывет,
Плывет вдоль перелесиц —
На родину зовет.

С утра он будет вашим
И зазвенит во ржи,
Прожнет до черной пашни,
До голубой межи.

А ночью снова встанет
Высоко надо мной,
Опять меня потянет
В поля и в край родной.

Гляжу я издалека
За синь большой реки —
Волнуются широко
Туманы и пески.

Люблю веселье в поте,
И счастье на снопах,
И радостной работы
Орлиный взмах в плечах.

Не я ль всегда в народе
Слыл голосистой птиц
И первым в хороводе
Румяных стройных жниц?

Не я ль косою острой
Заливные луга
Качал чалмою пестрой
И песней — берега?

Плыви в тумане, месяц,
На ясные поля,
Из этих перелесиц
Умчусь с тобой и я.

1929

ЗУБОВ
АНДРЕЙ НИКИФОРОВИЧ
1899—1945

Один из зачинателей коми-пермяцкой литературы. Родился в селе Верх-Иньва ныне Коми-Пермяцкого национального округа в семье крестьянина. Окончил педагогический факультет Пермского университета. Работал учителем в Кудымкаре. С 1919 по 1922 год служил в Красной Армии. Был сотрудником научного бюро при окрисполкоме. Первые стихи напечатал в 1922 году. Первый сборник стихов «Что-то» вышел в 1929 году в Москве. В 1933 году напечатал поэму «По новому пути». В 1935 году опубликовал сборник народных сказок, собранных и обработанных им.

БЕЗДОМНАЯ КУКУШКА

Коми-женщина в прошлом

Вчера вечером
Сердце девичье
Налилось бедой,
Горькой горечью:

Вот с того часа,
Со вчерашнего,
Жду здесь милого,
Жду желанного.

Вот уж день встает,
Солнце глянуло...
Издалека мил
Возвращается.

Подбегу к нему,
Долгожданному,
И щекой прижмусь,
Я к его щеке.

Ко груди прижмусь,
К сердцу теплому,
А потом начну
Горе сказывать:

— Ты, любимый мой,
Ты желанный мой,
Ненаглядный мой,
Сердца солнышко!

Без тебя меня
Съели, слопали,
За немилого
Вчера пропили.

Поутру придут
С обручением,
А в воскресный день
Поведут к венцу.

Как упала я
Перед тятенькой:
«Не сменю дружка
На уродину!»

Вы вонзите нож
В сердце девичье
Иль снимите с плеч
Девки голову,

Только с Ванею
Не разлучите,
За немилого
Не хочу идти!»

Стал отец ругать,
Словно бешеный,
Голосила мать,
Прислонясь к печи:

«Мы поили тебя
И кормили тебя,
Девку, думали,
В люди выведем.

Что ж ты делаешь,
Окаянная?
Отца с матерью
Ты не слушаешь...

Так бери скорей
Лапти драные,
Уходи от нас,
Будь бездомною!»

Слезы горькие
Потекли ручьем,
Перед матерью
Причитала я:

«Ты зачем меня,
Моя родная,
Родила на свет,
Дала имечко?»

Лучше б голову
Раздавила мне
Ты своей ногой
При рождении.

Лучше б было мне
Гнить в сырой земле,
Чем слова твои
Слушать страшные!»

Тут отец взревел
Пуще прежнего,
Подошел, толкнул
Головой в косяк.

Он таскал меня
Больно за косу,
Стал топтать-пинать
Груди белые...

А потом открыл
Дверь скрипучую
И на улицу
Меня выбросил:

«Уходи-ка с глаз,
Не отсвечивай,
Ты — не дочь моя —
Дочка лешего!»

Сам же в дом вошел,
Стал стучать-греметь
Да на матери
Стал срывать свой гнев.

Постояла я
За воротами.
«Где приют найти?» —
Думу думала.

Вышла в поле я,
Села на межу —
Все глядела я
В даль восточную.

До утра всю ночь
Я сидела здесь,
Твоего ждала
Возвращения.

Никого ведь нет,
Кто бы жизнь вернул,
Успокоил бы
Долю девичью.

Ты один, родной,
Ненаглядный мой,
Дашь покой душе,
Сердцу — радости!..

СПЕШИЛОВ
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Родился 5 октября 1899 года в бывшей Слудской волости Пермской губернии в семье бурлака.

С десяти лет начал работать на речных судах.

В летнее время бурлачил, в зимнее — учился.

За стихи, которые читал на митингах, осенью 1917 года был арестован.

После Октябрьской революции вступил в Красную гвардию, сражался в Красной Армии на Восточном фронте.

После гражданской войны учился в Пермском художественном техникуме.

В 1926 году вступил в члены Всероссийского союза крестьянских писателей.

В 20—30-е годы регулярно печатал стихи в уральских журналах, сборниках.

В 1940 году вышло его первое крупное произведение — роман «Бурлаки».

Член КПСС.

В СЕКРЕТЕ

Глубокая полночь.
Ракеты да ветер.
Стою за деревней
С винтовкой в секрете.

За рекою враги.
Непроглядная тьма.
А ведь там, за рекой,
Моя старая мать.

Ветер, стужа, метель
И тревожная мгла...
Может, взяли ее
Палачи в шомпола.

Может, в мертвых ресницах
Застыла слеза.
Не щадят палачи
Матерей партизан.

За рекою враги —
Серебро на плечах.
По Уралу плывет
Сухопутный Колчак.

В эту черную ночь
Всполоха до утра.
Под расстрелом стоит
Пролетарский Урал.

Как-то там, за рекой,
Моя старая мать?
Может, тело ее
Заметает зима...

Разорвало пургу
Вдруг сиянье ракет.
В белоснежных плащах
Конный белый разъезд.

Дан условный сигнал,
И засада в снегу...
И винтовка моя
Смотрит в спину врагу...

От засады разъезд
Никуда не уйдет.
Слышишь, там вдалеке
Задробил пулемет.

1934

ВЕСНА БОЕВАЯ

Разыгралась весна
в небывалой игре.
Медью стреляных гильз
зеленели луга.
Над широкой рекой,
на высокой горе
Стрекотала шрапнель,
разрывался фугас.
И в прибрежных кустах
соловьи не поют.
Заковали в броню
пароход бурлаки.
По хозяину крой!
Рви господский уют.

Бархат барских кают
 обдирай на портки.
Рейс вперед огневой
 безвозвратных дорог!
Пусть попал под обстрел
 боевой пароход,
Пусть шумит по броне
 пулеметный горох,
Не сдадут бурлаки
 завоеванных вод!

1934

МАКАРОВ
ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
1905—1937

Родился на прииске Гулино Кизильского района Челябинской области.

С детских лет работал чернорабочим на шахте.

В 1925 году учился на рабфаке в городе Свердловске.

В этом же году опубликовал первые стихи.

Печатался в журналах «Штурм», «Колос», в газетах «Уральский рабочий», «На смену!».

В 1930 году по путевке партии переехал в Магнитогорск, создал литгруппу «Буксир», которую возглавлял до 1937 года.

В 1932 году в Свердловске вышла книга стихов «Огни соревнования».

Делегат Первого съезда писателей СССР.

В ДОРОГЕ

Я снова еду мимо пашен
В телеге тряской в отчий дом.
Мне степь серебряная машет
Своим широким рукавом.

Бежит порывисто навстречу
Моя ликующая быль,
И на мои худые плечи
Ложится золотая пыль.

И ветер крепкий и душистый
Ласкает мне больную грудь.
Ах, как прекрасен луг волнистый
И этот долгий знойный путь.

Мне любо в сладком ожиданье
Мечтать с дорожною сосной
О скором радостном свиданье
С моей родимой стороной.

Я снова еду мимо пашен
В телеге тряской в дом родной.
Закатом маревым окрашен
Души волнующий покой.

1926

ДЕТСТВО

Как часто
С тревогой во взоре,
С мятежным желаньем в груди
Любил я на ясные зори
В затишье садов уходить!
Там длинные легкие тени
Играли, как в поле стада.
Там блеском зеленых видений
Всплывали крутые года.
О, детства душистая мята
И счастья сиреневый дым!
Когда-то пылали закаты
И звали в прохладу сады...
Когда-то в пастушьей свирели
Я слышал победный призыв.
А жизнь моя
Тощей березкой
Шумела от рощи вдали.
Ей снились
Кукушкины слезки
И в синих морях корабли.
Но плыли весенние луны,
Как дни,
Распустив паруса.
И вот уж я,
Смелый и юный,
Иные познал голоса.
Теперь не хочу я свирели,
А медного пенья трубы,
Чтоб грозы и дали звенели
Раскатами гневной борьбы.

1928

КРЫМСКИЕ СТИХИ

Берег врезался в Черное море
Лебединым крылом скалы.
Волны ходят на синем просторе,
Как серебряные волны.
И на берег, упившись гульбою,
Лезут, словно к чертям на рога.
Подо мною морского прибоя
Голубая шумит пурга.
Ветер юга упорно пашет
Неуемного моря зыбь —
Колыбель любви и бесстрашия,
Песен, молодости и грозы.
Загорелый и чуть рассеянный,
Я пускаюсь по морю вплавь.
Море кажется мне бассейном
Жизнерадостного тепла.
Ослепительный солнечный пояс
Широко по нему распростерт.
Я стою и вдыхаю запоем
Ароматного моря простор.
Но, поняв, что я беззаботен,
Что пора мне широты менять,
Гулом доменным
К новой работе
Призывает море меня.

1934

ЛИХАЧЕВ
МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ
1901—1945

Зачинатель коми-пермяцкой национальной письменной литературы. Родился в 1901 году в селе Егва Белоевского района Коми-Пермяцкого национального округа в крестьянской семье.

В 1919 году окончил учительскую семинарию. Работал заведующим деревенской школы.

В 1921 году вступил в ряды Красной Армии, участвовал в боях против белогвардейцев. Вернувшись на родину, снова стал учителем.

В начале 30-х годов учился в Московском редакционно-издательском институте. Был на газетной и книгоиздательской работе.

Первые стихи появились в середине 20-х годов. Автор стихов, поэм, книг для детей, переводов русских классиков, романа «Мой сын» (1936).

ЛЕС ШУМИТ

1

Солнца таежного
Грудь золотая
Дышит над краем
Застывшей земли.
Парма,
Солнцем скупым залитая,
Спит, словно море,
В морозной пыли.

Дрема качает
Стволы великаньи,
Чуток под утро
Заснеженный бор...
Этой глухой
Притаившейся ранью
Сосны чуть слышно
Ведут разговор.

Крепкие корни их
Дремлют под снегом,
В небо закинута голова.
Встань среди них —
И под этим небом
Будешь пылинкой,
Заметной едва!
Высятя,
Высятя, хорошея,
Пихты, одетые
В зимний покров;
Только не гнут

Лебединые шеи
Наши березы
Пред бандой ветров.

2

Но чу!
Скрипит
Певучий полоз,
И человеческий слышен
Голос.
Шумит и падает
Кора
Под звонким звуком
Топора...

Пробужденные, запели
Пихты, лиственницы, ели.
Сосны гнутся
С дрожью в теле,
Сосны падают в метели
На пуховые постели.
Сучья сняты.
Блеском ровным
Загуляя
Топор по бревнам.
И янтарны и светлы
Сосен голые стволы!

3

Ударной бригадой
Идут лесорубы,
И падают чаши
Со свистом и кряком.
Ударной бригадой

Идут лесорубы —
На лес,
На чащобу,
Как будто в атаку.

— Эгей, не ленись!
— Живей!
— Сторони-ись!
Падает дерево —
Ж-жиссь!
Снежною пылью
Каждый умыт...
Море, дремучее море
Шумит!

1936

КУШТУМ (САННИКОВ)
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
1906—1970

Родился в селе Куштумга Миасского района Челябинской области в семье плотника.

В середине 20-х годов, работая в Златоусте, организовал литературную группу «Мартен» и руководил ею несколько лет.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Участник Великой Отечественной войны.

После войны — ответственный секретарь альманаха «Уральский современник». С 1951 года и до пенсии работал в Средне-Уральском книжном издательстве. Первая его книга «Бой» издана в 1933 году в Свердловске. Затем последовали книги «Возвращение молодости» (1934), «Лесная родина» (1937), «Стихи» (1948), «Сторона моя родная» (1953), «Лесные песни» (1956), «Песни сердца» (1962) и повести «Подвиг» (1955 и 1962), «Шумга» (1960).

Награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Член КПСС с 1939 года.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА ЛЕСНАЯ!

Мне с вершины Таганая
На сто верст вокруг видна
Вся привольная, лесная,
Золотая сторона.
По ее крутым отрогам
В теплый полдень не спеша
Ветры бродят по дорогам,
По густой листве шуршат.

Речки падают с утесов,
Тучи прячутся в горах,
Свищут косы на покосах,
Лес вывозят трактора.
Слышен говор лесопилок,
Лесорубов голоса,
Терпким запахом опилок
Переполнены леса.

За горами рвутся грозы,
И, погодой дорожа,
Приуральские колхозы
Собирают урожай.
Над высоким Таганаем
В небе плавает луна,
Здравствуй, родина лесная,
Золотая сторона.

1936

* * *

Далеко в горах страна родная,
За ущельями отцовский кров.
Выше нас — вершина Таганая,
Гнезда туч да пастбища ветров.
Той горе когда-то дали имя
В честь луны:
Молилась ей тайга.
Предки шли с подарками своими —
На утесы вешали рога.
Только лунный луч засеребрится
(Ночи так морозны и длинны!) —
Шли они к вершине помолиться,
Попросить удачи у луны.
Пусть буран не замечает берег.
Камни с гор не скатывает вниз.
Дай охотникам обилье зверя —
Медведей и чернобурых лис.
Рысь бы прыгала на пол-аршина,
И тропу не путал бы шайтан.
И с мольбой смотрели на вершину:
Если спрячется она в туман —
Быть пурге,
Снегам неделю падать —
На охоту выходить не сметь!
А не то найдешь на ребрах впадин
Ледяную медленную смерть.
А пурга дороги заносила,
Заметала выше крыш дома.
На вершину старого Исыла
Оседал снежинками туман.
Шел февраль,
Буранный и капризный,
В белой шубе, в зимних сапогах.

Только я одну тропинку вызнал,
Что легла меж скалами в снегах.
За рекой — избушка Уреньгая,
И туда наперекор родным
Уходил я, снег и стынь ругая,
К узкоглазой девушке Аным.
Пересудов нечго бояться —
Нам иные песни по душе.
Сколько унций крови азиатской
Бьется в венах русских малышей!
И не зря юнец из Уреньгая
Мамой звал красавицу с горы.
Так росли мы,
Розни забывая
В ранних играх резвой детворы.
Не с того ли,
С детства,
С дней Победы,
С той поры, как изменился мир,
С уваженьем называю дедом
Человека с именем Шакир.
Я в глухих лесах уральских вырос,
Но и там я понял без труда,
Что случилось с нашим старым миром,
Если рознь исчезла навсегда.
Далеко в горах страна родная!
Часто вижу в снах отцовский кров —
Выше нас вершина Таганая,
Гнезда туч да пастбища ветров.

1934

* * *

Полюбил я суровые зимы,
Грусть березы,
Что клонится вниз,
И грачей, пролетающих мимо,
На прощанье стучащих в карниз.
Робкий снег выпадает до срока,
Свежий ветер срывается с гор.
И шуршит сиротливо осока
Над безлюдием наших озер.
Как затянут последнюю песню
Рыбаки, расходясь по домам,—
Ожидай, что придет через месяц
На полгода к нам в гости зима.
Стынут волны под свежим морозом —
Двух стихий разыгралась борьба.
И готовят уже углевозы
Для поездок свои кораба.
С детских лет холода не страшны мне.
Выхожу посмотреть, налегке,
Первый снег на скалистой вершине,
Первый лед на притихшей реке.

1934

* * *

Летит самолет над горами.
Сквозь тучи не видно ни зги.
А где-то внизу панорама
Бескрайней зеленой тайги.

Но летчик в полете спокоен,
Он к трассе воздушной привык.
На север!
На север, где в хвою
Запрятался новый рудник.
Глухими лесами укрыты,
За цепью скалистых громад
Веками таились бокситы —
Земли драгоценнейший клад.
А нынче нам стала отрадой
Добытая с боем руда,
Как лучшая в мире награда,
Как первая лента труда.
Лишь утро разбудит поселок,
Осядет туман голубой —
По тропам гурьбою веселой
Идут новоселы в забой.
Тайгу отпугнув топорами,
Строитель на север проник.
...Летит самолет над горами
На новый уральский рудник.

1949

* * *

Я чувствую себя двадцатилетним,
Когда весна разламывает лед.
Опять бродить с любимой до рассвета
По тем местам, где берега зальет,
Где в тальнике, меж кочек на болоте
Свистит кулик о наступленье дня.

Заснешь в двенадцать с явной неохотой,
Чтоб на рассвете голову поднять,
Открыть окно и, высунувшись, дрогнуть,
Прислушиваясь к пению в лесу.
И, крепость подоконника потрогав,
Одним прыжком перемахнуть в росу.
Затем бродить в лесу, не замечая,
Как, продираясь сквозь густой тальник,
Ты по ошибке, просто так, случайно
К зеленым окнам выйдешь напрямик.
Ее привычки досконально вызнав
И о часах условившись давно —
Пустое дело за ворота вызвать
Пригоршней галек, брошенных в окно.
Как хорошо с тобою нам на свете!
Лесной рассвет навстречу нам идет...
Я чувствую себя двадцатилетним,
Когда весна разламывает лед.

1956

БРОДИТ МОЛОДОСТЬ КУДРЯВАЯ

Пусть горит, горит ладонь шершавая,
Спину трет походный котелок —
Это бродит молодость кудрявая
Колеей проселочных дорог.
По весне легко поется, любитя,
Бродится утрами по росе,
И парнишка навек приголубится
К шелковистой девичьей косе.
Но тогда уйдут и не оглянутся
Спутники веселые твои.

По всем недоступным тропинкам,
Где смелые раньше прошли,
По крохам собирай, по крупинкам
Суровую правду Земли.
В труде неустанном усердствуй,
Усилий своих не жалея,
Из чувств, наполняющих сердце,
Веселую песню отлей.
И знай:

этот долг неминуем.

Вставай и борись до конца,
Чтоб песня,
Зовя и волнуя,
Светло зажигала сердца.
Но если, и в этом переча,
Мне скажут:
Трудился я зря,—
На это
Спокойно
Отвечу:
«И мне
Улыбалась
Заря.
Платил я немалой ценою,
Пусть песен векам не сложил,
Весь мир был открыт предо мною,
Я верил —
и, стало быть,
жил!»

НИГМАТИ РАШИТ
(НИГМАТУЛЛИН РАШИТ
НИГМАТУЛЛИНОВИЧ)

1909—1959

Народный поэт Башкирии. Родился в деревне Дингизбай ныне Большечерниговского района Куйбышевской области в семье крестьянина-бедняка.

Воспитывался в детских домах.

Окончил Уфимский рабфак, работал в редакциях районных и республиканских газет, в аппарате Союза писателей Башкирии.

Печатается с 1926 года. В 1933 году вышел сборник стихов «Вступление».

Автор многих сборников стихов и автор пьес «На берегу Белой», «Шумят леса», «Врач Гимранов».

На русском языке вышли книги «Во весь голос» (1949), «Большевик» (1951), «Девушка с Сакмара» (1954), «Звезда над городом» (1956), «Из искры пламя» (1962), «Искры» (1964), «Избранная лирика» (1967), «Новолуние» (1969).

Награжден двумя орденами и медалями.

Член КПСС с 1944 года.

ДЕВУШКА С САКМАРА

Вступление к поэме

Поэма о девичьем счастье должна
Начаться с примет,
 по старинке знакомых.
Ну, скажем, хоть так:
 вечер, луг и луна.
Тальник придорожный. Дыханье черемух...

В тиши зажурчал бы певучий родник,
Лесок зазвучал бы мелодией старой
Плаксивых кукушек. К напевам Сакмара,
Овеянным нежной и страстной тоской,
Прислушался б месяц над спящей рекой.

Явился б джигит
 и, легонько касаясь
Плеча (так притрагиваются к хрусталу!),
Сказал бы:
 — Немало я видел красавиц,
Но только тебя я люблю и хвалю!

Смутилась бы девушка, тронута лаской,
Покрылись бы щеки неожиданною краской,
А после — надолго бы губы слились,
Чтоб ивы плакучие подняли ввысь
Свои безнадежно поникшие ветви,

Чтоб радость в листве прошумела, как ветер,
Чтоб радостной нежности были полны
Вершины горы в своем гордом величье,
Родник неумолчный, говоры птичьи
И медное сердце полночной луны!

Сказала бы девушка:

— Милый, не надо!

Вставал бы туман предрассветной поры,
Влюбленные не ощущали б досады,
Хоть жалили б яростно их комары...

Тут подал бы голос предутренный кочет.

— Прошла уже ночь? — тихо скажут они.

С рукою рука расставаться не хочет.

— Ты под вечер снова сюда загляни!

Они разошлись бы поближе к рассвету,

Вставало бы солнце среди синевы.

Об этой любви рассказали бы ветру

Примятые стебли зеленой травы...

Вот надо бы как!..

Все тут есть, все на месте:

Тальник есть, и вечер,

и луг, и луна,

Есть ветер черемух,

кукушечья песня,

Сакмаром разбуженная тишина.

Но только ни девушки нет, ни джигита:

Читатели, вы их не сыщете тут!

Так где же они? Почему не пришли-то?

Быть может,

лишь полночь настанет,

придут?

Их ищет луна под березкою каждой,

И луг по ним тоже соскучился, влажный.

О месяц и ночь, вы друзей не ищите!

Сакмар предрассветный, по ним не скучай!

Да, девушки нет, и джигита не ждите

Вблизи камышей, погруженных в печаль!

В ТРЕТИЙ ДЕНЬ НОВОЛУНИЯ

Выхожу на улицу ночную,
А трехдневный месяц в высоте
Золотым серпом висит на небе.
Что сравнится с ним по красоте?

Я остановился и любуюсь. .
Юный месяц мысль мою увлек:
Молот взять бы в кузнице да в небо —
Пусть бы он с серпом крест-накрест лег!

1952

ГАВРИЛОВ
ИГНАТИЙ ГАВРИЛОВИЧ

Удмуртский поэт и драматург. Родился 30 марта 1912 года в деревне Большие Сибьы ныне Можгинского района Удмуртской АССР.

В 1928 году окончил Можгинское педучилище. Был учителем, артистом, режиссером.

Участник Великой Отечественной войны.

Начал печататься в 1927 году. Написал свыше 30 пьес, которые составили основу Удмуртского драмтеатра.

В 1958—1963 годах опубликовал трилогию «В родных краях». Первый поэтический сборник «Стихотворения» выпустил в 1937 году.

В русских переводах вышли «Пьесы» (Ижевск, 1954) и сборник стихов «С добрым утром» (М., 1959).

Заслуженный деятель искусств РСФСР, награжден тремя орденами.

Член КПСС с 1940 года.

ВЕЧНО МОЛОДЫ

Отрывок из сказки

Айно красива. Всех своих подружек
Красивее. Проворна и ловка,
Гибка и черноглаза. И к тому же
Слывет в селе за лучшего стрелка.

Наденет шубку заячью, косички
Под беличью ушанку подберет,
На лыжи встанет и летит, как птичка:
— А ну-ка, ветер, кто из нас вперед?

Ее сноровке старики дивятся,
Мол, до всего дошла она сама.
А девушки завидуют и злятся,
Что от Айно все парни без ума.

Вот как-то раз приходят к ней два брата,
Два молодых лихих богатыря,
Косая сажень, и ума палата,
Белы как снег, румяны как заря.

Эйдером хитрым старшего прозвали,
Мардан-храбрец — так звался брат
меньшой.

На славу братья пели и плясали,
Коль веселились — значит, всей душой.

Конь раскуется — подкуют на славу,
Закинут сети — так, поверь, не зря.
Срубить избу — для них одна забава,
А выйдет так, что впору для царя.

И вот они к Айно явились вместе
И говорят ей ласково: — Поверь!
О лучшей не мечтаем мы невесте.
Кому же сердце ты отдашь теперь?

— Не утаю, вы по сердцу мне оба,
Но только стану я женой тому,
Кто Уй-Пери убьет, шайтана злого,
Повергнувшего родину во тьму.

Могуч волшебник. Смельчаков немало
Сложило в битве голову свою.
Гнездо его за снежным перевалом,
В далеком, хмуром северном краю.

Кругом воздвиг он стены ледяные,
Они, как змеи, вьются в сто колец,
Подношьем в недра уходя земные,
Неся на спинах облачный свинец.

А в глубине, где лед вовек не тает, —
Дворцы, подвалы, тюрьмы под горой.
Там сам Пери-волшебник обитает
С Омрой-колдуньей, младшею сестрой.

Когда-то с неба лился свет могучий
И горизонт был ясен и велик.
Но зубья льдов остановили тучи,
А толща туч закрыла солнца лик.

Весенним днем и то едва сочатся
Его лучи, белесы и робки,
А стоит только осени начаться,
Не разглядишь и собственной руки.

Распашешь поле, чуть теплом повеет,
Потратишь сколько силы и труда,

А что в том толку? Колос не созреет,
Один пырей взойдет да лебеда.

— Ну что же вы, богатыри, молчите?
Иль рты у вас наполнены водой,
Бойтесь, что ли? Ну, так уходите,
И чтоб сюда отныне — ни ногой!

Вы думаете, что же — я согласна
Рожать для тьмы и стужи сыновей
И прозябать рабынею несчастной,
Не видя счастья до скончанья дней?

И вот они, чтобы поправить дело,
Пошли домой и снарядились в бой,
Достали луки, наострили стрелы
Да прихватили палицы с собой.

Три дня, три ночи шли они все прямо
И верст прошли так много, что не счесть,
И вот решили у истоков Камы
Воды напиться, отдохнуть, поесть.

И вдруг, внезапно, увидали оба:
В снегу — старик, сам белый словно снег,
Не в силах он подняться из сугроба,
Ну, словом, замерзает человек.

— Поднимем деда, унесем отсюда, —
Храбрец Мардан Эйдеру говорит.
— Тащи, а я возиться с ним не буду,
И без того спина моя болит.

— Ну что ж, — вздохнул меньшей, — твое,
брат, дело,
А я в беде не брошу старика.

Он привязал к спине его умело
И потащил, хоть ноша не легка.

Старик очнулся, зашептал: — Спасибо!
Бес вас, сынки, не выбрался бы сам.
Моя избенка рядом. Вы могли бы
Пожить со мной. Хватило б места нам.

Старик на стол сарбу большую ставит
И рядом с ней кладет блестящий меч.
— Быть может, это радость вам доставит,
А старику на что добро беречь?

Мардан клинком отточенным играет,
Дескать, оружие всякое годно.
Эйдер сарбу лениво открывает
И замирает: золото одно!

— Ну что ж,— он брату говорит
небрежно,—
Сарба осталась, так сарбу возьму,
В пути сгодится для водицы свежей,
А не сгодится, подарю кому.

Им на прощанье дед твердил сердечно:
— Опасное задумали, сынки!
Пери проведаль обо всем, конечно,
Но отступить теперь вам не с руки.

В борьбе сердца богатырей мужают,
И силы прибавляются в бою.
Пусть вам Пери свирепый угрожает,
Вы только верьте в правоту свою.

Чуть отойдя, Эйдер сказал Мардану:
— Пожалуй, порознь выгодней идти.

Я этой речкой пробираться стану,
Ты той иди, и встретимся в пути.

Мардан ушел, а хитрому Эйдеру
Блуждать в чащобах вовсе ни к чему.
Зачем спешить навстречу смерти верной,
Когда удача выпала ему!

А той порой Мардан шагал на север,
Спеша пробраться к логову в горах.
Он побеждал гонцов Пери и сеял
Среди врагов смятение и страх.

А дальше степь глазам его открылась —
Мертва, гола, закутана в туман.
Земля промерзла, в камень превратилась,
От жажды силу стал терять Мардан.

Мардан в сердцах схватил свой меч
блестящий
И прочь швырнул с размаху. И когда
Рассек он землю, вдруг струей свистящей,
Как кровь из раны, вырвалась вода.

«Эге! — Мардан подумал, — меч-то, значит,
Могуществом волшебным одарен!»
И второпях припал к воде прозрачной
И снова стал, как прежде, сильным он.

Вдруг слышит писк, и свист могучих
крыльев,
И карканье над самой головой,
И горноста́й-малютка, обессилев,
Бежит с детьми, от страха чуть живой.

Три ворона, зловещих черных птицы,
Вот-вот настигнут бедного зверька.

Но в грудь врага стрела спешит

вонзиться:

Ведь у Мардана верная рука.

— Ну, ты меня еще попомнишь лихом!
Тебе отплатят братья за меня,—
Прокаркал хрипло ворон, и затих он,
На землю клюв железный уроня.

А два других, страшась стрелы летучей,
Покаркали зловеще в высоте
И, сто несчастий посулив на случай,
За черной тучей скрылись в темноте.

— Ну, богатырь, великое спасибо! —
Сказал Мардану крошка-горностай.—
Ведь без тебя мы все пропасть могли бы.
Теперь любой награды пожелай.

Когда тебе придется в жизни худо,
Одно словечко вспомни ты — «Адаш».
Уж я, поверь, тебя не позабуду,
Примчусь на помощь, только знак подашь.

— На помощь? Мне?! — Как от забавной
шутки

Развеселясь, Мардан пошел быстрей.
А горностай, детишкам вымыв шубки,
Улегся спать в большой норе своей.

САЛЯХ КУЛИБАЙ (КУЛИБАЕВ САЛЯХ ГАБИТОВИЧ)

Башкирский поэт. Родился в 1910 году в деревне Тагирово ныне Абзелиловского района Башкирской АССР.

Воспитывался в детском доме.

Работал на приисках, на медеплавильном заводе.

Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Печататься начал с 1927 года. Первый сборник стихов «На трудовой горе» вышел в 1930 году.

Автор многих книг стихов, повестей «Родник» (1959), «Разные тропы» (1961), сборника пьес «Знакомые имена» (1957), «Избранные произведения в 2-х томах» (1970).

На русском языке вышли сборники стихов «Стихи» (1952), «Любовь и гнев» (1955), «Думы в пути» (1963), «Родники» (1968).

В 1969 году поэту присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры Башкирской АССР.

Член КПСС с 1947 года.

ПЕСНЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Дороги, как струны, протянуты вдаль,
И клавиши шпал наши души тревожат,
А птицы, сидящие на проводах,
На ноты, на нотные знаки похожи!

Вот тронется поезд, и грусть горячей!
Простор покидаю отцовского края.
И, глядя в окно, не смыкая очей,
Я этот мотив без конца повторяю.

И поезд несется, и дым под откос,
Хоралом расходится горное эхо...
Вдруг мост прогрохочет... Чететка колес...
И вся эта песня — как жизнь человека.

И только позванивают провода,
И мимо березы... Ах, песня что надо!..
В ней все — и прощанье, и провода вдаль
Солдата, и возвращения радость!

В ней все! Я взволнованно к сердцу приник
России! Тоске моей нету названья.
Прости меня, девушка, мой проводник,
Не спрашивай, милая: «Что это с вами?..»

Не знаю, путь короток или далек,
Где память — как в молодость

командировка...

Но снова в дороге — побудка, ночевка!
Петь буду кантатам железных дорог,
Покуда не скажут: «Конец! Остановка...»

1955

СОСЕН ПЕРЕЗВОН

Как люблю лесные перепутья,
Сосен перезвон и тьму ветвей,
Где под вечер утихает ветер
И стволы сдвигаются тесней!

Где шумят, качаясь, исполины,
Где росы косынка на тропе.
Хорошо в глуши, в лесных глубинах,
Думать мне о жизни, о судьбе.

А едва блеснет и заискрится
Солнце утром, высушив росу,
Вновь меня, как иноземца, птицы
Поздравляют кликами в лесу.

Свищут, перепархивают шустро
Птицы, и в ответ мои все чувства
Вспыхивают ярче! Я бы рад
Век тут жить, я был бы благодарен!

Родиной, природой мне подарен
Этот бор — огромный хвойный сад.
Он шумит волной вершин великих,
Ослепительный, весь в ярких бликах.

Птичья речь и плещет, и летит!
Бьются трели высоко и близко...
Вслушиваюсь в солнечный мотив.
Вьются птицы надо мной, щебечут.

Эй, пичуги, — замираю вдруг. —
Ну не бойтесь речи человеческой,

Сядьте на руки мои и плечи,
Прилетайте, пойте — я вам друг!

*

Беломошник-бор! Всегда права
Жизнь, в нем торжествуя, только глухи
О старинных здешних леших слухи.
Все здесь есть: купавы, острова,
И женьшень, и одолень-трава.

А чуть свет, зажмурясь от красы,
Тут на ветки и кусты взгляните:
Паутины засверкали нити
От пунктирных контуров росы.

Точно геометры и творцы,
Пауки из очертаний строгих
Возвели капронные чертоги,
Чудо-стадионы и дворцы!

Ввысь уходят сосны, синева
Надо мною, чистое, простое
Небо; час полуденного зноя...
И от смол густых, от их настоя
Стала уж кружиться голова.

Как люблю я хвойный бор былинный,
Беломошник, травы в серебре...
Хорошо в глухих его глубинах
Думать мне о жизни, о судьбе.

1961

ГРАНИТ БАТЫРА

Высоко, в грозовую тьму,
Через горные перевалы
Скачет конь, нипочем ему
Черный лес и пустые скалы!

Кто гонец? По буграм крутым
Он поднялся, подъем осилив...
Чем не сказочный богатырь?
Разве только что конь без крыльев.

Агидель, на ее берегах
Валуны, но скакун не встанет.
Лишь, присев на задних ногах,
На тот берег стрелой как прыгнет!

Нет преград ему, вдаль спешит.
Стороне своей, темной, горной,
Только знак подает джигит,
Только свист на скаку условный...

Скоро в бой ее поведет,
Скоро брызнут клинки до неба.
Ненавидит он царский гнет,
Полон ярости он и гнева.

Все в узорах седло в литых,
Конь блистает свинцовым потом,
Смотрит соколом богатырь,
Высоко, наравне с восходом.

Силуэт его на скале.
Шпорит, жжет он кнутом крученым
Иноходца, чтобы скорей
Повстречаться мог с Пугачевым!

Бунт, как порох... Пусть войско вновь,
Осаждая, ползет на кручи.
Ох и хлынет ручьями кровь!
День задернется черной тучей.

Тени виселищ вдоль по реке,
Кандалы?.. Все равно, царица,
Салават на гарамаке
В даль грядущих веков умчится!

Вот он скачет во всей красе,
Лишь на миг перед Белой встанет,
Конь, на задних ногах присев,
На тот берег стрелой как прынет!

Где он мчится? Куда летит
Богатырь двадцатидвухлетний?
Там, где памятника гранит,
Прогремел его путь последний...

1966

КЕДРОВ
ФИЛИПП ГРИГОРЬЕВИЧ
1909—1944

Удмуртский поэт и прозаик. Родился в 1909 году в деревне Алнаши ныне Можгинского района Удмуртской АССР в семье крестьянина.

В 1928 году окончил Можгинское педагогическое училище. Работал учителем. Был редактором детской газеты «Будь готов!».

Первые стихи опубликовал в 1928 году.

Наиболее значительное произведение — повесть «Катя», переведенная на русский язык (1940, 1954, 1958).

С 1940 года в армии.

За подвиги на фронтах Великой Отечественной войны был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной Звезды и медалями. Пал смертью храбрых в феврале 1944 года под Витебском.

ДОРОГАЯ, ПРОЩАЙ!..

Вьсь темна, тишине я внимаю.
Мотыльками снежинки летят.
Автомат свой к груди прижимаю,
Запахнул белоснежный халат.
Я в траншее глубокой и узкой.
Вновь нахлынули мысли, мечты.
Ты стоишь предо мной в той же блузке,
Но красивей мне кажешься ты.
Протянул к тебе руки несмело,
Вот и обнял, целую тебя.
Улыбнулась и ты, покраснела,
Обняла и прижалась, любя.
Пулемет зататакал фашистский,
И, трассируя, пули летят,
Мины воют особенно низко...
И уж мысли иные кипят.
Смерть идет к тебе, враг, и в смятенье
Ты взглянуть ей не смеешь в глаза!
И напрасно ты ищешь спасенья!
Грянул гром. Все сильнее гроза.
Эй, товарищ, готовься, послушай,
Час пришел, так смелее вперед:
Заиграла родная «Катюша»,
Грозно черную силу метет.
Дан сигнал. Мы к сраженью готовы.
Вот огни засверкали вокруг...
Жив останусь — черкну тебе снова.
Будь спокойной и твердой, мой друг.

1943

МЫ НАСТУПАЕМ

— Добить врага! — нам Родины приказ.
Мы трети сутки не смыкаем глаз.
Мы наступаем. Бьются у реки,
Тесня врага, советские полки.
В огне пожарищ замерла земля,
Как будто плугом вспаханы поля.
Родные пашни, рощи и сады —
Я всюду вижу палачей следы.
Здесь враг прошел. Он города спалил,
На горло нашей песне наступил.
Пустынны рощи, выжжена трава,
Но песня нашей доблести жива.
Та песня с нами. Бьет расплаты час,
Вперед! Ничто не остановит нас.
За муки наших жен и матерей
Настичь фашиста всюду — и убить.
За гибель наших братьев и детей
Настичь фашиста всюду — и убить.
Мы наступаем. Мы идем вперед.
В одном строю с бойцами весь народ.
Бойцы! Мы клятву Родине даем:
Где б ни был враг — настигнем и добьем.
О, Родина! Под знаменем твоим
Мы все — как победители стоим!

1943

РУЧЬЕВ
БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ
1913—1973

Родился 15 июня 1913 года в станице Еткульской Челябинской области в семье учителя.

В 1930 году приехал на Магнитострой, работал плотником, бетонщиком, журналистом в комсомольских газетах.

Заочно учился в Литературном институте имени А. М. Горького. Жил на Крайнем Севере и в Киргизии, работал забойщиком на золотых приисках, был фельдшером, счетным работником.

В 1957 году возвратился в Магнитогорск.

Первые стихи опубликовал в 1928 году в газете «Красный Курган». Первая книга стихов «Вторая Родина» вышла в 1933 году в Свердловске; в том же году переиздана в Москве.

Вторая книга стихов «Лирика» вышла в 1958 году. Затем вышли книги «Красное солнышко» (1960), «Проводы Валентины» (1960), «Прощанье с юностью» (1961), «Стихи и поэмы» (1963), «Любава» (1963), «Магнит-гора» (1965), «Красное солнышко» (1968), «Избранное» (1969) и другие.

За книги «Красное солнышко», «Проводы Валентины» и поэму «Любава» в 1967 году присуждена Государственная премия РСФСР имени А. М. Горького. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

ПЕСНЯ
О БРЕЗЕНТОВОЙ ПАЛАТКЕ

Мы жили в палатке
с зеленым оконцем,
промытой дождями,
просушенной солнцем,

да жгли у дверей
золотые костры
на рыжих каменьях
Магнитной горы.

Мы жили в палатке,
как ветер, походной,
постели пустели
на белом восходе,

буры рокотали
до звездной поры
в нетронутых рудах
Магнитной горы.

А мы приходили,
смеялись и жили.
И холод студил нам
горячие жилы.

Без пляски в мороз
отогреться невмочь,
мы жар нагоняли
в походную ночь.

А наш гармонист
подыграл для подмоги,
когда бы не стыли
и руки и ноги;

озяб гармонист
и не может помочь,
озябла двухрядка
в походную ночь.

Потом без гудка
при свинцовом рассвете
мы шли на посты
под неистовый ветер

большим
напряженьем
ветра превозмочь
упрямой брезента
в походную ночь.

А мы накалялись
работой досыта,
ворочая скалы
огнем динамита.

И снова смеялись —
от встречи не прочь
с холодной
палаткой
в походную ночь.

Под зимним брезентом
в студеных постелях
мы жили и стыли
дружили и пели,

чтоб нам подымать
золотые костры
нетронутой славы
Магнитной горы.

Чтоб в зареве плавок
сгорели и сгасли,

как гаснут степные
казацкие сказки,—

метельный разгон,
ураганный надрыв
стремительных ветров
Магнитной горы.

Чтоб громкий
на версты
и теплый на ощупь,
как солнце, желанный
в походные ночи,

на тысячи створок
окошки раскрыл
невиданный город
Магнитной горы.

Мы жили да знали
и радость и горе,
забрав, будто крепость,
Магнитную гору...

За рудами суши,
за синью морей
красивая слава
грохочет о ней.

Мы жили да пели
о доле рабочей
походною ночью,
холодною ночью...

Каленая воля
бригады моей
на гордую память
осталась о ней.

Мы жили, плясали
без всякой двухрядки
в холодной палатке,
в походной палатке...

На сотни походов,
на тысячи дней
заветная песня
осталась о ней.

1932

ПРОВОДЫ ВАЛЕНТИНЫ

Вдоль березовой долины,
под прикрытием зари,
дует ветер с Украины
паровозу в фонари.
Дует ветер-западок,
ковылинки валит с ног,
а дежурный по вокзалу
на разлуку бьет звонок.
— Все,— скажу я,— Валентина!..—
Чемоданы положу.
— Ты,— скажу я,— Валентина,
поцелуй меня! — скажу.
Ты глаза закроешь вдруг,
плащ свой выронишь из рук,
ты увидишь, как далеко
отчий город Кременчуг...
Подойдешь к родному дому
на гранитном на яру,
поклонись ты голубому
соловьиному Днепру.
От разлуки бед не ведай,

каждый вечер над водой
вишню спелую проведай,
про зозулю песни пой.
Привези ты мне в подарок
сок вишневый на губах,
голубые шаровары,
пару вышитых рубах.
А еще, за ради жизни,
привези ты мне живьем
черноглазых, темно-сизых
соловьиху с соловьем.
И поведай ты подругам
в самый полдень на Днестре,
как страдали мы по югу
ежегодно в декабре.
Как ходили в поздних росах
со строительства вдвоем,
вырезали на березах
имя длинное твое.
Как любовь свою справляли
в перелете всех ветров,
на холодных камнях спали,
целовались у костров.
В полуночный тихий час
снились нам с тобой не раз
трели песен соловьиных,
соловьиный черный глаз...
Так что ты, за ради жизни,
привези-ка мне живьем
черноглазых, темно-сизых
соловьиху с соловьем.
Стану птицам в час восходов
тихим свистом отвечать,
сочиненья птицеводов
вечерами изучать.
Обнесу заречный сад

кругом крашенных оград,
рассажу по тонким веткам,
будто пьяных, соловьят.
Сад завьется, заплетется,
через тридцать пять годов —
сколько листьев встрепенется,
столько свистнет соловьев!
Зоопарку — не отдам,
на базаре — не продам,
раздарю я птичьи стаи
по окрестным городам.
И засвищут, сна не зная,
вплоть до утренней поры
соловьи — с Таганая,
соловьи — с Магнит-горы.
Стану старым и беззубым,
буду бороду носить,
буду в праздники по клубам
речи так произносить:
— Дорогие, вам известно,
прославляя горный люд,
на Урале повсеместно
соловьи мои поют!
Я растил их, между прочим,
я взрастил их без числа,
состоя всю жизнь рабочим
огневого ремесла.
На реке вознес плотину,
город строил, сталь варил,
украинку Валентину
до скончания любил.
Потому, за ради жизни,
привези ты мне живьем
черноглазых, темно-сизых
соловьику с соловьем.

1936

КРАСНОЕ СОЛНЫШКО

Всю неоглядную Россию
наследуем, как отчий дом,
мы — люди русские, простые,
своим вскормленные трудом.
В тайге, снегами занесенной,
в горах с глубинною рудой
мы называли

хлеб казенный
своею собственной едой.

У края родины, в безвестье,
живя по-воински — в строю,
мы признавали

делом чести
работу черную свою.

И, огрубев без женской ласки,
приладив кайла к поясам,
за жизнь не чувствуя опаски,
шли по горам и по лесам,
насквозь прокуренные дымом,
костры бросая в полумгле,
по этой страшной, нелюдимой,
своей по паспорту земле.

Шли —

в скалах тропы пробивали,
шли, молча падая в снегу
на каждом горном перевале,
на всем полярном берегу.

В мороз работая до пота,
с озноба мучась, как в огне,
мы здесь узнали, что

работа
равна отвагою войне.

Мы здесь горбом узнали ныне,

как тяжела

святая честь

впервые

в северной пустыне
костры походные развестъ;
за всю нужду, за все печали,
за крепость стуж и вечный снег
пускай проклясть ее вначале,
чтоб полюбить на целый век;
и по привычке, как героям,
когда понадобится впредь,
за все, что мы

на ней построим,
в смертельной битве умереть.
...А ты — вдали, за синим морем,
грустя впервые на веку,
не посчитай жестоким горем
святую женскую тоску.

Мои пути,

костры,

палатки,

издалека увидя вблизи,
узнай терпение солдатки,
как наши матери звались,
тоску достойно пересилив,
разлуки гордо пережив,
когда

годами по России
отцы держали рубежи.

*

Когда бы мы, старея год от году,
всю жизнь бок о бок прожили вдвоем,
я, верно, мог бы лгать тебе в угоду
о женском обаянии твоём.

Тебя я знал бы в платицах из ситца,
в домашних туфлях,
будничной,
такой,
что не тревожит, не зовет, не снится,
привыкнув жить у сердца,
под рукой.
Я, верно, посчитал бы невозможным,
что здесь,
в краю глухих полярных зим,
в распадках горных, в сумраке таежном
ты станешь
красным солнышком моим.
До боли обмораживая руки,
порой до слез тоскуя по огню,
в сухих глазах, поблекших от разлуки,
одну тебя годами я храню.
И ты,
совсем живая, близко-близко,
все ласковей, все ярче, все живей,
идешь ко мне
с тревогой материнской
в изломе тонких девичьих бровей.
Еще пурга во мгле заносит крышу
и, как вчера, на небе зорьки нет,
а я уже спросонок будто слышу:
«Хороший мой. Проснись. Уже рассвет...»
Ты шла со мной
по горным перевалам,
по льдинам рек, с привала на привал.
Вела меня,
когда я шел усталым,
и грела грудь,
когда я замерзал.
А по ночам, жалея за усталость,
склонясь над изголовьем, как сестра,

одним дыханьем губ моих касалась
и сторожила сон мой до утра.

Чтоб знала ты:

в полярный холод лютый,
в душе собирая горсть последних сил,
я без тебя —

не прожил ни минуты,
я без тебя —

ни шагу не ступил.

Пусть старый твой портрет

в снегах потерян,

пусть не входит мне в комнатку твою,
пусть ты другого любишь,

я не верю,

я никому тебя не отдаю.

И пусть их,

как назло, бушуют зимы —

мне кажется, я все переживу,
покуда ты в глазах неугасима
и так близка мне

в снах и наяву.

*

По ходячей поговорке,
в нашей жизни все не так:
есть бумага — нет махорки,
нет бумаги — есть табак.
И однажды мне, бедняге,
через дальние моря
довелось без бумаги
плыть на север, не куря.
Путь далекий, сердцу тошно,
на табак гляжу с тоской...
И случились, как нарочно,
ваши письма под рукой.

Ваша память, ваше слово,
ваша радость, ваша грусть —
все, что я читал бы снова
и запомнил наизусть...
Вот курю я дни и ночи,
перед сном и после сна,
докурившись, между прочим,
до последнего письма.
И взяла меня досада,
будто, к горю моему,
вы пришли и сели рядом,
чуть заметная в дыму.
Что бы смог я вам ответить,
как в глаза бы глянуть смог?
Так что спрятал я в кисете
то, последнее письмо.
Я хранил его годами,
нес за пазухой вперед
через ветер, через пламя,
через речки в ледоход.
На работу брал с собою,
от дождя его берег,
клат под камушек в забое,
клат под спички в коробок.
Каждой ночью незаметно
от воров его скрывал,
будто кровный и заветный
свой последний капитал.
Будто чудом, в самом деле
не рассыпалось оно,
в нем и строчки побледнели,
точки выцвели давно.
Всю далекую дорогу
шел я в сумраке лесном,
сам старея понемногу,
с вашим маленьким письмом.

И минуткой, вновь тоскуя,
вновь глядел спокойно я,
как написано: «Целую»
и подписано: «Тво я...»

*

На рассвете, проходя к забою,
выше гор гляжу я напролет
в ту сторонку с дымкой голубою,
где одна желанная живет.
И, возможно, сам я не замечу,
как всегда в минутку забытья,
я скажу ей, словно бы навстречу:
— С добрым утром, зоренька моя!
А когда промчится та минута,
взгляд остудит вроде ветерка,
легче мне бывает почему-то
лом пудовый, острая кирка.
На ветру спокойно сняв рубаху
и с лица не утирая пот,
целый день я молча бью с размаху
вечный камень северных широт.
Бью, да так, чтоб кровь кипела в теле,
чтобы дни без памяти летели,
чтобы ночи я, как пьяный, спал,
чтобы всю разлуку, срок за сроком,
на одном дыхании высоком
так и скоротать мне под запал.
Так, чтобы за дымкой голубою
по забоям шел я без дорог,
чтобы всех забоев, взятых с бою,
ни за что я сосчитать не мог.
Чтобы люди взяли да спросили,
подивясь терпенью моему:

Пусть чудеса случаются на свете,
но я ручаюсь все-таки в одном:
в такую зиму кровные медведи —
по доброй воле — спят спокойным сном.
Любой из них и в мыслях не захочет
спускаться с гор к речному рубежу.
По должности своей —

ночной обходчик,
здесь только я дорогу обхожу.
Большую шубу опоясав туже,
похожий на медведя в полумгле,
один я ночью мыкаюсь на стуже
по заполярной, сказочной земле.
И разве, полуночнику такому,
мне может быть отказано судьбой
курить махорку,

тосковать по дому,
за тыщи верст беседовать с тобой,
угадывать восходы по приметам,
назло пурге сыграть вперегонки,
сесть на снегу

и видеть до рассвета
далеких глаз родные огоньки?
И все-таки не чувствовать обиды
за дикий свой, смешной медвежий вид —
при жизни мы, порой меняя виды,
все так живем, как родина велит.
Она пошлет то ласково, то строго,
то в холод лютый, то в жестокий зной.
Во все края

бежит одна дорога
хранимой нами родины одной.
Она приучит к радостям и бедам,
сама одежду выдаст по плечу,
она прикажет — я живу медведем,
она велит — я соколом взлечу.

мы, как дети, чуть не плачем,
говорим, что едем зря.
В думках горьких и напрасных,
от мороза одурев,
мы полжизни дать согласны
за минутный обогрев...
Вот и снова — в поздний вечер,
за бортом не видя свет,
тормошит меня за плечи
замерзающий сосед:
— Слушай, малый, для артели
сделай милость, погляди,
не видать ли в самом деле
огонечка впереди...
Многих зорче и моложе,
поднимаясь в свой черед,
я, терпя озноб на коже,
пять минут гляжу вперед.
Губы стужа мне сковала,
у ресниц края во льду,
но с вершины перевала
вся дорога на виду,
все подъемы, все прижимы
возле скальных берегов
нелюдимы, недвижимы,
без желанных огоньков...
Не желая верить взгляду,
непривычному ко тьме,
я обратно в кузов сяду
с горькой правдой на уме.
И спокойно лгу соседям,
чтобы каждый слышать мог:
— Скоро мы, друзья, приедем,
есть желанный огонек!..
Сразу стужа станет легче,
сиверок дохнет теплом,

*

Под полярным,

вечно хмурым небом
щи едим с казенным черным хлебом,
черный чай от черной грусти пьем,
шубы нараспашку — ходим в стужи,
о далеких женщинах не тужим,
будто нам везде родимый дом.

Будто для кручины нет причины,
а в любовь не верим мы давно,
потому что это

мы, мужчины,
а у нас уж так заведено:
горе и нужду, жару и вьюгу —
все терпя без жалоб, как в бою,
нипочем не выдавать друг другу
боль свою, кручинушку свою.

Если ж часом

вспомним самых милых,
спать не в силах

и молчать не в силах,
будто спиртом память оглуша,
вслух назло смеемся и злословим
над лукавым, слабым

тем сословьем,
крепость чья не стоит ни гроша.
Будто мы и знать не знали сроду
губ невинных, непритворных глаз
и, собравшись в ночь ли, в непогоду,
громко вспоминали без прикрас,
как, бывало,

разорвав на части
мужних писем белые листки,
чьи-то женки, покоряясь страсти,
в юности бросались к нам с тоски.

Как они дышали в эти ночи
все слышней, все жарче, все короче,
с самым тайным стоном на губах,
с самой сладкой дрожью в жарком теле,
как они в глаза глядеть не смели
в ту минуту — зрячие впотьмах.

И каким бы злым, постыдным словом
мы тебя ни заклеямили снова,
как бы ревность сердце нам ни жгла —
вся,

до тайных родинок знакома,
в душах наших всюду, словно дома,
ты, как солнце,

женщина,

жила.

Нипочем тебе во мгле таежной
наш мужской недобрый наговор.

Все равно,

чем дальше, тем дороже
ты, как солнце за горами гор.
Ты, как солнце, ярче станешь рядом,
и навек из нас ослепнет тот,
кто, тебе не веря,

жадным взглядом
на тебе жоть пятнышко найдет...

Мы тебя в походных снах ласкаем,
на вершинах скальных высекаем
все твои простые имена,
и в огне горим, и в холод стынем
по горам, по рекам, по пустыням,
горе пьем горстями допьяна,
чтобы нам убиться

иль пробиться
к той, по ком душа, как жар, топится,
к той, что сказкой стала...

Потому

не суди нас чистым сердцем строго,
царь-девица,

 лебедь-недотрога,
в неприступном дальнем терему.

*

У завода — город, а меж ними — речка,
а над речкой домик с рубленным крыльцом...
Если затоскуешь, выйдешь на крылечко,
сядешь на крылечке, к северу лицом.

Будто в доброй сказке, мы почти что
 рядом,
сердцу все открыто настежь без ключа;
ночи с перекликом, версты с переглядом,
реки по колено, горы до плеча.

Будто все, как прежде, мы, как в песне
 близко,
слышим в каждом вздохе каждый перебой,
будто понапрасну ваши металлосты
с интересом тайным ходят за тобой.

Будто между нами нет проходим места,
волосы седеют, а любовь жива.
Будто ждешь, как девка,
 любишь, как невеста;
терпишь, как солдатка,
 плачешь, как вдова.

Будто все в порядке — вот пройдут метели,
вот меня уволят, сяду в самолет...
Постучусь в окошко через две недели,
может — через месяц, может — через год.

Может, и взаправду мне не возвратиться,
может, вновь придется долгие года
обживать пустыни, сторожить границы,
уходить в разведки, строить города.

Как назначишь сроки, если часа нету,
если вдруг — работа, если вдруг — война,
если я годами мыкаюсь по свету,
если ты стареешь в домике одна.

Словом, от разлуки нет покамест средства,
снова жди известий с зорьки дотемна,
не жале́й, что часто рвется возле сердца
самая тугая, звонкая струна.

Если станет больно — выйдешь на крылечко
на далекий север ласковой взглянуть,
где по горным кручам, по таежным речкам
заметает вьюга мой походный путь.

*

Так сбываются сказки в России...
От великих трудов и утрат
ты все крепче, смелее, красивей,
будто в битвах бывалый солдат.

Пусть, в работе все жилы напряжив,
ты не помнишь досужего дня,
растеряв ненаглядных подружек,
задушевных друзей хороня.

Пусть, рискуя пропасть без дороги,
ты врубался в чащобы тайги,
сам лечил на привалах ожоги,
сам кедровник варил от цинги.

Пусть в безвыходных вьюжных осадах
ты от голода падал и слеп
и до гроба запомнил, как сладок
твой — горбом заработанный — хлеб.

Пусть в поту от горняцкой науки
ты не мог научиться беречь
молодые, горячие руки
в вечных ранах и шрамах до плеч.

Пусть, хлебая студеную воду
в полых реках полярных пустынь,
ты бросался в упор ледоходу,
вместе с жизнью спасая мосты.

И ни разу в пожарах и вьюгах
заслужить ты упрека не мог,
будто ты побежал от испуга,
будто в горе друзьям не помог.

Пусть, хрипя, задыхаясь в метели,
через вечный полярный мороз
ты — в своем обмороженном теле —
красным солнышком душу пронес.

Пусть ты запросто видывал ближе
все, что кажется страшным вдали,
пусть ты вытерпел,
выстрадал,
выжил
и узнал, что в пределах земли

нет такого врага на примете,
как бы ни был он крепок и смел,
чтобы ты его прямо не встретил
и в бою его не одолел;

нет работы — суровой для тела,
недоступной и тяжелой уму,
чтобы ты ее с честью не сделал,
удивившись себе самому;

и не может не быть, как бывало,
милой женщины, верной такой,
чтоб, как мать, над тобою вставала.
как сестра твоя, шла за тобой.

1943—1956

ДВЕ ПЕСНИ О МАГНИТ-ГОРЕ

1

Невидимый, неведимый,
силу тайную хранит
в сердце родины таимый
удивительный магнит.

Мне на свете нет покоя,
нет удачи, нет добра —
неотступною тоскою
извела Магнит-гора.

Дальним ветром, тихим зовом
все манит меня к себе,
будто сына дорогого,
непокорного судьбе.

Я не раз бывал измучен,
падал замертво в мороз,
на костре горел горячем,
не пролив и капли слез.

Но припомню город горный,
весь в огнях в вечерний час,—

хлынут с радости и с горя
слезы теплые из глаз.
Я увижу, как по тропам
росным утром, на заре
самым юным рудокопом
я пришел к Магнит-горе.
И, взрывая камень вечный,
день и ночь в земной грозе,
верных верностью сердечной
больше ста имел друзей.
Жил, довольный хлебом черным,
в праздник чай кирпичный пил,
вместо доброй и покорной
непокорную любил.
И желанной, нелюбимый,
пел я, строя город мой,
каждым камушком родимый,
каждой гайкою родной.

2

Если я умру без слова,
люди, будьте так добры,
отвезите гроб тесовый
до высот Магнит-горы.
Под утесом положите
и поставьте столб с доской:
«Похоронен старый житель
и строитель заводской».
Дождь польет могилу летом,
и на политом бугре
загорится горицветом
несгораемый багрец.
И воротятся живые,
старой дружбой мне верны,

сталевары, горновые —
бомбардирами с войны.
Над могильником багровым
снимут шапки в тишине,
задушевым тихим словом,
как живому, скажут мне:
— Спи, товарищ, ты недаром
ел на свете пироги,
нашей сталью в громе яром
на смерть скошены враги!..
И пойдут друзья спокойно
плавить горную руду,
как всегда, готовы к войнам,
к жизни, славе и труду.
Над моим усталым сердцем
пусть же, здравствуя, живет
всю планету громовержцем
потрясающий завод.
Как сердца, стучат машины,
сплав бушует огневой,
и да будут нерушимы
основания его.
Ибо в годы сотворенья
я вложил в них долей тонн —
камень личного граненья,
вечной крепости бетон.

1942

ГАЙНАН АМИРИ (АМИРОВ ГАЙНАН ГИМАЗЕТДИНОВИЧ)

Родился в 1911 году в деревне Новый Артаул Янаульского района.

Окончил Бирское педагогическое училище, работал в редакциях республиканских газет, служил в армии. Затем окончил Башкирский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями. После войны работал в аппарате Союза писателей Башкирии, в Башкирском обкоме КПСС, в Институте истории имени М. Гафури, в филиале Академии наук СССР.

Печатается с 1928 года.

Выпустил около тридцати книг стихов, поэм, рассказов и повестей.

На русском языке опубликованы книги стихов «Радость» (1953), «Дед с трубкой» (1963) и «Жизнь — не сабантуй» (1972).

Заслуженный деятель культуры Башкирской АССР. Член КПСС с 1942 года.

* * *

Весенним утром, я увидел сам,
Туман с земли поднялся к небесам,
Но к вечеру, побегу опыля,
Росою опустил на поля.
И песне не заказаны пути.
Ты, песня, выше беркута лети!
И выше тучи, но весенним днем
В родную землю возвратись дождем.

. 1951

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Пушка на Мамаевом кургане,
Как застыла над живой землей.
Перед ней, воспоминаньем ранен,
Встал я, путешественник седой.

Памятью о храбрых в лихолетье
Вековать здесь пушке, вдаль глядеть.
Вот вокруг нее играют дети
Тех солдат, что победили смерть.

Вдруг я отшатнулся... Что такое?
Молнией из пушки, из ствола
Не ядро ли в небо голубое,
Промелькнув, пропало в нем? Дела!

Только ни огня, ни дыма нету.
Смех мальчишек — тут они как тут.
«Дядя,—говорят,— мы знаем — это,
Это в пушке воробьи живут!»

Я был рад сынов солдатских слушать,
Поняли они слова мои:
«Так и быть,— сказал я,— в жерлах пушек
Пусть живут-гнездятся воробьи».

1957

ПЕТРОВ
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ
1905—1955

Удмуртский поэт, прозаик, драматург. Родился в деревне Монашво ныне Елабужского района Татарской АССР в бедной крестьянской семье.

В 1923 году окончил областную совпартшколу, а затем поступил в военную школу.

Служил в воинских частях и органах ОГПУ.

Участник Великой Отечественной войны.

После войны — директор книжного издательства, председатель Правления Союза писателей Удмуртии, редактор журнала «Молот».

Начал печататься в конце 20-х годов.

Первый сборник стихов «Родник» вышел в 1934 году.

Наиболее известны из его произведений пьеса «Батрак» (1931), поэма «Италмас» (1945), роман «Старый Мултан» (1954), «Собрание сочинений» (т. 1—4, 1958—1963).

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденами «Знак Почета» и Красной Звезды.

Член КПСС с 1926 года.

ДРУЗЬЯМ

Вы живы в памяти солдата,
Близки — с роднею наравне —
Друзья, с которыми когда-то
Я побратался на войне.

В краю, снарядами изрытом,
Мне на привале пел казах,
Как конь танцует под джигитом,
Как беркут замер в небесах.

Мы дружно хлопали в ладоши,
Когда грузин пускался в пляс.
В полях, засыпанных порошей,
Он вспоминал про свой Кавказ.

В его краю орел не смеет
Подняться выше, чем Казбек.
На грудь горы, едва стемнеет,
Приходят тучи на ночлег...

А я рассказывал о Каме,
О крае белом от берез,
Где дорог каждый куст и камень
Тому, кто там когда-то рос.

Не слышал я разрыва мины,
Упал, землю оглушен.
Не важно — русским иль грузином
Я был от гибели спасен...

Мне не забыть под отчей крышей
Друзей, мужавших средь огня,
И глаз латышки, напоившей
Водой студеную меня.

1945

С ВЕРШИНЫ БАЙГУРЕЗЬ

Посмотрю с вершины горы Байгурезь —
Красота, что не высказать вдруг.
И Чепца, словно Кама, широкая здесь,
И широко раскинулся луг.
Байгурезь, как взглянул я с вершины
твоей —
Словно Родина вся предо мной.
На просторах ее неоглядных полей
Ветер нивы колышет волной.
За полями леса простираются там —
Как зеленое море они.
А вокруг Байгурезь в темноте, по ночам,
Зажигаются всюду огни.
Освещают деревни, шоссе, города
И бегут в бесконечную даль.
А на небе зарницы играют, когда
Из печей вырывается сталь.
Ничего для меня нет на свете родней,
Красоты мне не надо иной.
Байгурезь, как взгляну я с вершины
твоей —
Словно Родина вся предо мной.

1951

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Хороша эта ночь, и с полей не уйдешь,
И, счастливым дождем вдалеке полыхая,
Освещают зарницы цветущую рожь,
И не гаснет над лесом звезда голубая.

Знать, ей так хорошо подниматься в зенит,
Где рассвет повстречать захотелось,
пугливой!..

Теплый ветер чуть слышно во ржи шелестит
И, колебля колосья, проходит над нивой.

И сметает пылью серебристый туман.
Освещая поля, брызжут светом зарницы,
И, темнея, рисуется холм-великан,
Лес подтянут и строг, как дозор
на границе.

Слышен крик перепелки, и вновь тишина,
И за платье цепляется колос усатый...
Ты стоишь в этом поле со мною одна,
И косынкой в смущенье прикрыла глаза ты.

Поглядим на рассвет — он как наша любовь!
И споем над цветущею нивой, родная,
Песню ту, что в суровые годы боев
Ты сложила и пела, меня поджидая.

1953

КЛЕМЕНТЬЕВ
НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ
1908—1947

Родился в селе Суралей Гамзинского района Мордовской АССР в семье крестьянина. В 1924 году вступил в комсомол.

Был избачом, газетным работником, служил в армии, работал в редакциях газет «Красная Мордовия» и «Средневожский комсомолец».

В 1934 году решением ЦК ВЛКСМ направлен в Оренбург для организации областной комсомольской газеты.

Последние десять лет своей жизни тяжело болел.

В Оренбурге выпустил два сборника стихов «В тревожный час» и «Избранное».

УРАЛЬСКАЯ КАЗАЧЬЯ

Ехали казаки
С Южного Урала.
На широком поле —
Золотая цветь.

— Растяни гармошку,
Парень запевала.
Песенку бы, что ли,
Перед боем спеть!

Ой, да ты, родная, ой, да шестипланная,
До чего же весело с тобой!
Поднимайся, песенка, ты моя желанная,
С песней легче выходить на бой.

Мне отец, прощаясь,
Говорил недаром:
— Я ль тебе в дорогу
Саблю не ковал?

Ты руби, рубака,
Огненным ударом,
Как рубил Чапаев —
Сразу наповал.

А еще, прощаясь,
Мать мне говорила —
Старая, седая,
Ласковая мать:

— Ты руби, рубака,
Чтобы легче было,

Чтоб не довелось нам
Горе горевать.

А жена сказала:
— Битва недалече,
Отомсти за слезы,
За родную кровь,

Приходи с победой,
Я до самой встречи
Для тебя, любимый,
Сберегу любовь.

Я родным ответил
Твердыми словами:
— Остра моя сабля,
И горяч мой конь.

Я вернусь с победой,
И тогда нам с вами
Боевую песню
Пропоеет гармонь.

Ой, да ты, родная, ой, да шестипланная,
До чего же весело с тобой!
Поднимайся, песенка, ты моя желанная,
С песней легче выходить на бой.

ПОБЫВКА

Глава из поэмы «Гвардии генерал»

Все так знакомо, так знакомо:
Родимый дом, обрыв, Урал...
Седьмое утро нынче дома
Гостит гвардейский генерал.

Такое утро! У овина
Петух горланит песню дня,
Пылает ягода-рябина
У запыленного плетня.

Такое утро! Что ни хата —
Раскрыты окна широко,
Встают веселые ребята
И пьют парное молоко.

От солнца — золото на кринках.
Еще восход, а у двора
Уже на тонких паутинках
Плывет по воздуху жара.

Тут гнать бы смутную тревогу.
А он — как туча, как гроза.
И долго смотрят на дорогу
Его упрямые глаза.

И долго слышатся в обрывках
Слова далекой старины:
— Горька солдатская побывка
В годину крови и войны.

Да разве можно бестолково
Который день торчать, как пень?

Ему бы дьявола степного,
Ему бы шапку набекрень!

А день идет шумливо, гулко,
Спадает утренняя тишь.
Подпрыгивая, переулком
Бежит на цыпочках малыш.

Смешной, веснушчатый, румяный,
Беловолосый, ростом мал.
Он козырнул и отчеканил:
— Я к вам, товарищ генерал!

— Ты чей? — А во-о-он деревня наша
(Он указал за пустыри).

— А как зовут? — Меня-то? Яша...

— Ну что же, Яша, говори.

— Вчера я в клубе с теткой Зиной
В кинокартине вас видал...
Я думал вы... кинокартина,
А вы и правда — генерал.

Уж я со всеми спорил, спорил,
А вышло... Вот тебе и на!
Он, улыбаясь, молча смотрит
На звездочки, на ордена.

— А вы опять на фронт пойдете?
И как-то тихо-тихо вдруг:
— Мой папа тоже был на фронте —
Он самый старший политрук.

В глазах ребенка бродят тени,
А от улыбки — только след.
И, кажется, в одно мгновенье
Он постарел на много лет.

Как озабоченно печален
Бровей мальчишеский изгиб:
— Мы папу с фронта ждали-ждали,
А нам сказали, что погиб.

Еще не пережив разлуку,
Он плачет сильно, горячо...
И генерал невольно руку
Кладет на детское плечо.

Хотел утешить: — Слушай, малый...—
А вышло то, что думал сам:
— Беги в Совет, чтоб генералу
Коня к двенадцати часам.

Малыш рванулся с криком, с шумом,
Еще бы: он доверью рад!
А генерал глядел и думал,
И сердце билось невпопад.

Ведь можно сделать все на свете,
Все одолеть в конце концов,
Но есть ли средство, чтобы дети
Не горевали без отцов?

Да, есть одно такое средство,
Одно, он это твердо знал:
Он выйдет в бой за чье-то детство,
Не знавший детства генерал!

1943—1944

Г. САЛЯМ
(ГАЛИМОВ САЛЯМ ГАЛИМОВИЧ)
1911—1939

Башкирский поэт и публицист. Родился в деревне Тегешево ныне Сосновского района Челябинской области в семье муллы.

Лишился отца в десять лет, батрачил. Участвовал в коллективизации сельского хозяйства.

Окончил в 1937 году Башкирский государственный педагогический институт. Занимался научно-исследовательской работой в области фольклора.

Печататься начал в 1929 году. Автор сборников стихов «Тревога» (1932), поэм «Три песни» (1935), «Кречет» (1936), «Сквозь годы» (1937), «Дитя» (1939).

На русском языке вышла книга Г. Саляма «Избранная лирика» (Уфа, 1968).

В Башкирской АССР учреждена республиканская комсомольская премия имени Галимова (Г. Саляма).

А вокруг работа не стихает,
Молодежь торопится, шагает
С песнями
Отчаянней огня.
Слышу, как поют вокруг колеса,
Вижу, как в разбуженной дали
В море золотящихся колосьев
С головой уходят корабли.

Входит день
Крылом аэроплана,
Песней плуга,
Гулом тракторов
В строки нерожденного романа —
По объему
В тысячу томов.

Звуки не вмещаются в кантаты,
Виды не вмещаются в плакаты:
Не хватает красок, слов и нот...
Утренняя песнь,
Под облака ты
Улетай решительно в полет.

II

Вижу я,
Республика,
И слышу:
Будоражат сказочную даль
Бьющие фонтаны нефтевышек,
Молнии сплошных электровспышек
И в мартенах огненная сталь.

Где веками плакали кураи,
Города и фабрики встают,

Димитровы снова подрастают,
Чкаловы великие растут.

...Было не смешно,
Когда на старых,
Обветшалых и прогнивших нарах
Утомленно мы ложились спать.
Хорошо, что заменила нары
Мягкая, с пружинами, кровать.
Хорошо с электролампой, право,
Хорошо, когда везде поют...
Сами мы завоевали право
На веселый отдых
И на труд.
Тропы счастья
Мы нашли не сразу,
Мы искали много лет и дней;
Осветил нам эти тропы разум,
Светлый разум
Партии моей.

III

В новый день труда
Вошла страна...
Этот день
В горах завод построят
И на грудь заслуженных героев
Новые повесит ордена.

День грядет.
Он даст дома бездомным,
Молоко нальет в бидон бездонный
И стихи напишет сгоряча,
И положит в начатую домну
Порцию литого кирпича.

Кто-то нынче институт окончит,
Кто-то песню новую споеет,
Кто-то станет токарем иль зодчим,
Кто-то в загс с любимую придет.

...Я стою в степи необозримой,
За составом — молнией состав.
Поезда несутся мимо, мимо,
Косы дыма в травах распластав.
Вдоль аулов,
Вдоль Уральских склонов
Поезда — дорогою стальной.
Девушка
Из тамбура вагона
Машет мне
Косышкой голубой...

IV

Машинист, замедли бег машины,
Медленнее мимо проезжай,
Пусть посмотрят лучше пассажиры,
Как он светел,
Наш рассветный край.

Пусть услышат,
Как башкир читает
Пушкинских стихов оригинал,
Пусть «немым» башкира не считают,
Как когда-то Пушкин посчитал.
Пусть увидят
Наш полет высокий,
Устремленный в будущность веков,
И узнают: .
Край наш — это сокол,
Вырвавшийся гордо из оков.

V

...Промелькнул и скрылся паровоз,
Уронив с пологого откоса
Трепетно-оранжевые косы
К снежно-белой роздыми берез.

Я опять
К горам Уральским вышел,
Ближе к небу —
Синева ясней:
— Высоки вы, горы,
Но не выше
Пробужденной радости моей!

1936

МУРЗИДИ
КОНСТАНТИН ГАВРИЛОВИЧ
1914—1963

Родился в станице Анапской ныне Краснодарского края в семье служащего.

После окончания школы учился в Новороссийском педагогическом техникуме, работал в редакции газеты «Пролетарий Черноморья».

В 1932 году переехал в Магнитогорск.

С 1935 по 1943 год работал в редакции газеты «Путевка» в городе Свердловске.

С 1943 года на творческой работе.

Первое стихотворение опубликовал в 1929 году.

Первый сборник стихов «Отчизна» издан в Свердловске в 1938 году.

Автор сборников стихов, изданных в Москве и на Урале,— «Горный щит» (1945), «Уральское солнце» (1946), «Избранные стихи» (1947), «Улица пушкарей» (1947), «Дружба» (1952), «Новые стихи» (1957), «Высокое небо» (1962), «Горная невеста» (1965), «Уральские стихи» (1974), романов и повестей «У Орлиной горы» (1947), «У нас на Урале» (1950), «Ночь в тайге» (1951), нескольких сборников стихов для детей и т. д.

УТРЕННИЙ СВЕРДЛОВСК

Свой горный край все больше познавая,
Родной Свердловск я крепостью назвал.
Тут каждый камень — башня угловая
И каждый холмик — неприступный вал.

Он устремлен в далекие просторы,
Давая взлет прожекторным лучам,
Пуская танки, пробуя моторы,
Испытывая пушки по ночам.

И, как всегда, проснувшись утром рано,
Встречая дымный медленный рассвет,
Мы видим в небе облако тумана,
А под ногами — гусеничный след.

И мостовая блещет, леденя,
Вся в выбоинах старого торца.
Но как кому, а нам она роднее
Иной дороги, гладкой до конца.

И, повернув от нашего порога,
Она летит к горам за горизонт —
Родная нам, та самая дорога,
Которой танки движутся на фронт.

И, улыбаясь первым свердловчанам,
Танкист повел привычную к огню,
Расцвеченную зимними лучами,
Подернутую инеем броню.

1942

А весеннее солнце, взойдя на востоке,
Покатилось уже по дорогам войны.

Над полями сражений оно вознесется,
Где бойцы на рассвете, ускорив свой шаг,
Одинаково ждали весеннего солнца
И уральского солнца в тяжелых ковшах.

1943

КАКОЕ У ПРАВДЫ ЛИЦО

Какое: до холода тусклое,
Решительно-резкое, грозное,
Быть может, доверчиво-грустное,
А, может быть, грустно-серьезное,—

Какое у правды лицо?
Веселая ль самоуверенность,
Прямое презренье, изменчивость,
А может быть, просто растерянность,
Мечтательность или застенчивость,—

Какое у правды лицо?
Какое: слегка утомленное,
Спокойное, светлое, нежное,
Чуть скорбное, чуть изумленное,
Почти равнодушно-небрежное,—
Какое у правды лицо?

А правда войдет и отважится,
И скажет, слегка смущена:
«Пришел ты, но часто мне кажется,
Что я у тебя не одна».

Я думал, что самоуверенно
Посмотрит она, не любя,
И вот — улыбаясь растерянно:
«Мне кажется — я у тебя...»

Мелькнула улыбка ответная,
И где-то совсем в уголке
У правды веселая, светлая,
Живая слеза на щеке.

По-зимнему шарфом обмотана,
Выходит любовь на крыльцо
И плачет от счастья... Так вот оно
Какое у правды лицо!

1946

РЕБЕНОК

Шли двое. Молчали. Сперва
Друг друга плечами касались:
Чем дальше, заметно едва,
Они, расходясь, удалялись.

Когда бы дорога была
Немного теснее и уже,
Жена незаметно могла
Касаться молчащего мужа,
Касаться знакомой руки,
Как может коснуться подруга,
Как в этой степи васильки
Касаются молча друг друга.

Он мальчика нес на руках,
Смотрел на дорогу угрюмо
И тоже о тех васильках —
О ласке, о нежности думал.

А мальчик, смеясь, лепетал
И папины трогал погоны,
Потом лепетать перестал
И глянул на маму влюбленно,
Назад потянулся — поймать
За локон ее, не иначе.
И молча подвинулась мать
Навстречу ручонке ребячьей.

А мальчик на папу взглянул
С улыбкой, лукавой как будто,
Обоих к себе притянул
И волосы их перепутал.

Отец улыбнулся: «Терпи!»
И радостно мать засмеялась.
И сразу дорога в степи
Обоим тесней показалась.

1947

* * *

Дощатый домик — станция почтовая...
Она все та ж, при свете, в темноте ль.
И тройка с колокольчиком, готовая
Со всех копыт удариться в метель.
Молитва — вслух, а шепотом — проклятие.

Державный штык. Решетчатый глазок.
И тронулся, как в старой хрестоматии,
Подхлестнутый жандармами возок.
Но день шумит не ливнями, а листьями, —
Весенний день, которым я живу.
А я опять встречаюсь с декабристами,
С их памятью, и вот он, наяву,
Дощатый домик, где рукою строгою
Начертано на мраморной доске,
Что привезли их каторжной дорогою
В проклятом государевом возке.
А я иду, и блески солнца сыплются
На мой рукав сквозь мокрую листву,
И ручейки с утра по щебню зыблются,
Перебирая неба синеву.
И все живое, все непобедимое,
Все молодое радо за меня.
И этот домик — пятнышко родимое —
Не затемнит, не опечалит дня.
И светлый день бежит ручьями, рельсами,
И там не тройка страшная звенит, —
Звенит трамвай, звенит вода апрельская,
Звенят лучи о мрамор и гранит.

1948

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ ГРАНИЛЬЩИКА

Памяти П. Бажова

Совет гранильщика был краток:
Не меряй грани на рубли,
Забудь, что взвешены в каратах
Аквамарины, хрустали.

Забудь, что камешек прозрачный
Неизмеримой глубины
Каким-то там числом трехзначным
Сведен до рыночной цены.
Забудь, что есть несложный метод,
И знай, трудом встречая рань,
Что для таких камней, как этот,
Есть бриллиантовая грань.

1950

КОЛОКОЛ

Уже уральский полустанок
Листвой березок отмелькал,
Уже сменилась ночь рассветом,
А колокол не умолкал.

Уже давно исчезли горы
И отмелькали грани скал,
Уже повсюду шли долины,
А колокол не умолкал.

Уже предложен был за Волгу
И выпит с радостью бокал,
И начинался новый вечер,
А колокол не умолкал,

Тот самый колокол, в который
Со сдержанной тревогой бьют,
Когда сигнальщики на скалах
С флажками красными встают,

И мастерство свое и храбрость
На этих скалах утвердив;
Когда запальщики, взрывчаткой
Глубины скважин зарядив,

На шаг отходят, чтоб укрыться
За крепким каменным щитом...
Пусть пропадает в гуле взрыва
Тот звон, а все-таки потом

Он слышен — в памяти, быть может...
Исчезла Волга за бугром,
Москва поутру задымила,
А все гремел уральский гром.

И отзвук грома отдавался
Повсюду, где металл сверкал.
И горд я был, что всю дорогу
Мой колокол не умолкал.

1950

* * *

Я не видел вас в жизни, я знаю,
Но зато я услышал ваш клич.
И еще я теперь вспоминаю
Вашу кепку, Владимир Ильич.
Так носил свою кепку рабочий,
Так, я помню, отец мой носил.
Он в забое с утра и до ночи
Камень бил изо всех своих сил.
Камень бил, вот и вся-то работа,

От тяжелого взмаха устал.
Но, наверное, думал он что-то
И, должно быть, о чем-то мечтал.
Так оно, вероятно, и было.
Дни за днями стремительно шли,
И простая рабочая сила
Стала главной силой земли.
И его исполнялись желанья,
И с тех пор я запомнил навек:
Нет почетней рабочего званья,
Всех сильнее трудовой человек.
И какой бы манерою новой
Ни писали вас в том далеке —
На груди у вас бант кумачовый
И рабочая кепка в руке.

1960

* * *

Судьба иного — строить самолеты
И прозябать с бескрылою душой.
Судьба иного — уходить в полеты
При помощи фантазии чужой.
А мне судьба иное присудила:
Возьми, сказала, легкие крыла...
Она меня в дорогу снарядила,
Дала маршрут и компас мне дала.
Но только побоялась — не сказала,
Заботливая, матери под стать,
Что, начиная с аэровокзала,
Взлетать я буду, падать и взлетать.

Зато она решила в утешенье
Устроить так, чтоб я не унывал,
Чтоб самое жестокое паденье
Я как начало взлета принимал.

1961

* * *

Мы не верим друг другу пока,
И у каждого что-то осталось
Недосказанным... Издалека
Не такой эта встреча казалась.

И опять я проститься спешу,
От смущения вас избавляю,
Все плохое с собой уношу,
Все хорошее вам оставляю.

1962

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАТЕСЬ

Надо мною солнце не заходит,
Я счастливей многих на земле.
При такой отчаянной погоде
Я увидел затесь на стволе.
Понимаешь, с радостью заметил,
И пошел, и встал перед сосной:
Ствол ее приятен, гладок, светел,

И нигде зарубки ни одной.
Обошел я все большие сосны —
Нету продолженья колеи.
Кончились тут, видно, чьи-то весны.
Значит, начинаются мои.
Всюду здесь нетронутые кущи...
Я топор спокойно достаю.
Пусть увидит вслед за мной идущий
Эту затесь первую мою.
Тем далеким, тем идущим сзади,
Всем живущим на моей земле
Я про ту напоминаю затесь,
Что сумел увидеть на стволе.
Чтоб с пути заветного не сбиться,
Надо только сильно захотеть:
Не пройти ивашкина копытца,
Камешка в пути не проглядеть.
Это надо при любой погоде
Заприметить затесь на стволе...
Надо мною солнце не заходит,
Я счастливей многих на земле.

1962

ЛЮГАРИН (ЗАБОЛОТНЫЙ)
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Родился 16 июня 1908 года в селе Святодуховка Северо-Казахстанской области Казахской ССР в семье крестьянина-бедняка.

В начале 30-х годов приехал на строительство Магнитки. Работал плотником, землекопом, бетонщиком. Учился на курсах при Литературном институте имени А. М. Горького в Москве.

Долго жил в Кустанайской области, был участником освоения целины.

С 1930 года регулярно печатается в журналах и газетах.

Автор нескольких книг стихов, среди последних — «Новолунье» (1968), «Гляжу на мир влюбленными глазами» (1974).

2

Ты ходила, мама, к семафору
 Поезда курганские встречать,
 Выбегали сосны на пригорок,
 Чтоб меня на лапах покачать.
 Ты ждала. И падали туманы.
 Оседало солнце за леса,
 А теперь негаданно-нежданно
 Я к тебе приехал сам.
 Ты на окнах ставни закрываешь,
 Закрываешь двери на крючок.
 И к глазам тихонько прижимаешь
 Праздничный сиреневый платок.

3

...Мама, спишь? Усни и не печалься.
 Мы с тобой в уюте и тепле.
 ...Я во сне увидел: кони мчатся
 На огни, цветущие в селе.
 Выстрелы захлопали за дверью.
 В эту ночь народу не уснуть.
 За окном два пьяных офицера.
 У отца простреленная грудь.
 Вдоль реки — стрельба,
 Бегут солдаты,
 Шлепают копыта. Ливень. Грязь.
 Колчаковцы рыскают по хатам,
 И красней осеннего заката
 Кровь на половицах запеклась.

4

Шли за гробом грустные соседки;
 Как умели утешали мать:
 — Надо потерпеть годочков десять.

Сын растет. Он станет помогать.
Уходила мать от нас украдкой,
Руки вскинув (так стоят кресты).
На могиле, будто бы на грядке,
Сеяла печальные цветы.

5

...Пролетели годы, протрубили
Для меня весеннюю побудку.
Нет отца. Но на его могиле
Тихо расцветают незабудки.
А вдали плывет седая зямь.
На озера падает туман.
Вижу я:
С зелеными огнями
Поезда уходят на Курган.

1934

О, КАКАЯ У ВЕТРА СИЛА...

О, какая у ветра сила —
Выдувает
Любую твердь.
Поднимается
Все бескрылое —
И старается улететь.
Над землей поднимается,
Кружится,
Заметая свои следы.
И у каждой лужайки кружевце

Белопенной живой воды.
Превращается пыль
В пылинки.
Дыбом ветер —
Во весь свой рост!
Наклоняются все травинки.
Изгибаются руки берез.
С места тронула свой конвейер
Из уставшего льда река.
Не на юг теперь,
А на север
Кучно катятся облака.
Пусть плывут себе по привычке.
Я такой навигации рад.
Окаянную перекличку
Журавли в облаках трубят.

1970

* * *

Распознал я и тепло, и стужу.
Для себя проверил я давно,
Почему грачи горланят дружно,
Рыбы опускаются на дно.
Отчего тускнеют небосклоны
И ложится на траву роса.
Отчего леса, как микрофоны,
Наши повторяют голоса.
Только я сегодня не про это,
Что мне осень,
Ее пестрый флаг.
Я с тобой в труде, Елизавета,

От тебя сегодня —

Ни на шаг.

Ни на шаг...

Пойми, Елизавета:

Все сравненья просятся в стихи,

Как застежки розового цвета,

На твоей спецовке лопухи.

Но такой наряд тебя не портит.

Не мякина — золото в косе!

Каждый стебелек созрел на поте,

А не только на земной росе.

1972

ЛУЖАНИН АФАНАСИЙ
(КОРЕПАНОВ АФАНАСИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ)
1912—1966

Удмуртский поэт. Родился в деревне Лужаны Игринского района Удмуртии в крестьянской семье. Учился в Удмуртском государственном педагогическом институте. Работал учителем, инспектором районо, сотрудником редакции республиканской газеты, заместителем начальника Комитета по делам искусств при Совете Министров Удмуртской АССР, инструктором Удмуртского ОК КПСС, редактором Удмуртского радио.

С 1944 по 1950 год руководил писательской организацией Удмуртии.

Первые стихи напечатал в 1930 году. Автор популярных песен, баснописец.

На русском языке вышли книги «Салют» (1944), «Я жизнь пою» (1966).

Член КПСС с 1939 года.

Награжден орденом «Знак Почета».

ПЕТРУ БЛИНОВУ

Когда ночные сны мне вновь несут
Воспоминая пламени и мрака,
Я вижу, как с гранатой на весу
Ты вновь и вновь ведешь бойцов в атаку.

И за тобой, как юные орлы,
Они идут по фронтовой дороге,
За каждый шаг, за пядь родной земли
И днем и ночью длится бой жестокий.

Не просто отступил коварный враг —
Мы потеряли много сил и крови.
Стоит сосна на месте тех атак
С ожогами свинца на темной кроне.

Здесь над тобой бойцы плечо к плечу
Стояли молча. На траву опущен,
Ты говорил: — Друзья, я жить хочу
В моей отчизне, на земле цветущей.

Когда в кругу товарищей моих
Я вспоминаю годы огневые
И те, кто пали в битвах за живых,
Встают передо мною, как живые,

Я снова вижу час последний твой,
Наш политрук и наш товарищ лучший.
...Да, ты не умер, подвиг боевой —
Как гимн бессмертью на земле цветущей.

1944

ПИХТОВОЕ ПОЛЕНО

Басня

С сосновыми дровами невзначай
Попало в печь пихтовое полено.
Оно скользнуло в сторону мгновенно
И ну трещать — хоть уши затыкай:

— Я все объято пламенем! Сгораю!
Но я не даром умираю:
Взгляните — сколько от меня
В печи и жара, и огня!..

Меж тем дрова сосновые сгорели,
Сварился суп на их огне.
А пихта пролежала в стороне,
Хотя бока, конечно, почернели.

Она еще дымилась и трещала,
И надоела повару немало.
Он похвалил сосновые поленья,
А головешке молвил: — Перестань!

Щипцами сжал ее без сожаленья
И погрузил в помойную лохань.

Тот, кто привык хвалиться вдохновенно,
Что он полезен и незаменим,
Похож на это самое полено,
В глаза пускающее дым.

1950

БЕЗ МОРАЛЬНОГО ПРАВА

Басня

Однажды на собрание
руководитель Вол
с тревогой речь повел
об отставанье
в соревнованье:
— Да, наше
положенье —
не краше
пораженья...
Нельзя
работать так, друзья!
И чтобы дружно
двинуть дело,
нам нужно
выявить пробелы,
виновных
критикой разя!
И первым слово —
пылкий дух! —
берет Петух:
— Плохи дела с яйцом,
как говорится:
в грязь лицом...
А кто до этого довел?
Да Вол!
Он бросил кур на произвол...
Потом,
шипя, шипел Гусак:
— С Волом
попали мы впросак,
и — поделом!..
Ведь сами выбрали,

а пред —
гусям на вред:
нас неумело возглавлял —
и жиру нам не нагулял.
Вола... расхрюковал Кабан.
Бодал Баран.
И даже Еж
колол:
мол, Вол,
как пред — негож.
Меж тем
никто сказать не смог:
а сам-то чем
Волу помог?

*

Мораль:
что ж,
преда критикуйте,
но сами все ж
победу куйте!

1965

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась 27 марта 1908 года в городе Кунгуре Пермской области. Стихи начала писать еще в детстве.

В 1927 году окончила педагогический техникум в Семипалатинске. Работала в школе.

Первая книжка для детей «Коля на елке» вышла в 1941 году. Позднее были выпущены книжки «Мама-герой», «Сказка о плюшевом медвежонке», «Богатырь Мороз Иванович» и другие.

Стихи печатались в «Пионерской правде», в журнале «Дружные ребята», сборниках и альманахах. Л. Преображенская руководит литературно-творческим кружком «Алые паруса» при Челябинском Дворце пионеров.

ВОВКИНА БАБУШКА

Была простая бабушка
У Вовки Черемных.
Ничем не выделялась
Она среди других.

Пекла для Вовки шанежки,
С морковкой пирожки,
Трусы ему стирала
И штопала носки...

Но вот пришел однажды
Какой-то генерал.
Он крепко-крепко бабушку
При всех расцеловал.

Так вот какая бабушка!
А Вовка и не знал:
Спасен от смерти бабушкой
Вот этот генерал.

И все в отряде знали
Настену Черемных.
Разведчицей отважной
Слыла она у них.

Теперь для Вовки шанежки
Вкуснее во сто раз.
А все, что скажет бабушка,—
Как воинский приказ!

1964

НАСЛЕДСТВО

Стальная пластинка,
А рядом — резец.
Его подарил мне
Когда-то отец.

Он мне говорил,
Усмехаясь в усы:
— В нем сила сокрыта
Волшебная, сын.

Я в руки резец тот
С надеждою брал:
В чудесное верил,
Чудесного ждал.

Но в детские годы
Захлопнулась дверь —
Я слово отцовское
Понял теперь.

Под этим резцом
Оживает металл...
Взгляни: на пластинке
Любимый Урал.

И горы, и небо,
Сиянье озер,
Цветы полевые
Соткали ковер.

Неслышно по травам
Ступает олень,
Горит над оленем
Немеркнувший день.

А дальше, за ними,
Дымки над землей —
Там трубы заводов,
Там город родной.

Теплеет резец
Под мою рукой,
Как будто сегодня
Он делит со мной

Тревоги и думы,
И радость творца —
Все то, что в наследство
Я взял у отца.

1949

ВОРОШИЛОВ АЛЕКСАНДР

1911—1932

Бывший беспризорник, ставший кузнецом Сталинградского тракторного завода.

Летом 1930 года по комсомольской путевке приезжает в Магнитогорск, становится одним из активных членов литгруппы «Буксир».

В 1931 году в московских сборниках «Весна Магнитостроя» и «Рабочий призыв» была напечатана его поэма «Первая победа».

В 1931 году поэма вышла отдельной книгой в Магнитогорске. В этом же году вышла поэма «Песня о мировом рекорде» (Изд. «Магнитострой»).

Умер А. Ворошилов на 21-м году жизни от скоротечной чахотки.

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Отрывки из поэмы
«Первая победа»

Близко ли,
Далеко ли,
У плетней, у луга,
У полей, поющих
Бронзовостью ржи,
Родила деревня
Стянутую тугу
Мускулами воли
Молодую жизнь.
Парня не удержишь
В дедовской халупе!
Парню надо в битву
Силы и сердец!
И тогда, прощаясь,
Майков очень скупю
Обронил под ноги:
— Ну... пока, отец!
 Закипели кудри
 Буйством небывалым,
 У околиц голос
 В первозвонах рос.
 — Эй, ты, город, слухай,
 Подружися с малым,
 Я тебе за деньги
 Силушку принес!

* * *

Поезд напорист,
Как юного пыл.

— Причудилось... чую... не я просил...
Просил за меня другой...

* * *

Ярость комсомольская
Прет напролом.
Ударников в бригаду
С пяток набралось.
Хитрость бетонную
Опалубка таит.
Ярость комсомольская
Сильней горит:
— Ребята, наляжем!
Сверх плана даешь!
— Товарищ Майков,
Чего отстаешь?
— Егорушка Невзрачный
На первенство с тобой...
Егорушка ответил:
— Майкову слабо...
Где ему тягаться,
Он из косарей!
Майков сквозь зубы:
— А ну-ка, кто быстрее?!
Я те разутюжу,
Захудалый ферт,
План выдвигаю —
Еще кубометр!..
Схватка так схватка.
В ней сила и жизнь!
— Товарищ Майков,
Крепче держись!
Часы улетают,
Как пар, легки,
Вагонетки, стерлинги.

Задорные гудки.
В бетоне по колено
Майков стоит.
Майков Егорке:
— Брось, не там,
Признайся, что сдрейфил,
Куда те до меня!..
Лопаты шуруют,
В щебне звенят.

Майков не помнит,
Как смена пришла.
Обида у Егорки,
На сердце — шлак:
Майкова ребята
Теснят гурьбой.
— Сегодня лихой был
Жаркий бой.
У Майкова руки —
Рекорд рукам.
— В ударную бригаду.
Вступаю к вам!

Доски хрустнули.
Дверь взвыла.
Бумага —
Листья капустные.
— Вызов!
— Кто?
Майков сморкнулся.
Глаза — в двери.
Словами споткнулся:
— Пр...р... авый берег!
Секретарь ячейки
Посмотрел недоверчиво
На искры белые в теплых глазах.
— Вот договор!..

Теперь чего?
А глаза в слезах.
— Ты что?
— На правом берегу Егорка...
Он говорит,
У меня слабит.
— Чепуха!
Нажми и победишь,
Как в первый раз.
— Как это сделать?
— Гляди!
...Упала пелена с глаз.
Слова вставали властно:
— Организацию проведи
Батальона энтузиастов
И руководи.
— Даешь!
Только... если бы... в комсомол...
Приняли.
Я все могу.
Глаза — в пол,
Пол в снегу.
— Давай заявление!
— Примете?!
— Примем.
Майков в дверь —
Налимом.
Ах, день хороший!
Морозец — юн.
Снежная пороша,
Сугробы дюн.
Эх, раз (и) два (и)
Яростней кромсать!
Голосуют сваи
Бревнами в небеса:

«ЗА!»

Правый берег
С левым в бою,
Стройка верит
В песню мою!
Майков — маем
Крови силен.
С ним вступает
Его батальон.
Шнур — динамитом.
Шнур бикфордов —
С бетоном слита
Вера и гордость!
Славу изведать
Успели ветры.
У Майкова победа —
Пятьсот кубометров.
Кипит эстакада
И ночь, и день,
В ударных бригадах —
Радости по склень.
Копытами невытыми
Арки — в цепь!
Шпунтами мы забитыми
Сграбастали степь.
Завеса дымовая,
Гудков пальба.
Вторая,
 Трудовая,
 Военная
 Борьба!

ВАСИЛЬЕВ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
1911—1975

Родился в городе Кургане в семье служащего. Рано потерял родителей. В Зауралье прошли его детство и отрочество.

В 1927 году переехал в Москву. Работал на 1-й ситценабивной фабрике. В трудные годы переменял целый ряд профессий — от истопника до санитаря. Одновременно занимался в Доме искусств имени Поленова, выступая в мюзик-холле.

В 1938 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте.

Печатается с 1931 года. Первый сборник стихов «Возраст» вышел в 1933 году в Москве. С. Васильев — автор многих книг стихов и поэм, сатирических произведений, популярных песен.

Среди его книг «Вторая книга стихов» (1936), «Москва советская» (1947), «Избранное» (1950), «Лирика и сатира» (1955), «Избранные произведения в двух томах» (1966 и 1970).

С. Васильев — лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького 1974 года за поэму «Достоинство».

Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За отвагу» и другими медалями.

Заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР.

И опять с восторженным лицом,
голос напрягая до предела,
говорит пушкарь тебе о том,
как он любит пушечное дело.
И вот здесь,

вдали от битв,

в тылу,

ты постигнешь с чувством удивленья,
что такое верность ремеслу,
равная успеху наступленья.
И, с трудом спокойствие храня,
ты припомнишь с самого начала
славную историю огня,
грозного оружия Урала.

Урал!

Как свежий ветер поутру,
шумит его прославленное имя.
Он помогал Великому Петру
ружейными богатствами своими.

Урал!

Родник несметных русских сил.
Стальное это имя, прославляя,
Суворов с торжеством произносил,
Кутузов называл, благословляя.
Уральских пушек седоватый дым
видали Альп продрогшие вершины,
по мерзлым склонам, голым и крутым,
стучали гулко кованые шины.
Стирая нормы всех военных карт,
ослепшие от вьюги, бородаты,
их на руках несли чрез Сен-Готард
отчаянные русские солдаты.
Колеса их, пространства не щадя,
сбивая спесь, внушительно и чинно
прогрохали по хмурым площадям
впервые покоренного Берлина.

Урал! Урал!

Когда на смертный бой
Пожарский с Мининым подняли войско,
твои же ратники вставали в строй
и первыми сражались по-геройски.
Уральской саблей ворогов рубал
Денис Давыдов в честь родного края,
уральской ковки солнечный металл
играл в руке Василия Чапая.

Отсюда

от Уральского хребта,
бежал Колчак, разбойник и меняла,
и каждая страдальная верста
его кровавый след запоминала.
Когда, грозя достоинству страны,
фашистский зверь решил к Москве
пробиться —

твой,

Урал,

надежные сыны
пришли на помощь матери-столице.
И надо только в памяти сберечь,
как под Смоленском

в утреннем тумане
прямой наводкой сыпали картечь
кунгурцы,

кудымкарцы,

чусовляне.

Урал! Урал!

недаром пушкари
гордятся родословной,
как победой.

Остановись,

с любым поговори —
и не уснешь до самой до зари,
взволнованный вечернею беседой.

II

НА МИРНОЙ ТРАВЕ ПОЛИГОНА

Сегодня особенно тих и печален
уральский закат над вершинами бора.
Певучие звуки дневных наковален
расплавилась в море цветного набора.
Как редок он здесь,

этот час безмятежный!

Притих зачарованный труженик-город.
Но вдруг заколдованный

воздух прибрежный
качнулся, немислимой силой распорот.
Теперь уже громы помчатся с разгона,
хоть уши зажми, хоть шепчи заклинанья.
На мирной, на влажной траве полигона
опять и опять начались испытанья.

— Еще раз! Еще раз! —

хмельной, потрясенный,
кричу я во тьме пушкарю молодому.
Кричу и бегу по дорожке бетонной
навстречу летящему новому грому.
Удар за ударом,

удар за ударом.

Впиваются в небо тугие спирали.

Нет, в песнях Урал прославляют

недаром,

недаром несется молва об Урале.

— Еще раз! Еще раз! —

удары крепчают.

Один одного тяжелее и тверже.

За Керчью, под Яссами нам отвечают,
ответы грохочут под древнею Оршей.

С Урала на запад летят эшелоны,

груженные страшным стальным урожаем.

Приветливым словом, глубоким поклоном,
с великой надеждой мы их провожаем.
Гремит перекличка широкого боя.
Окрестности неба в багровом покрове.
Седой «бог войны» с огневой бородою
нахмурил суровые, дымные брови...

1943

ПРЯМЫЕ УЛИЦЫ КУРГАНА

Сестре Марии

Кургана улицы прямые!
Увидев вновь вас, понял я
с особой ясностью впервые,
что это родина моя.
Все тот же дом последний с края
все та же верба сторожит.
Здесь дым младенчества витает
и прах родительский лежит.
Босыми шлепая ногами
по теплой пыли городской,
я здесь пронес сиротства камень
и холодок любви мирской.
Но я ничуть не укоряю
ни мрак нужды, ни холод зим,—
я все теперь благословляю
и все считаю дорогим.
Здесь знаю я любые вышки,
любой забор, любой квартал,
здесь я читал еще не книжки,
а только вывески читал.

Я здесь могу найти вслепую
любое прясло с деревцом,
любую лесенку, любую
калитку с кованым кольцом.
Здесь дождевой порою вешней
на толстых сучьях тополей
крепил я легкие скворечни,
гонял со свистом голубей.
Да, я люблю любовью давней,
без всякой ложной похвальбы,
и эти створчатые ставни,
и телеграфные столбы,
и крыш убранство жестяное,
и звон бубенчиков в ночи,
и в небо ввинченный ночное
бурав пожарной каланчи.
Прямые улицы Кургана!
Я вновь и вновь на вас смотрю
и говорю вам без обмана,
как сестрам брат, вам говорю:
— Хотя внезапная разлука
и разделила вас со мной,
мне не забыть родного звука,
метели посвист ледяной.
И если есть во мне хоть малость
того, что следует беречь,
так это ваша власть сказалась
и отложилась ваша речь.
И если ярость азиата
во мне, как брага, разлита,
так это ваша виновата
сквозная даль и прямота.

1946

ПЕЙЗАЖ

Все заиндевело и закуржавело —
ни стволов не видать, ни ветвей.
Замело, затянуло кружево
присмиривший лес до бровей.
Тонким гарусом сосны вытканы.
А попробуй задень едва —
рассыпными клубами-свитками
полетят, полетят кружева,
неожиданною порошею
сядут ласково на плечо.
— Красота! — я кричу прохожему, —
Вот погодка-то, землячок!
Вышло так, что на харьковчанина
я в лесу в этот день напал.
Он ответил, как бы нечаянно
тронул веточку и сказал:
— Подывись, як летить, порхая! —
И вздохнул, расправляя грудь: —
На Украине этак буває,
колы яблони расцвітуть!

1946

УРАЛ

Далече, далече от нашей столицы,
за дальнею далью, за горной грядою
лежит этот край, где ночные зарницы
по дымному небу идут чередою.
Не знаю, как вы, дорогой мой читатель,
а я этим краем навек очарован,

я давний и верный его почитатель,
он сердцем моим навсегда облюбван.
В распахнутых кузницах этого края
такие умелые трудятся люди,
кипит неустанно работа такая,
что можно о ней говорить, как о чуде.
Здесь в кузнях рождаются железные птицы
с таким небывалым стальным опереньем,
что каждая может с кометой сравниться,
в бою, на лету стать ее повтореньем.
Куются мечи здесь такого закала,
на вес отливаются ядра такие,
что редкостной тяжестью их небывалой
всемирно прославилась наша Россия.
Отсюда на Запад тревожной порою
такие неслись колесницы-громады,
что вражьи машины любого покроя
в бою с ними встретиться были не рады.
Край-труженик! Утренний край-созидатель!
Еще летописец рукою проворной
тебя не коснулся; достойный ваятель
не создал еще человека у горна.
Не считаны сосны твои вековые,
не считаны к звездам простертые трубы,
бесценны твои мастера огневые,
уральская знать — кузнецы-трудолюбые.
Здесь праздник труда. Здесь скупая природа
открыла нам тайну железного следа,
здесь вещью силой героя-народа
ковалась великая наша Победа.
...Кто Дон величает с его берегами,
кто хвалит Неву, кто Кубань золотую,
а я воспеваю красавицу Каму
и славлю подругу ее — Чусовую.

1946

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ КУРГАНЕ

Не сердись, Курган, стой,
погоди сердиться.
Не хотел ведь я с тобой
в жизни разлучиться.
Это вышло невзначай,
говорю по чести.
Так что мы с тобой, считай,
неразрывно вместе.

И во сне и наяву
помню о Тоболе я.
Что скрывать, люблю Москву,
а Курган — тем более!

Хоть зовусь я москвичом,
а ведь мне на деле
по-кургански нипочем
вьюги и метели.
И меня, чтоб был здоров,
от любой хворобы
лечат лучше докторов
снежные сугробы.

И во сне и наяву
помню о Тоболе я.
Что скрывать, люблю Москву,
А Курган — тем более!

Ну-ка, скорый самолет,
заводи моторы
да неси меня вперед
через сини горы.

Ну-ка, други-земляки,
выставляйте на кон
с карасями пироги
да баранки с маком!

И во сне и наяву
помню о Тоболе я.
Что скрывать, люблю Москву,
а Курган — тем более!

1972

друг

Есть у меня старинный друг,
который
(точно!)

лучше двух.

Не дай бог, вдруг случись беда —
мой друг со мной в беде всегда.

А нет беды — и друга нет.

И так вот три десятка лет.

— Ну как дела?

— Дела табак...

— Зачем же ты молчал, чудак!

И начинает верный друг

не покладая добрых рук

в подмогу вкладывать труды

вплоть до изгнания беды.

Ушла беда далеко в тыл —

и, смотришь, друга след простыл.

И снова не слышать о нем,

не сыщешь друга днем с огнем.

Ан нет!

Звонок издалека:

— Здоров?!

— В порядке.

— Ну, пока!

Чудаковат мой друг. Так что ж!

Зато он явственно похож
на долгожданный ветер в зной,
на благодатный дождь грибной,
на исцеляющий покой,
на огонек в ночи глухой.

1974

БЛАГОДАТЬ

За окном таинственно, и лилово,
и сказочно, право слово.

Купол небесный высок-высок,
день прибавился на часок.

Давно равноденствие миновало.

Солнышко лезет из-за увала,
у мироздания на виду

варежки

сбрасывает

на ходу.

Тепло приближается еле-еле,
но,

слышишь,

синицы смелей запели.

Гордый репейник склонился ниц
перед вокалом певиц-синиц.

У них ведь, людям на загляденье,

свои синичьи нововведения,
свой Зал Чайковского под кустом
на равных правах с клестом.
...Выходит,

товарищ,
под грузом тягот
еще мы с тобой постарели на год,
еще «отзвонили один сезон»,
и все же печалиться не резон.
Встанем-ка лучше под елью рядом
и под приветливым лучепадом
скажем, как в прошлом году: — Опять
мир пробуждается! Благодать!
Спасибо, жизнь, за лиловые дали,
за оттепель в самом ее начале,
за воскресение новизны,
за новый приход весны.

1974

РОДНЯ

Сибирь таит несметный клад огня.
Найти его,
добыть,
схватить руками!
Да, в этом смысле — близкая родня
бакинцы с дальними сибиряками.
И тут, на зное,
и на стуже, там,
в бурном море
и в глухом болотце,
нефть «ходит за бурами по пятам»,

да только в трубы сразу не дается.
Вот так-то и в поэзии моей —
лежат пласты под самыми ногами.
А ты нагнись, попробуй-ка сумеи
схватить слова да сделать их стихами!
Таинственной безвестности полна
подверженная поиску впервые
словесная глухая целина,
таящая запасы золотые.
...Встаю чуть свет. Окно еще в сурьме.
Беру перо.

И жадно и жестоко
иду в разведку по словесной тьме,
не ведая ни отдыха, ни срока.
По маю прохожу,
по декабрю,
шагаю как добытчик и задира, —
то методом Некрасова бурю,
то способом лукавого Сабира.
И ничего —
находятся слова.
Спасает корень близкого родства.

1974

ЭХО

Расцвел подснежник. Чайка пролетела.
Взвилось ракеты истовое тело.
Родился стих. Вступила домна в строй.
Конечно, жизнь прекрасна без предела,
но как она безжалостна порой!
Уходят люди... Жил — и вдруг не стало!

Уходят неожиданно, стремглав,
рукой не дотянувшись до штурвала,
заветную строку не дописав.
Им жить да жить бы, привечая зори,
да совершать завидные дела,
а их хватают медленные хвори,
и валят с ног, и с корнем жгут дотла.
Спасибо, что хоть отзвук остается,
что, жадному забвенью вопреки,
из эха мастеров, как из колодца,
живую воду пьют ученики.
Недаром же сказал так откровенно
большой поэт, умевший вдаль смотреть:
«Будь же ты вовек благословенно,
что пришло процветать и умереть!»
Всплывает солнце, схожее с ковригой,
встает на поле стебель-первоцвет,
заснул в обнимку с неразлучной книгой
упрямый начинающий поэт.
Очнулся яшень. Иволга пропела.
Раскатистая пенная волна
на плоский берег вымахнула смело,
студеным ветерком открылена.
Земной поклон лесам, полям и водам.
Друзьям ушедшим мой поклон земной.
...Один стал улицей, другой стал
теплоходом,
а третий — звездочкою под сосной.

МИХАЙЛОВ
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1911 году в Перми в семье рабочего.

С 1927 года работал в сберкассе.

С 1934 года — сотрудник областной газеты «Звезда» (Пермь).

С 1940 по 1950 год был ответственным секретарем Пермской областной писательской организации.

Первые стихи опубликовал в 1931 году.

Первая книга стихов «Июнь» вышла в Перми в 1940 году.

Автор многих книг стихов, в том числе «Заря над лесом» (1947), «Камские зори» (1952), «У синих гор» (1960), «Родник» (1968), «Дни» (1970), сборников стихов для детей «Весеннее утро» (1949), «Приволье» (1954), «Над нами радуга» (1962) и других.

Член КПСС с 1940 года.

В ЧАЩЕ ПРОРУБАЯ НОВЫЙ ПУТЬ

Недра приуральские богаты.
Вот она, задумчивая даль!
Горы невысокие покаты,
Реки — как расплавленная сталь.

Солнца много. Непогодь раздуло.
Только сыро в травах у раки.
Что это зеленое сверкнуло —
Листья или камень малахит?

В недрах неизведанных сокрыта,
Точит медь подземная вода.
Медная руда от малахита
Где-нибудь поблизости всегда.

В горы поднимаемся сквозь топи,
Шахты прорубаем глубоко,
Долго разрабатываем копи —
В недра забираться нелегко.

Сразу, на поверхности гористой,
Камня дорогого не найти.
Камень чем дороже и лучистей,
Тем к нему труднее и пути.

1963

* * *

...В ней все цвета: лиловый, красный,
Зеленый, желтый, голубой.
Переливая ленты красок,
Вставала радуга дугой.

То ливень был, то солнце было.
И дождь, и солнце — хорошо!
Блестели пихты так свежо.
Речушка быстрая бурлила.

И дождь, и солнце мы любили,
Нас не пугал июльский гром.
И так с тобою мы дружили,
Как дружит радуга с дождем.

1940

ПОЛУСТАНОК

Глухой уральский полустанок.
Платформы, зло отгрохотав,
Затихли, звякнули устало,
И встал на выгрузку состав.

Железный лом, дождем обмытый:
Брони погнутые листы,
Где, желтой ржавчиной покрыты
Линяют черные кресты.

Напрасно вражеские танки
Ломились бешено в бои —

На их помятые останки
Садятся шумно воробьи.

Рвались добраться до Урала,
И вот он — край лесов и руд,
Где груды мятого металла
Для переплавки приберут.

1944

О ЛЮБВИ

Тихо. Не зашепчут, не зови,
Спрятанные сумерками ивы.
Стали мы черствы и молчаливы:
Некогда подумать о любви.

Все ж она живет, не умерла,
Травкою под камнем изнывая.
Отвали его — и, оживая,
Вновь пойдет расти, какой была.

В душный зной она — глоток воды,
Искорка одна в золе прибитой,
В шуме дня — мотив полузабытый,
Слабый блеск невымытой руды.

Нет! Не затеряется в тоске!
Тут она. Сиять не перестанет.
Все светлей она от испытаний.
Золото не портится в песке.

1944

* * *

На тонком стволе две пометки-насечки.
Дорогу за ними пойму — не пойму?
Сосновый ли бор подбирается к речкам,
А может быть, речки подходят к нему?..

Вода заструится сначала в ложбинах,
Под мелким кустарником, мимо камней,
В ольховой тени, под напев соловьиный,
Который у леса слышней и слышней.

Вблизи, недалеко заветная встреча.
Забывшись, в лесную смотрю полутьму.
Сосновый ли бор подбирается к речкам,
А может быть, речки подходят к нему?

1956

ПЛОТЫ ПЛЫВУТ

Водой заплесканы холодной,
Плывут тяжелые плоты.
Не трутся бревна, сбиты плотно
По звеньям в ровные ряды.

Их непогодой закачало.
Навстречу — влажные пески,
Большие пристани, причалы
И просто шаткие мостки.

То синий бор, то луг веселый,
То шумный город — гул и дым.

Дождем обрызганные села
Блестят над берегом крутым.

Вода под тучами лилова.
Пыхтят буксиры. Долог путь.
На липкий пласт коры еловой
Садится чайка отдохнуть.

И долго волны в белых лапах
Щепье качают, вьют круги,
Храня смолистый, терпкий запах
Закамской сумрачной тайги.

1946

НАЧАЛО

Черемухи вязнут в осоке,
Их дождь обдает холодком,
Шатает на правом высоком,
Ломает на левом крутом.

Но это совсем ненадолго.
Скользнули лучи из-за туч,
Бегут по сосновым иголкам,
По галькам, по выступам круч.

Прислушайся — пилы запели,
На вырубках говор живой.
Скрипучие старые ели
Ложатся к заре головой.

А Кама, луга заливая,
Качает плоты на волнах.

Сливается с ней Чусовая
У Левшино в низких лугах.

Стрижей суетливая стая
Мелькает у самой воды.
Откуда-то дым долетает,
Садится внизу на плоты.

Все те же песчаные мели,
Обрывы, зубцы плитняка,
На правом — скрипучие ели,
На левом — кусты ивняка.

Холмы заозерные те же,
Но слышит отхлынувший лес
Гул провода, насыпи скрежет
И новое слово — КамГЭС.

Утрами все те же туманы,
Но слышат и лес, и вода
Звон камня, шипение кранов —
Немолчную песню труда.

ХАНИФ КАРИМ
(КАРИМОВ ХАНИФ КАРИМОВИЧ)

Башкирский поэт. Родился в 1910 году в деревне Верхние Киги Кигинского района Башкирской АССР в бедной крестьянской семье.

В 1938 году окончил Башкирский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны.

В 1946—1959 годах работал ответственным секретарем Правления Союза писателей Башкирии.

Первый сборник «Песня часового» вышел в 1934 году.

Автор многих книг стихов, выпущенных в Москве и Уфе.

На русский язык переведены книги «Песни радости» (1949), «Весенний сад» (1951), «Золотой колос» (1954), «Две поэмы» (1955), «Избранное» (1957), «Утренние думы» (1964), «В горах» (1969), «Лесная тропа» (1969), «Избранные произведения» (1970), «Когда шумят дубы» (1973).

Член КПСС с 1932 года.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.

В ПУТИ К БОЛЬШОМУ ПЕРЕВАЛУ

По тропинкам горным, сквозь чащобы
Мы с тобою пробирались к свету,
Руку дать всегда готовы оба
Всюду, где другой опоры нету.

Сколько раз ты руку мне давала,
Сколько раз тебе давал я руку,
Лишь в пути к большому перевалу
Люди цену узнают друг другу.

Все дороги жизни на две части
Поделили мы с тобой без спора,
Поделили горе, поделили счастье,
Поделили все крутые горы.

1954

РЕЧУШКА ВАР

Речушка Вар — от мшистых скал
Сквозь заросли ольхи,
Не ждет, чтоб я ее искал —
Сама бежит в стихи.
Над ней тумана легкий пар
И пены белой снег.
Кто видел раз речушку Вар —
Не позабудет век.

Ее луга, ее сады
И трепет ветерка.
Медовый вкус ее воды
Не сходит с языка.

Я пил ту воду в летний жар,
Измаясь вдалеке.
И вот звенит речушка Вар
Струей в моей строке.

Она совсем мала на вид,
Но я ее пою.
В большую Волгу Вар струит
Холодную струю.

1955

* * *

Весенний ветер гладит зябь
И клонит ковыли.
И по воде проходит рябь
Густая издали.

Березы белые кругом
В порыве ветер гнет.
Сейчас ударит первый гром,
И молния мелькнет.

Не встану я под тополя,
Пусть хлещет — проливной,
Пойду в весенние поля
С открытой головой.

1954

ХОРИНСКАЯ (КОТВИЦКАЯ) ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА

Родилась в 1909 году в селе Бичура Бурятской АССР в семье рабочего.

Окончив в 1925 году Верхнеудинскую среднюю школу, десять лет учительствовала в сельских школах Бурятии, из них семь лет в Хоринском районе. Затем работала в Иркутской газете «За коллективизацию» и на строительстве паровозостроительного завода в Улан-Удэ.

С 1935 года живет в Свердловске. Работала литературным консультантом в областном Доме художественного воспитания детей, заочно окончила Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР.

Первая книжка Е. Хоринской вышла в 1931 году в Иркутске — маленькая повесть «За центнеры».

В 1944 году в Свердловске издана книга стихов для детей «Спичка-невеличка», неоднократно переиздававшаяся на Урале и переведенная на украинский, азербайджанский, литовский и таджикский языки.

Е. Хоринская — автор многих книг стихов для детей, а также сборников лирики «Друзьям» (1945), «Здравствуй, утро!» (1950), «Сверстники» (1954), «Избранные стихи» (1959), «Багульник» (1964), «Мне юность вспоминается» (1969).

В содружестве с композиторами Е. Хоринской создано много песен и детская опера «Девушка-семиделушка».

Е. Е. Хоринская — делегат Первого съезда писателей СССР. Награждена орденом «Знак Почета». Член КПСС с 1960 года.

КОГДА ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА

Когда цветет черемуха,
Воды листвою касается,
Когда цветет черемуха,
Мне юность вспоминается...

Военными дорогами
Прошла она с винтовкою,
Скалистыми отрогами,
Студеными порогами,
Высокою осокою...

Велела быть нам крепкими,
Упрямыми и ловкими.
Мы не гнушались кепками,
Гордились юнгштурмовками...

По городу развешаны
Плакаты наши броские.
Мы были не изнежены —
Ржаным куском утешены
Да песней комсомольскою.

А враг таился около,
Обрезом мстил и пламенем.
Подстреленного сокола
Несли под красным знаменем...

В тридцатом под Магниткою
Селились новоселами.
В жару, в пургу сердитую —
Всегда были веселыми.

Весна. Бараки новые.
Черемух веет свежестью...

Года эти суровые
Мы вспоминаем с нежностью.

Виски у всех, наверное,
Овеяны порошею...
Друзья, подруги верные,
«Братва» моя хорошая!

1960

* * *

Оркестр играл знакомый вальс,
Призывный и тревожный.
Луной был залит в этот час
Сад железнодорожный.

Он был в тот вечер непростым —
Из небыли и были...
И забывалось, что цветы
Мы сами в нем садили.

Играл оркестр. И плыл окрест
Коварный вальс над далью...
Крутились лихо под оркестр
Ботинки и сандалии.

И мы могли бы так вполне,
Не хуже, в самом деле,—
Но мы стояли в стороне
И с завистью глядели,

Как пары весело скользят
Налево и направо...

Нам не положено. Нельзя.
Мещанская забава.

— Вы что, хотите жить, как встарь —
Танцульки на аллеях?! —
Наш комсомольский секретарь
Воспитывал ячейку.

Мы тихо побрели в зарю,
Вдыхая хвои прелость...
А самому секретарю
Так танцевать хотелось!

1968

БАГУЛЬНИК

...Ветер весенний, бродяга разгульный,
Снова в таежные мчится края,
А на горах расцветает багульник,
Нет, не багульник, а юность моя...

Ранняя юность,
Таежное детство,
Вешнее утро поет петухом...
Вот и мальчишка, что жил по соседству,
Все его звали моим женихом...

Жизнь развела нас по разным дорогам,
Только у самых далеких широт
Помним всегда, как по горным отрогам
Алый багульник в Сибири цветет.

Помним,
 как много на склонах ургулек *.
Берег байкальский. Родные края.
Там расцветает весной багульник —
Дальняя юность моя и твоя.

1963

* * *

Осенью приходит вечер ранний
Старый тополь под окном качать.
Мы у «костерка воспоминаний»
Любим посидеть и помолчать...
Может, даже погрустить немного,
Некурящим снова закурить,
О своих дорогах и тревогах,
О друзьях своих поговорить.
Рядовые огневой эпохи —
Сто дорог
 и шрам через висок...
— Это было при царе Горохе, —
Вдруг раздастся чей-то голосок.
Но он сгинет в буре возмущенья —
Все заговорят наперебой...
Как костер,
Горят в печи поленья...
Наша память —
Память поколенья,
А не просто
«Я да мы с тобой»!

1968

* Ургульки — подснежники.

МАТЕРИНСКАЯ СЛАВА

Памяти матери

Она при встрече людям говорила:
— Какие ж были у меня дела...
Я никогда в разведку не ходила
И самолеты в небо не вела.

Я в жизни подвигов не совершила,
Жила, как все, в большой семье своей,
Я только мыла, стирала да шила,
Да вот еще растила сыновей...

А сыновья ее шептали имя,
Идя родную землю защищать.
И шла она незримо вместе с ними,
Совсем седая, ласковая мать.

В платке цветном встречала за оградой,
Рассматривала молча ордена...
И каждую сыновнею наградой
Она сама была награждена.

1947

ВЕЧЕР

Брату Максиму

На дворе опять гудит буран
И деревья белые в снегу.
Закурите трубку, капитан,
Да подвиньтесь ближе к огоньку.

Я подброшу в печь смолистых дров,
На плечо вам положу ладонь...
Можно долго так сидеть без слов
И глядеть задумчиво в огонь.

Боевые вспомнить времена,
Песнями воспетые дела...
На груди за доблесть ордена,
Голова совсем уже бела.

На виске едва заметный шрам,
Говорите вы шутя: — Ушиб!
Скольким же равняются годам
Ваши три десятка с небольшим?!

Золотит огонь седой висок,
Золотистый отблеск на полу...
Посидите у огня часок
И опять уходите к столу.

Думать, волноваться, вычислять,
Каждую минутой дорожа,—
На всю ночь склоняетесь опять
Над заветной калькой чертежа.

Помолчим. Понятно все без слов.
На дворе сильней гудит буран.
Я подброшу в печь смолистых дров...
Закурите трубку, капитан!

1944

БАБЬЕ ЛЕТО

Осень шагом таежным спускается с гор.
В хрусте лиственном, в звездном рассвете...
Посмотри, как пылает огромный костер
Золотых и багровых деревьев.
Пробежит по траве смоляной суховей,
По березам в сетях паутины,
И горят самоцветами в желтой листве
Ярко-красные гроздья рябины.
Скоро двинутся снова казарки в отлет,
Но поверим мы старым приметам,—
Что черемуха осенью нынче цветет
К счастью этого бабьего лета.
Насторожилась темная горная падь
В тишине малахитовых сосен.
На лесную поляну выходят опять
Хмелем осени пьяные лоси.
Будут звезды срывать и падать в тайгу.
У костра мы дождемся рассвета...
Унесу я рябиновый вкус твоих губ,
Словно памятку бабьего лета.

1946

КОМОЧЕК СНЕГА

Не видно ни тропинок, ни дорог,
Кружится снег — веселый, мягкий,
нежный...
И, как пушистый шерстяной клубок,
В моей руке лежит комочек снежный.

ЗИМОЙ

Пусть мой город зимою суров —
Я люблю его именно снежным...
Даже слёт непокорных ветров,
То колючих, то нежных.

Здесь черемухой пахнут снега,
Дня и ночи суров поединок.
И блестит у машин на боках
Оперенье летающих льдинок.

1967

БИКБАЙ БАЯЗИТ
(БИКБАЕВ БАЯЗИТ ГАЯЗИТОВИЧ)
1909—1968

Башкирский поэт и драматург. Родился в деревне Калтай ныне Кумертаукского района в семье учителя. Окончил педагогическое училище. Работал в редакциях районных и республиканских газет.

В годы Великой Отечественной войны был председателем Правления Союза писателей Башкирии.

Первый сборник стихов «Текущие дни» вышел в 1932 году. Автор многих сборников стихов, пьес, романа «Когда разливается Акселян».

На русский язык переведены книги Б. Бикбая «Стихотворения» (Уфа, 1949), «Дорога» (Уфа, 1955), «Память» (Уфа, 1962), «Утренний свет» (Уфа, 1967).

В 1957 году Б. Бикбаю было присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств Башкирской АССР.

ЗЕМЛЯ

Отрывок из поэмы

Урал
Воспоминаньями богат.
На гребни скал
Взбирался Салават.
Над ними выгнут месяц, как подкова —
Не конь ли Емельяна Пугачева
Ее в горячей скачке обронил?
Урал свои приметы сохранил:
Дремучие леса
Не поредели
И пастбища его не оскудели.
Не обмелели
Русла бурных рек,
Что Салават когда-то пересек,
И небеса отражены в Идели.
Угрозы не таит грядущий день.
Никто не истощает сил природы,
Не разоряет
Мирных деревень.
Все общее —
Земля, леса и воды.
И счастье у народа
Не отнять.
Не устремиться вольным рекам вспять!
Не слышен больше
Лютый свист бичей,
Не лютят больше
Слезы из очей,
И нет ни палачей,
Ни богачей.

Все ярче,
Все светлей и горячей
Горят над миром
Звезды в пять лучей.

1936

О БОЛЕЗНИ

Нет возврата к прошлому...
И в этом
каждого живущего удел.
Может быть, я слишком был поэтом
и себя в работе не жалел.
Жил не в меру.
Тратился впустую.
Без строки не мог дышать и дня.
Как иной малец на сабантуе,
гнал и гнал усталого коня.
Все теперь кружится каруселью:
за перо я взяться не могу,
позабыто прежнее веселье,
и болезни гнут меня в дугу.
Если б, скажем, обнищал я духом,
если б растерялся, как юнец,
всем моим страданиям и мукам
было б можно положить конец.
Но одно мне в этом мире ясно:
хоть судьбой уложен я в кровать,
рано, злая смерть,
тебе смеяться,
рано над больным торжествовать.

И пускай победа за тобою,
пусть ты всех
подстережешь во мгле,
тот, кто прожил век
от боя к бою,
дольше трусов ходит по земле!

1957

* * *

Любовь — это плод, что жизнь нам несет,
Раз в жизни тот плод вызревает.
И тот, кто однажды сорвал этот плод,
Вкушая его, прозревает.

А тот, кто вовек не изведал любви,
Тот вовсе не стал человеком,
И мир с небесами, с лесами, с людьми
Остался бедняге неведом.

Что ж, все,
кто на этой земле родились,
В нее и сойдем — час неровен...
Но тот, кто любви не изведал за жизнь,
При жизни уже похоронен.

1961

КАРАВАЕВ
СТЕПАН ПЕТРОВИЧ
1908—1974

Коми-пермяцкий поэт. Родился 19 декабря 1908 года в селе Отево Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа в крестьянской семье.

Окончил Пермскую совпартшколу и курсы при бывшем Редакционно-издательском институте в Москве. Работал избачом, литсотрудником книжного издательства в Кудымкаре, в 1932—1935 годах — редактором национального отдела Учпедгиза в Москве, в 1935—1941-м — редактором в Коми-Пермяцком издательстве.

Участник Великой Отечественной войны. После войны работал вновь в издательстве. Первый сборник «Стихи» вышел в 1932 году (М., ГИХЛ).

Всего издал четырнадцать сборников стихов и песен на родном и русском языках.

Член КПСС с 1943 года.

НИКОЛАЮ КУЗНЕЦОВУ

Я жив еще.

И, значит, мы вдвоем
Опять сегодня в молодость вернемся.
...Над летней Иньвой берегом идем.
Как громко шутим! Как легко смеемся!

Тех песен эхо — у меня в ушах,
Тех споров жар — не стынет под золою!
Мечтали мы, чтоб в жизни каждый шаг
Был новым шагом к звездам над землею.

Как нашей пармы житель коренной,
С открытым сердцем, с дружелюбием
Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке, коми-пермяцком. братским

Ты говорил:
— Послушай-ка, Степан,
Вот ты — поэт и добрый мой знакомый.
А хочешь, я поэму иль роман
Сам напишу — не как-нибудь, на коми!

Нет, зависть сердце мне тогда не жгла,
В широкой парме юности не тесно.
Но что со мной легенда рядом шла,
Мне в эту пору было неизвестно.

Мне было неизвестно, что войной
Ты, как волной прилива, будешь поднят
И очень скоро ждет тебя иной,

Пусть разнесут по заречью
Песню мою соловьи.
Если тебя я не встречу,
Значит, не встречу любви...

1971

ТАТЬЯНИЧЕВА ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА

Родилась 19 октября 1915 года в городе Ардатове Мордовской АССР в семье служащего.

Рано осталась без отца и матери. В 1926 году переехала в Свердловск в семью дальних родственников. С 15 лет начала трудовую деятельность.

Работала токарем на вагоностроительном заводе имени Воровского. Училась в Свердловском институте цветных металлов, но прервала учебу и уехала в 1934 году на Магнитострой.

Десять лет прожила в Магнитогорске, работала в городской газете «Магнитогорский рабочий», заочно окончила Литературный институт имени А. М. Горького в 1941 году.

Работала директором Челябинского книжного издательства, более десяти лет возглавляла Челябинскую писательскую организацию. С 1965 по 1975 год — секретарь Правления Союза писателей РСФСР.

Печататься начала с 1931 года. Первый сборник «Верность» вышел в 1944 году.

Л. К. Татьяничева — автор многих сборников стихов, изданных в Москве, Челябинске, Свердловске: «День рождения» (1949), «Родной Урал» (1950), «Синегорье» (1958), «Малахит» (1960), «Самое заветное» (1961), «Бор звенит» (1961), «День погожий» (1963), «Время теплых дождей» (1963), «Избранная лирика» (1965), «Царевны» (1968), «Мой олененок» (1961), «Зорянка» (1971 и 1973), «Высокий мой берег» (1971) и других.

За книгу стихов «Зорянка» в 1971 году присуждена Государственная премия РСФСР имени А. М. Горького.

Награждена орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета».

Член КПСС с 1941 года.

УРАЛ

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.
В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей,
Лежат голубые озера
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звездный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем все это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала —
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

1949

КОНИ

Я в один из самых синих дней
Из загона выпущу коней.
Для отрады,
Не для похвальбы,
Выпущу коней своей судьбы.
Выбежит, игрив и легконог,
Золотого детства стригунок.
Я его горбушкой угощу
И на луг зеленый отпущу.
Явится, внезапный как стрела,
Конь-огонь, не знающий седла.
Серебром уздечек и копыт
Юность моя дробно прозвенит.
Положу я сахар на ладонь:
— На, поешь, мой норовистый конь!
...Выйдет зрелость,
Конь мой коренной,
Крепкогрудый, масти вороной,
Умница, послушный седоку,
Он меня подхватит на скаку.
Дам ему отборного овса
И с надеждой загляну в глаза:
— Конь мой сильный,
Конь мой коренной,
Расставаться не спеши со мной!
У меня есть и четвертый конь.
Он устал от скачек и погонь.
Чуть бредет, недугами томим.
Это — старость. Конь студеных зим.
Но пока еще не время мне
О последнем говорить коне!

1970

ГЛИНЯНЫЕ КУКЛЫ

В. М. Инбер

В смешных рубашках из холстины,
На вырост сшитых нам до пят,
Лепили мы из желтой глины
Забавных маленьких кукулят.
А хлеб,
Он был лишь у немногих.
Разруха.
Голод.
Нищий быт.
У наших кукол тонконогих
Был непомерный аппетит.
И мы на них ворчали:
— Дуры,
Чем вас кормить в конце концов?!
...Лепили детство мы с натуры,
Не зная лучших образцов.

1958

СУРОВЫЙ ТАНЕЦ

И на току,
И в чистом поле
В войну я слышала не раз:
— А ну-ка, бабы,
Спляшем, что ли!
И начинался сухопляс.
Без музыки.
Без вскриков звонких,

Сосредоточенны, строги,
Плясали бабы и девчонки,
По-вдовьи повязав платки.
Не павами по кругу плыли,
С ладами чуткими в ладу,
А будто дробно молотили
Цепами горе-лебеду.
Плясали, словно угрожая
Врагу:
— Хоть трижды нас убей,
Воскреснем мы и нарожаем
Отечеству богатырей!
Наперекор нелегкой доле,
Да так, чтобы слеза из глаз,
Плясали бабы в чистом поле
Суровый танец —
Сухопляс.

1965

* * *

Пусть не в меня в прямом бою
Вонзался штык чужой огранки,
Прошли сквозь молодость мою
Года
Тяжелые, как танки.
О трудный марш очередей
За хлебом,
Клеклым от бурьяна,
И над молчаньем площадей
Суровый голос Левитана...

А дети в ватничках худых,
А вдов опущенные плечи!
Нет горше будней фронтовых,
Но эти —
Вряд ли были легче...
Ты знаешь это.
Ты видал
Цеха бессонные, в которых
Из гнева плавился металл,
А слезы
Превращались в порох.

1961

ЕЙ ПРИСНИЛОСЬ,
ЧТО ОНА — РОССИЯ

Пуля,
Жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!
От глухих рыданий обессия,
Задремала.
И приснилось ей,
Будто бы она —
Сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.
Будто в поле,
Вихрем опаленном,
Где последний догорает бой,
Кличет,
Называя поименно,

Сыновей,
Что не придут домой.
Беззаветно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна.
...Снег дымится.
Он пропитан кровью.
Меж убитых тихо мать идет
И с суровой терпеливой скорбью
В изголовье Вечность им кладет.
А в душе не иссякает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она —
Россия,
Мать ста миллионов сыновей!

1964

* * *

Ребята осенней ночью
Костер распалили жаркий.
Пламя повыжгло очи
Березке
В косынке яркой.
Стоит она —
Чуть живая,
Сжав побелевшие губы...
Мы чаще всего обижаем
Тех, кого больше любим.

1967

ИРИСКИ

Все это было в самом деле...
В войну в приволжском городке
Погиб ребенок при обстреле
С ириской в смуглом кулачке.
И мать не только в годовщину —
Все эти тридцать долгих лет
Приносит на могилку сыну
Кулечки простеньких конфет.
Отмерив путь,
Теперь неблизкий,
У вечной памяти в плену,
На чистый дерн кладет ириски
Она ребенку своему.

1973

МЕЖДУЗОРЬЕ

Е. Пермяку

В междузорье
Вмещается день.
В междузорье
Вмещается ночь.
Я искала траву-одолень,
Чтобы утру родиться помочь.
Но у гор
Высоки берега
И дорога к ним
Еле видна.

Быстро мчится меж ними
Река —
Днем светла,
А ночами темна.
Поняла я,
Ты тоже пойми,
Глядя в эту бездонную высь,
Что не только
Все ночи и дни —
В междузорье
Вмещается жизнь.

1974

ДОРОГА

Мы с тобой, дорога, квиты!
Ты вела меня, вела
Через черные граниты,
Где и вьюга не мела.
Через луг осеребрённый,
Через радугу-дугу.
Лишь у пропасти бездонной
Ты сказала:
— Не могу!
И тоскою человечьей
Душу мне ты потрясла.
Я взяла тебя на плечи
И над бездной пронесла.

1965

ГРОЗОВАЯ ТУЧА

Все окна настежь мы раскрыли:
Пусть в дом врывается гроза!
У тучи темные подкрылья
И злые острые глаза.
Она летит —
Совсем как птица,
Все убыстря свой полет.
...К птенцам торопится орлица
И в клюве молнии несет!

1963

ПОДАРИ МНЕ АЛМАЗНУЮ ЗИМУ

Говорю тебе, как побратиму,
Край железа и розы ветров:
— Подари мне алмазную зиму,—
Мне других и не надо даров.
Чтоб широкий простор оснеженный
Расстился блескучей парчой,
Чтобы сосны короной зеленой
Раздвигали покров тучевой.
А мороз был и жгуч и задирист,
В три наката сколочены льды.
И чтоб в проруби чисто светились
Темно-синие очи воды!

1974

МОЛЧАНЬЕ

Когда,
Утратив свежее звучанье,
Обычными покажутся слова,
Приходит к нам
Высокое молчанье,
Стозвучное, живое,
Как молва.
Так,
Выразить словами не умея
Всех мыслей,
Обращенных к Ильичу,
На каменных ступенях
Мавзолея,
Как в первый раз,
Я клятвенно
Молчу...

1968

* * *

Откинув бремя повседневности,
В ночной целительной глуши
Перебираю драгоценности,
Хранимые на дне души.
Их у меня не так уж много,
Но больше и не надо мне.
При подведении итогов
Они не падают в цене!

Не важно —
Молодость иль старость.
Дорога есть.
И я — иду.
Все лучшее в душе осталось,
И сердце с временем в ладу.

1972

* * *

Апрель —
Удивительный месяц.
Все вздыблено, сдвинуто с места.
Сосны корнями месят
Суглинков ржаное тесто.
Гор вздымаются башни
Зеркальными куполами.
Раскольные реки машут
Узорными рукавами.
А если взглянуть с обрыва
Туда, за рыбачьи тони:
Бора хвойная грива
Стелется, как в погоне...
Лютикам солнцеголовым
Радуюсь, как удаче.
С каждым апрелем новым
Сердце мое богаче.

1968

* * *

Я о любви, о верности твоей
Своей строкою говорю так редко.
Но что строка?
Она всего лишь ветка
На дереве, что выбрал соловей.
А песня соловьиная сильна
Своим непостижимым постоянством.
Ты слышишь?
Над годами,
Над пространством —
Как в первый раз! —
Опять звучит она.

1973

ГОРДЫЕ

Гордым легче.
Гордые не плачут.
Ни от ран, ни от душевной боли.
На чужих дорогах не маячат.
О любви, как нищие, не молят.
Широко раскрылены их плечи.
Не гнетет их зависти короста.
...Это правда —
Гордым в жизни легче.
Только гордым сделаться
Не просто!

1961

МНЕ БЫ ТОЛЬКО УСПЕТЬ

Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О России моей
Полным голосом спеть.
Чтоб за всю доброту
Отплатить ей добром,
Нужно песням звенеть
Серебром, серебром.
Слишком пламенна медь,
Слишком празднична сталь,
Мою нежность излить
Они смогут едва ль.
Нежность к русской земле,
На которой росла,
Где цветам и ручьям
Я не знала числа.
Виноватую нежность
К друзьям дорогим,
Что в боях заслонила нас
Сердцем своим.
Ведь, куда куда жива,
Я забыть не смогу
Кровь войны
На жестоком, на рваном снегу.
Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О народе своем
Полным голосом спеть!

1973

* * *

Говорили — зима суровая,
Белокошая северянка.
А пришла она хвойнобровая,
Разудалая, как цыганка.
У нее все наряды — новые.
Шали яркие, нелинючие.
Снегопады лепестковые.
Губы жаркие.
Ветры жгучие...
То ль к весне зима
Бьет по льду лещом?
То ли я сама
Молода еще?

1967

* * *

Я без Урала не могу.
Стоит перед глазами
Он то: утесами в снегу,
То синими лесами.
То сталью,
Зреющей в печах,
Берущей жар у солнца.
То стройкой в просверках,
В лучах
Мгновенно обернется...
И память,
Вызвездив костры,

Положит светотени
На степь
И на Магнит-горы
Гигантские ступени.
...Стою на тающем снегу,
Охмелена весною.
Я без Урала не могу.
Урал всегда со мною.
Да, он со мной,
А не вдали,
За сизой кромкой леса.
Растворено в моей крови
Твое, Урал, железо!

1968

* * *

На левый бок повернулся медведь.
На убыль идет зима.
А мне все так же в окно смотреть
И ждать твоего письма.
А писем нет.
Затерялся след.
Выжжен твой след огнем.
Тысячу раз без тебя рассвет
Вставал за моим окном.
Но верю в счастье!
Ручьям звенеть,
Свиданью быть.
Всему свой срок.
Пусть злится зима, но уже медведь
Повернулся на левый бок.

1944

ЖИВУ Я В ГЛУБИНЕ РОССИИ

Живу я в глубине России,
В краю озер и рудных скал.
Здесь реки — сини,
Горы — сини,
И в синих отсветах металл.
Милы и дороги до боли,
Да так, что глаз не оторвать,
Мне брови лиственниц собольи
И сосен царственная стать.
Тайга, тайга...
Берет отсюда
Начало изумрудный цвет,
А зеленее изумруда
Ни дерева, ни камня нет!
По красоте,
По скрытой силе
Мне не с чем мой Урал сравнить.
Иной здесь видится Россия,
Суровой,
Строже, может быть.
А может, здесь она моложе...
Свежей тут времени рубеж.
Но сердце русское —
Все то же.
И доброта.
И песни те ж!
И лица те же, что в Рязани,
И так же звучны имена.
Как солнце в драгоценной грани —
В Урале Русь отражена.

1963

ГУБАРЕВ
ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ
1914—1939

Родился в городе Новозыбкове Брянской области. В 1931 году организует в Новозыбкове литературный кружок, вскоре переименованный в Новозыбковскую ассоциацию пролетарских писателей.

В 1933 году по путевке комсомола уезжает на Урал, работает в Златоусте в редакции газеты «Пролетарская мысль».

В том же году поступает на литературный факультет МГУ.

С 1934 по 1935-й — слушатель Первых Малеевских курсов Союза писателей СССР.

В 1932 году в коллективном сборнике «Ответ» (Смоленск) публикует поэму «Слово о кимовцах».

Первый сборник «Стихи» вышел в Челябинске в 1935 году.

В 1968 году издан сборник «Предчувствие весны».

ДЕВУШКА ИЗ МАРТЕНОВСКОГО

Ты говорила, что теперь земля
Весенней силой будет наливаясь
И что днепровские густые тополя
Тебе опять, наверное, приснятся.
Что где-то там лирический восход —
Багровым лебедем плывет над садом.
Что лег металлургический завод
Непонятой и черною громадой.
Цех был тебе до жути незнаком —
Кругом высокие нахмуренные стены.
...И вот три года ярким языком
С тобою говорят мартены.

Ты вровень поднимаешься с бригадой,
Вниманием дыханье захватив.
И стала черная заводская громада
Тебе понятной, точно трепет сада
И как пшеничное волнение нив.
Такая жизнь не вышла на авось,
Она взята в движении кругом:
Ценой ночей, продымленных насквозь
Потрескивающим табаком,
Ценой часов, оторванных от сна,
Ценою глаз, которых не смыкали, —
Взошли посеянные где-то семена
Потоками высокосортной стали.

И слышу я взволнованную речь,
И вижу тонких губ волнение:
Мы будем эту сталь беречь,
Как молодость, любовь и вдохновение.

Седой чугун ты снова будешь плавить
В багровую, клокочущую кровь,
Чтобы в поля незабываемой Полтавы
Пришли колонны мощных тракторов.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Еще о мае думать рано,
С сибирским ветром заодно
Еще косматые бураны
Приходят в полночь под окно.
Но зори бредят об апреле,
Шумят в коричневом саду.
Сегодня первые капли
Упруго прыгали на льду.
Звезда несмело загорится
Над грустью сонных тополей.
У звезд такие же ресницы,
Как и у девушки моей.
Я жду ее. И тихой речью
Звенят капли тут и там.
И этот непонятный вечер
За мною ходит по пятам.
Она, задумчива немного,
Сидит, наверное, одна.
И у скрипучего порога
Ей тоже чудится весна.
И перед ней снежинки тают,
Темнеют сонные пути.
И книжку девушка читает,
Все описанья пропустив.

И, потеряв сюжет романа,
Она расеянно пойдет
Туда, где ветер полупьяный
Скандалит у чужих ворот.
Она придет. И радость встречи
Протянет в розовой руке,
И принесет на шубке вечер
И седину в воротнике.
К кому, несмелая, немая,
Весна не входит по пути?
Так дай же руку, дорогая,
Чтоб было радостно пройти
По лужам робким и наивным
И мимо сада, где кусты
Волнуются и ждут густых,
Апрельских, откровенных ливней,
Туда, где чуть закат дымит
И пролетает над домами,
Где наша молодость шумит
Еще невнятными ручьями.

1934

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПИСЬМО

По тропинкам уходит лето.
Упадет запоздалый гром,
Называется месяц этот
По-осеннему — сентябрем.
Рядом с ветром, седым и низким,
Птицы грузно летят на юг.
Ты мне вспомнился, очень близкий
И далекий московский друг.

Я не знаю, какие закаты
Поднимаются над Москвой.
Может, тучи висят над Арбатом,
Осыпаются над тобой.
Тучи бродят. Ложатся тени.
Волны бьют о соленый гранит.
Мир, встревоженный и осенний,
Открывается и шумит.
Мы пришли, чтоб в горах лесистых
И в степи, отходящей ко сну,
По холодным хрустящим листьям
Рядом с песней нести весну.
Хлынет песня девятым валом,
И ее до конца пропоют
Города моего Урала,
Черноморский портовый юг.
В сотый раз багровым пожаром
Отплывает рябина в саду.
...Я не знаю, какая старость
Нам написана на роду.
Будем, может быть, знамениты,
Может, выстроим города,
У другого, у нашего Шмидта
Тоже вырастет борода.
Нас окружат большим почетом.
И уверенно и легко
Пролетят перед нами пилоты
В окружении облаков.
Зашумит эскадрилья бурно,
Стратонавты пойдут за ней,
Побывавшие на Сатурне
И гостившие на Луне.
Будет осень и паутина,
Синеватый мороз у воды.
Нам расскажут, как в лунных долинах
Расцвели земные сады.

Станет волосы путать ветер,
Наши волосы в серебре.
Мы поймем, что на этой планете
Нет возможности постареть.

1934

ЗНАДВОРОВ
ВЛАДИСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ
1914—1942

Родился в городе Перми в семье инженера-строителя. С 16 лет начал работать в геологических партиях Казахстана, на Кольском полуострове, на Крайнем Севере.

В 1935 году поступает на геологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького в Свердловске, в 1938 году переезжает в Пермь, где заканчивает Пермский университет с отличием.

Уезжает работать в геологическую партию в Верх-Нейвинск.

В 1942 году окончил военную школу, получил звание младшего лейтенанта и уехал на фронт.

28 ноября 1942 года пал смертью храбрых в боях под Сталинградом.

При жизни поэта в Свердловске вышла его повесть «Медная гора» (1936), а в Перми — сборник стихов «Простор» (1941).

После смерти в Перми изданы книги «Преданность» (1946) и «Ветер мужества» (1954), а в Свердловске — «Походные огни» (1945) и «Стихи, рассказы, повесть» (1953).

В 1949 году произведения В. Занадворова были включены в сборник «Стихи остаются в строю» (М., «Советский писатель»), а в 1965-м в сборник «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (М., «Советский писатель»).

СТИХИ О КАМЕ

1. Песня о разлуке

Расцветает марьин корень;
Травы в поймах высоки;
В мглистом солнечном просторе
Тонут птичьи косяки.

И, гудя на всех наречьях
Славной Родины моей,
Наше дальнее Заречье
Провожает сыновей.

Отправляясь на разлуку,
Ты не хмурь крутых бровей,
Положи на руку руку,
Поцелуев не жалеи.

Между елок, между сосен
Грянет ветер гулевой,—
И вернусь я в эту осень
Самой ближнею тропой.

А пока седые волны,
Закипая, как пурга,
Словно огненные молнии,
Бьют с размаха в берега,—

В светлом солнечном убранстве
Белоснежные плоты
Манят в дальние пространства,
В разворот большой воды.

2. Песня о жизни

Когда, волной удара в камень,
Брезент сорвав над головой,
И над плотами, и над Камой
Застонет ветер штормовой —

Тогда средь выгнутых излучин,
Средь волн тяжелых и косых
Мы, словно азбуку, изучим
Аварий яростный язык.

Тогда, по волнам пролетая
И поднимаясь в облака,
Засвищет песня молодая,
Живая песня сплавщика.

Пусть эти синие зарницы
Качает шалая вода,
Мы можем надвое сломиться,
Но не согнемся никогда.

Пусть волны, грохнувшись обвалом,
Развеив гривы на скаку,
Родного друга грозным валом
Смахнут в бурлящую реку,

Он крикнет, бурю огороша,
Заветной песней дорожа:
— Какая жизнь хор-рошая,
И Кама хороша!

Опять и в блеске, и в кипенье
Настигнет гулкая волна,
Но даже в тяжкие мгновенья
Затихнуть песня не вольна.

Между крутыми берегами
Гудит немолчный пережат.
И догорает за горами
Последний пламенный закат.

А он лежит в ногах у сосен,
И по нетоптаной тропе
Чужие девушки приносят
Цветы и вздохи о судьбе.

...Мы справим славные поминки,
Мы вспомним давние дела,
И вновь на бойкие тропинки
Падет предутренняя мгла.

И под седыми облаками
Мы песню дружную споем
О нашей жизни, и о Каме,
И о товарище своем.

Мы грянем, бурю огороша,
Заветной песней дорожа:
— Какая жизнь хор-рошая,
И Кама хороша!

3. Песня о сплаве

Мои плоты плывут не уставая,
Плывут по тихой, ласковой реке;
Меж островов исчезла Чусовая,
И Гайва потонула вдалеке.

Прозрачной ночью или на рассвете,
Когда замолкнет сонная река,
Рванется песня гулкая, как ветер,
Как звездные просторы, широка.

Рванется песня сквозь ночную стужу,
Как птица расстилаясь по воде,
И спутница случайная затужит
О вспыхнувшей предутренней звезде,

О дальних неисхоженных просторах,
О паводке, ломавшем берега,
О сплавщиках поющих, для которых
Ее печаль совсем не дорога.

А Каму сторожит угрюмый берег
И караулит камень-исполин,
Она теряет огненные перья
В разбеге знойных солнечных равнин.

Но бревна, словно в танце подбоченясь,
Плывут, не замечая берегов.
О молодость! О славное течение!
Веселая работа сплавщиков!

Но тот рассвет запомнится надолго,
Когда, встречая птичий перелет,
Плотам навстречу медленная Волга
Просторы, как ворота, распахнет.

1936

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Когда в ледяшки превратятся ноги,
А путь лежит в Крестовую губу,
Ты будешь счастлив, посреди дороги
Наткнувшись на охотничью избу.

Я дверь открыл. Здесь было все, что нужно
Для путника, озябшего в ночи:
Дрова, дымясь, потрескивали дружно
И громко пел кофейник на печи.

Но для того, кто двое страшных суток
Плутал по тундре, не смыкая глаз,
Милей огня и добрых самокруток
На низких нарах брошенный матрац.

Я слышал сквозь дремоту, как мужчина
Растер мне ноги и раздел меня,
Закутал по-домашнему овчиной
И в горло вылил два глотка огня...

А утром только узкий след от нарты
Бежал на юг пустынной белизной,
Да наспех нарисованная карта
Среди мешков лежала предо мной.

Начерченную углем на газете,
Ту карту до сих пор я берегу,
Но кто навел хребты и горы эти,
По ней никак узнать я не могу.

Я не запомнил ни его походки,
Ни голоса, ни взгляда, ни лица;
Не знаю — то ль мы были одногодки,
Иль старше был он моего отца.

Но год за годом кажется все чаще,
Что я встречаюсь постоянно с ним
В поселках, поездах, таежных чащах...
И каждый раз — под именем другим.

ПОХОДНЫЙ РЮКЗАК

Над моею кроватью
Все годы висит неизменно
Побуревший на солнце,
Потертый походный рюкзак.
В нем хранятся консервы,
Одежды запасная смена,
В боковом отделенье —
Завернутый в кальку табак.
Может, завтрашней ночью
Прибудет приказ управленья
И, с тобой не простившись,
Рюкзак я поспешно сниму...
От ночлега к ночлегу —
Лишь только дорога оленья
Да в мерцании сполохов
Берег, бегущий во тьму.
Мы извели в жизни
Так много бессрочных прощаний,
Что умеем разлуку
С улыбкой спокойной встречать;
Но ни разу тебе
Не писал я своих завещаний;
Да, по совести, что я
И мог бы тебе завещать?
Разве только, чтоб рукопись
Бережно спрятала в ящик,
И прикрыла газетой
Неоконченный лист чертежа,
Да, меня вспоминая,
Склонялась над мальчиком спящим,
И отцом бы и матерью
Сразу для сына служа.
Но я знаю тебя,

Ты и рукопись бережно спрячешь,
От людей посторонних
Прикроешь ревниво чертеж
И, письма дожидаясь,
Украдкой над сыном поплачешь,
Раз по десять, босая,
Ты за ночь к нему подойдешь.
В непрерывных походах
Нам легче шагать под метелью,
Коль на горных вершинах
Огни путевые видны.
А рюкзак для того
И висит у меня над постелью,
Чтобы сын в свое время
Забрал бы его со стены.

1941

НА ВЫСОТЕ Н.

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи...
А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, где легли,
Не подымали век тяжелых —
Высот увидеть не могли.
Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

1942

Но со связкой гранат,
с подожженной бутылкой бензина
Из окопов бойцы
вылезают навстречу ему.
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и дыму.
Пятый раз в этот день
начинают они наступленье,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,
Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновенья
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки!
В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов...
...Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.
Он останется в памяти
юным, веселым, бесстрашным,
Что любил по старинке
врага принимать на картечь.
Нам сейчас не до слез —
над товарищем нашим
Начинают орудья
надгробную гневную речь.
Но вот смолкло одно,
и второе уже замолчало,
С тылом прервана связь,
а снаряды приходят к концу.

Но мы зря не погибнем!
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
гранате, штыку и свинцу!..
Что за огненный шквал!
Все сметает...
Я ранен вторично...
Сколько времени прожито:
сутки, минута ли, час?
Но и левой рукой
я умею стрелять на «отлично».
Но по-прежнему зорок
мой кровью залившийся глаз...
Снова лезут, как черти,
но им не пройти, не пробиться...
Это вместе с живыми
стучатся убитых сердца,
Это значит, что детям
вовек не придется стыдиться,
Не придется вовек им
украдкой краснеть за отца!..
Я теряю сознание...
Прощай! Все кончается просто...
Но ты слышишь, родная,
как дрогнула разом гора?
Это голос орудий
и танков железная поступь,
Это наша победа
кричит громовое «ура!».

ВОЗНЯК
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
1914—1969

Родился в городе Седльце (Польша).
Окончил среднюю школу в Самаре. Плавал кочегаром на волжских судах, работал слесарем на заводе имени Масленникова в Куйбышеве.
В 1936 году переехал в Оренбург, работал в дорожной и областной газетах.
С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте. Был ранен.
Первая книга стихов «Расцвет» вышла в 1934 году в Куйбышеве.
Стихи печатал в журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Огонек», «Урал».
Автор поэтических сборников, изданных в Куйбышеве, Оренбурге, Челябинске: «Стихи и песни» (1938), «Верность» (1957), «Сердце друга» (1962), «Избранное» (1964), «Стихи, песни, поэмы» (1971) и других.

КУРСАНТ ГАГАРИН

Весна шумела на бульварах,
Деревья набирались сил...
Мой город — молодой и старый,
Ты помнишь, как курсант Гагарин
По нашим улицам ходил.

Он раньше на Урале не был,
Но земляком и другом стал.
Степное выцветшее небо...
С него он космос начинал.

Не просто молодости взлеты,
Нет, жажда до конца понять
Земные точные расчеты,
А может быть, иное что-то,
Чтоб равным —
с равными летать.

...Всему своя пора и время,
И увольнительной —
свой срок.

И он, как водится со всеми,
Шел в тихий энский городок.

А утро начиналось с грома,
Крутое, словно виражи,—
Как из гнезда, с аэродрома,
Взлетали грозные стрижи.

И, серебристый след оставив,
Вдали пронзали облака,

— Диким мохом-чернобылом
В бор дорожка поросла,
Где ходила, где любила,
Где счастливая была.
На Сакмаре сохнет лодка,
Парус крылья опустил —
Неужели ты, залетка,
К дому стежку позабыл.
В небе просинь, в поле осень,
Скоро вьюжная зима.
Почтальон всем письма носит,
Ну а мне все нет письма.
Пусть осокой, чернобылом
В бор дорожка поросла,
Я залетку не забыла
Я другого не нашла.
Песнь на славу удалась,
Не слова, а прямо сладь.
Не она ль по красноталу
Птицей быстрою летала
И, расщедрясь, прямо в сени
Запах принесла осенний.
Из-под кручи бьет ручей.
Чей ты, милый, чей?
У березки белоногой
Корень крепок, узловат.
Хорошо в пути-дороге
Посидеть среди девчат.
Посидеть в кругу, послушать,
Заглянуть в девичью душу.
Вечер. Сизая вода,
Чьи-то теплые ладони.
И ведет тропа туда,
Где затих базар вороний...

1962

РЕУТ
КОНСТАНТИН ФЕЛИКСОВИЧ
1911—1942

Родился в селе Катайском Челябинской области в семье агронома. Детские и школьные годы К. Реута прошли в городе Камышлове. Окончив школу, он стал рабочим, а затем техником-десятником на строительстве Челябинского тракторного завода.

После службы в армии работал в Свердловске в газетах «Уральский рабочий» и «Путевка». В 1934 году вышел его сборник стихов «Убеждение».

Погиб в боях под Ленинградом в марте 1942 года. Вторая книга поэта «Весеннее сердцебиение» вышла в Свердловске в 1963 году.

Состав считает буферную медь,
А лес плывет... Деревьям нет конца...
И ждешь не станцию, а тройку в бубенцах.
И ждешь не зарево огней — лесную муть,
Столб верстовой и рыжую корчму...
Визжат колеса... Круче поворот.
Лес оборвался.

И в окно завод
Влетел, как песня.

Строен и здоров
Упругим строем труб и скрубберов.
Какая встреча!

Руки фонарей
Рефлекторами машут на горе.
Какая встреча!

И на всех парах
Гудки кричат:

— Привет, железный брат!

— Ну, как дела?

— У нас? Идет литье!

И паровоз, покашливая, пьет...
И виден мне прекрасный новый век.
Громадный корпус.

Рядом человек.
На нем лучи.

Он землю бросил в жар,
Потомок мастера кремневого ножа!
Он плавит медь!

Он держит лес в руках.
И на закате плавятся цеха.
И на ветвях, упругих и сухих,
Корнями впитанный, густеет малахит,
И на волнах величественных крон
Звенят снега — лесное серебро...

Фронт... Месяцами в грязной дыре.
Блиндажный озноб и жар.
Я хотел, мой друг, тогда умереть,
Отдыхать и лежать, лежать.
Мать надеялась: — Может, воротится?
Молилась, и я шагал.
Пришел.

Но ныла в хвостах безработица,
Как раненая нога.

Мама! Я не отчаялся,
нет!

Не плачьте, я вас не виню.
Я кончил проклятый университет,
Чтоб сесть на Седьмой авеню.
Три года

с бурчаньем в желудке
стареть,

За день добыв бутерброд!
Я снова хотел, мой друг, умереть,
Скитаясь у бирж и ворот.
О, как хотел я таскать тюки,
Слоняясь по пристаням!..
Но мне не везло:

друзья из реки

Вытащили меня.

— Где это было? Зима. Пойдите.
Буря.

А руки висели, как грабли.
Меня подобрал инженер
в Детройте,

Думал, что я избит и ограблен.

Он не ошибся!

Я бился в ворота,
Ограбленный самой богатой страной!
...Русская леди ходила за мной...
Русский механик дал мне работу...

Он отстоял мою пару рук,
По ним не прошлось
острие ножа.
Я не хочу умирать, мой друг!
Я не могу лежать!
Уже от росы потепело стекло,
Туман одевал этажи...
Палата седела
от стонов и слов,
Палата дралась за жизнь.

III

Таких вечеров растеряла земля
Немало за свой маршрут.
Таких вечеров,
когда тополя
Вздрагивают и цветут.
Таких вечеров,
когда резедой
Пахнет в больничном саду,
Когда даже самый
серьезный больной
Видит в окне звезду,
Далекую, яркую, в облаках;
Далекий степной костер,
Звенят табуны,
и плывет на луга
Туман из низин и озер.
А за дверьми, за окном,
за стеной
Майский жучок жужжит,
Сухими губами
шепчет больной
Великое слово «жить»...

ПОПОВ
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
1902—1975

Коми-пермяцкий поэт. Родился в деревне Тимкино Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа в крестьянской семье. Работал в деревне. В 1925 году был избран председателем сельского Совета.

Окончил в Перми рабфак. Преподавал в школе крестьянской молодежи, работал в редакции окружной газеты «По ленинскому пути».

Участник Великой Отечественной войны. Удостоен правительственных наград.

После войны — редактор, а потом главный редактор окружного книжного издательства.

Автор нескольких книг стихов — «Весна цветет» (1935), «Фронтовые стихи» (1942), «Громовые годы» (1945), «В родном краю» (1948), «Огни в парме» (1953) и других.

На русском языке его стихи наиболее полно представлены в сборнике «Эхо лесное» (Пермь, 1962). Член КПСС с 1946 года.

СПЛАВНАЯ

Эй, на плотбище таежном!
Разве нам без песни можно
В день весенний?
Шум стоит над берегами,
Бревна в берег бьются лбами
В брызгах, в пене.

Что, затворы на излучке?
Эй, багры берите в руки
Дружно, ровно!
Снова лесу — путь свободный,
И река водой холодной
Моеет бревна.

Словно праздник все справляем —
Нынче леса мы сплавляем
Ой немало...
Новостройки, принимайте,
Там, на Волге, поднимайте
Лес Урала!

1946

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

У темной тучки много сил:
Грохочет, пробует свой голос.
И все живое дождь умыл —
Любой листок, цветок и колос.

Под солнцем снова ширь ясна,
А тучка дальше улетает,
Над полем радуга видна,
Дугой согнулась и сияет.
И веет легкий ветерок,
Листвой берез играя живо.
А по канавам, у дорог,
Ручьи стремятся торопливо.
Все радо: дождь так много дал
Хлебам, лесам, любой травинке.
На все он щедро нанизал
Свои блестящие дождевки.
Не зря ложились семена:
Пшеница вырастет густая...
Лесная наша сторона
Ждет не дождется урожая!

Июнь 1947

ГРОССМАН
МАРК СОЛОМОНОВИЧ

Родился в 1917 году в Ростове-на-Дону в семье врача.

В 1931 году переехал в Магнитогорск.

Окончил Магнитогорский педагогический институт.

С 1937 года живет в Челябинске.

Работал редактором отдела ЧелябТАСС, заведовал отделом молодежной газеты.

Участник Великой Отечественной войны.

После окончания войны был сотрудником газеты «Гудок».

Первые рассказы и стихи напечатал в 1933 году.

Первая книга стихов «На границе» вышла в Челябинске в 1938 году.

Автор нескольких сборников стихов, изданных на Урале: «Прямая дорога» (1952), «Вокруг тебя» (1959), «Ветер странствий» (1960), «Лирика разных лет» (1974) и других.

Выпустил много сборников рассказов и повестей. Награжден орденами и медалями.

Член КПСС с 1941 года.

ЗЕМЛИ НЕМАЯ НИЩЕТА

Земли немая нищета...
Леса молчат навстречу бою.
У пулеметного щита
Трубач с холодной трубою.
Во тьме вмерзал губами в медь,
Бежал вперед под ярим градом,
Чтоб первым смерть преодолеть
Иль умереть с друзьями рядом.
Возьми слова, переиначь,
Но дело остается делом:
Ты звал на подвиги, трубач,
Я сам не трус и верю смелым.
Я верю слову и свинцу,
Что пробивают путь во мраке.
Я верю нашему певцу
В бою. На линии атаки.

1940

РЖАВЕЕТ КАСКА НА МОГИЛЕ

Ржавеет каска на могиле.
Бежит дорожка к блиндажу.
...Мы под одним накатом жили,
Мы из одной жестянки пили...
Что я жене его скажу?..

1939

БАЛЛАДА ОБ УРАЛЬСКОМ ТАНКЕ

Михаилу Львову

Снаряды грызли землю Сталинграда.
Вскипала Волга. Мертвый плыл паром.
Горбатый, грязный, как исчадь ада,
Немецкий танк поднялся над бугром.

Он пол-Европы траками пометил,
Броней сметал он все перед собой.
И вот стоит у Волги на рассвете,
От выбоин и вмятин весь рябой.

Еще мгновенье — и на этом танке
Опустят люк. Рванется танк, дрожа.
Начнут полосовать его болванки
Тяжелое железо блиндажа.

Еще мгновенье...
Но в раскатах грома,
Стоявшая в укрытье до сих пор,
Рванулась из-за рухнувшего дома
Уральская машина на бугор.

Они сцепились, будто в рукопашной,
Сшибая бронированные лбы.
И замерли заклиненные башни.
И оба танка встали на дыбы.

...Мы шли вперед знакомыми местами,
Оставив на высоком берегу
Машину с опаленными крестами,
С оборванными траками в снегу.

А рядом с нами медленно и грозно,
Весь в ранах и рубцах, без тягача,
Шел танк уральский по земле морозной,
Магнитогорской сталью грохоча.

В пути спросил один солдат другого:
— Ты, кажется, с Урала, побратим?
И руку он потряс ему без слова.
И все без слов понятно было им.

1942

В ОКОПЕ, В ПОЛЕ

Тишина полевая
И полыни пыльца.
Пыль полей истлевает
На морщинах лица.
И в душе у солдата
Эта тишь, как ожог.
Будто где-то когда-то
Я все это прошел.
Было, было все это
Наяву иль в бреду:
Я в зеленое лето,
Точно в реку, бреду.
Вскрикнут сонные гуси,
Просвистит ветерок.
Снова тихо над Русью
У полевков-дорог.
Ни войны и ни боли —
Только ведро да синь,
Только гуси на поле

Окликают гусынь.
Никого здесь не травят,
Никому здесь не лечь.
И шумит разнотравье,
Точно бабкина речь,
Точно реченьки лепет
Там, в глуши, вдалеке.
...Самолеты — над степью!
Самолеты — в пике!

1943

* * *

Эка вьюга, эка скука,
Не видать кругом ни зги...
Ходит в комнате разлука,
Только шаркают шаги.
Только дверь открыта в темень
Да в тумане голова.
Дышит медленное время:
Раз и два, и раз и два.
За окном метель хохочет,
Кличет голосом дурным.
Снега яростные клочья
Растекаются, как дым.
Сяду я на паровоз,
Под которым шесть колес.
Для разлуки лучше нету,
Для сердечных тех хвороб,
Как пойдешь бродить по свету —
Сиверок студеный в лоб!
И тогда от ярой сини,

От морозца близ лица
Вдруг, бывает, поостынут,
Успокоятся сердца.
...От откоса до откоса
Полотно мороз сковал.
Паровозные колеса
Бьют разлуку наповал...

1959

* * *

Маки просыпаются в районе,
Тает в небе синяя звезда.
Я стою устало на перроне,
Черные встречая поезда.
Лязгают составы буферами,
На кусты набрасывают чад,
Над Уралом низкими горами
Паровозы истоиво кричат.
Я стою вблизи локомотива,
Жгу табак недельного пайка.
Возле гор бездумно и лениво
Кучками летают облака.
А вокруг целуются и плачут,
Плачут и целуются опять.
Я один пока, и это значит:
Мне еще положено стоять.
Может, небо звездочку уронит
Над моей семнадцатой весной.
...Никого не жду я на перроне,
Кроме той, что выдумана мной.

1934

МАЛЬЧИКАМ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

От мешков вещевых горбаты,
От винтовок и станкачей,
Шли, качаясь без сна, солдаты
В черный чад фронтовых ночей.
Молчаливые, точно камень,
Шли в крови вы и соли слез.
Я тащил вас, скрипя зубами,
По ничейным дорогам нес,
Чтоб потом, в свой черед и муку,
Плыть на ваших руках, в бреду,
По дымящему, словно уголь,
Раскаленному сталью льду.
Мы бывали хмельны без водки —
Нараспашку рванье рубах!
И любовь моя — одногодки —
Умирали в моих руках.
Умирали: «Ах, мама милая,
Через слезы ты мне видна...»
И была вам порой могила
В час несчастный — на всех одна.
Я вас помню в кровавых росах,
Где — разрыв, а потом — ни зги,
Ваши грязные, как колеса,
Задубевшие сапоги,
Ваши выжженные шинели,
Тенорок, что в бою убит,
Ваши губы, что занемели
И для жалоб, и для обид.
Сколько прошлое ни тряс я —
Все одно и то же, как стон:
«Лишь была бы жива Россия
Под зарею своих знамен!».
Я запомнил навек и свято

Ржавый дым и ожог жнивья,
Дорогие мои ребята,
Мои мальчики, кровь моя.
Грубоватые и земные,
Вышло — голову вам сложить,
Вышло — вас пережил я ныне,
Дай бог память не пережить.
Ни забвенья тебе, ни тленья —
И надежда, и боль веков —
Легендарное поколение
Непришедших фронтовиков.
Вас запомнят века другие,
Всей безмерной земли края,
Братаны мои дорогие,
Мои мальчики, кровь моя...

1972

ШИРШОВ
БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ
1923—1975

Родился на Артемовском прииске Бодайбинского района Иркутской области в рабочей семье.

Вскоре семья переехала на Урал. После школы-семилетки работал в редакциях областных газет «Звезда», «Большевицкая смена».

Участник Великой Отечественной войны. Был тяжело ранен.

Поступил работать во фронтовой агиттеатр «Звездочка» Пермской филармонии.

Первые стихи опубликовал в 1933 году десятилетним мальчиком.

В 1941 году вышла в Перми первая книга «Боевые частушки».

В Пермском книжном издательстве вышло более двадцати книг, среди них «Суровая молодость» (1947), «Добрые вести» (1949), «О простом и великом» (1958), «Осенняя баллада» (1973).

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ

Шел солдат из Берлина
Много лет, много зим.
И казалось ему:
Он — совсем невредим,
Будто не был свинцовою строчкой
Прошит,
Будто не был убит
И в могилу зарыт.

Шел в поселок уральский
На реке Чусовой,
Шел полями, лесами,
По траве луговой.

Брел в морозы, в метели,
Но костров не палил,
На ночлег не просился,
Закурить не просил.

Все вокруг и поодаль
Видел он, замечал.
И людей работающих
Он повсюду встречал.

Возрождая Державу
После тяжелой беды,
Люди были повсюду
Победой горды.

Проходил он по шумным
Городским площадям

И смотрел на солдат он,
Таких же, как сам.
В плащ-палатках и касках,
Молодые, как он,
Стали эти солдаты
На гранит и бетон.
Пламенели знамена,
Незабудки цвели.
Он был рад, что солдаты
До дома дошли.

И прикидывал снова
Путь немаленький свой
До поселка родного
На реке Чусовой.

Шел солдат терпеливо
На Урал день за днем.
Он все видел и слышал:
Вспоминали о нем,
Пели песни в застолье
Про него самого,
Новым улицам имя
Давали его.

Шел солдат. И однажды
В поздний час заревой
Он пришел в свой поселок
На реке Чусовой.
Отворил он калитку,
Оглядел старый двор
И под окнами дома
Услыхал разговор.

Он узнал этот голос
И притих у окна.

У стола с взрослым сыном
Сидела жена.
Шила детское что-то,
Платье внучке, видать,
Иногда оправляя
Серебристую прядь.
На лицо дорогое
Падал розовый свет.
И в простенке виднелся
Солдатский портрет.
В темной узенькой рамке,
Отливая стеклом,
Он похож был на парня,
Что сидел за столом.

И солдат очень тихо
Отошел от окна,
И ему показалось:
Встрепенулась жена.
Сын взглянул удивленно
В темноту за окном.
И задумались оба
О чем-то своем...

Шел солдат и до сквера
Не спеша дошагал.
Там белел сквозь деревья
Постамент-пьедестал.
И солдат стал на камень
Лицом на восход.

И отсюда вовеки
Никуда не уйдет.

1973

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

А вы бы хотели,
А вы бы хотели,
Чтоб в город сегодня
Грачи прилетели?

Я жду на вопрос этот
Разных ответов,
Хочу в непоэтах
Увидеть поэтов.

Но есть у прохожих
Иные заботы:
Культуры и быта,
Питанья, работы.

И к ним обращаться
Вот так, самочинно,
Едва ли удобно
С проблемой грачиной.

Тогда я — к поэту:
— А вы бы хотели,
Чтоб в город сегодня
Грачи прилетели?

— Старо! — отвечал он
Рокочущим басом.—
Из прошлого это:
Грачи и Саврасов!..

Я — к дворнику дома:
— А вы бы хотели,
Чтоб в город сегодня
Грачи прилетели?

Ответил мне дворник
Ворчливо и строго:
— От них галдежа
Да и мусора много!..

Спросил ребяташек:
— А вы бы хотели,
Чтоб в город сегодня
Грачи прилетели?

— Хотели б! Хотели! —
Вскричали ребята,
В карманах пальтишек
Пощупав рогатки...

Меж тем прилетели
Усталые птицы
И стали на ветках родимых
Гнездиться.

Парнишка-монтер
Со стальными когтями,
Как ястреб, следил
Со столба за гостями.

Восторгом весенним
Глаза его пели
Для всех проходящих
Под ним по панели:

— Хотели вы этого
Иль не хотели,
А в город сегодня
Грачи прилетели!

1969

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Ты, я знаю, утром рано
Уезжаешь в электричке.
Может быть, тебя застану
На разъезде по привычке.

И увижу на платформе
Взмах руки округлый, плавный:
Голубей ты хлебом кормишь,
Улыбаясь славно-славно.

Над платформой склон лесистый,
Узкой тропочки извивы,
За путями — серебриста
Гладь широкого залива.

На горе домишек груда,
Белой лестницы ступеньки.
Ты, наверно, вот отсюда,
Из нагорной деревеньки?

Ты опять уедешь в город
На учење, на работу ль.
Ты опять уедешь скоро.
Не узнаю снова, кто ты.

Ты совсем, совсем такая,
Что в моих мечтах витала,
Удивляя, привлекая,
Ближе снов не допускала.

Годы шли, их было много.
Где-то близко бродит старость.
На бесчисленных дорогах
Ты со мной не повстречалась.

Но повсюду, постоянно
Ты мне виделась и снилась.
Я родился слишком рано,
Слишком поздно ты родилась.

Провожу тебя я снова
Взглядом любящим, ревнивым.
За утехой рыболова
Выйду на берег залива.

Я твоей не слышал речи.
Все, как прежде... Ну и ладно.
Мне опять от нашей встречи
Будет грустно и отрадно.

1975

ШМАКОВ
ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ
1910—1961

Родился в деревне Старая Монья Можгинского района Удмуртии в крестьянской семье.

Окончил Можгинский педагогический техникум, работал в школе, служил в Советской Армии, был литсотрудником республиканских газет.

Участник Великой Отечественной войны.

После демобилизации работал в редакции газеты «Советская Удмуртия», в комитете по радиовещанию и телевидению, в книжном издательстве.

Начал печататься в начале 30-х годов. Первый сборник «Мое оружие» вышел в 1945 году.

Автор девяти сборников стихов. На русском языке опубликован сборник «Рождение песни» (1960).

ЗВУКИ ЧИПЧИРГАНА

Вспомнил я о прикамской раскидистой ели
В белорусской лесной стороне,
И певучие звуки удмуртской свирели —
Чипчиргана —
Послышались мне.
Материнские песни ко мне долетели
И ласкают мой слух на войне.

Мать и Родина — лучшие в мире слова.
В их звучании — лучшие наши порывы,
И пока мы, бесстрашные, живы,
Будет Родина в мире жива.

Я удмурт, а на фронте я русский солдат,
И попробуйте выбить из рук автомат,
Если пальцы к нему прикипели,
Если вера в Отчизну крепка, как булат!
До последнего вздоха — вперед! Неужели
Я врагу уступлю, раз я русский солдат!

В белорусской лесной стороне
Прохожу я в солдатской шинели,
И певучие звуки удмуртской свирели,
Где бы ни был я, слышатся мне.

Слышу снова
Родное удмуртское слово.
Наш напевный язык, ты оплечье мое!
Как со мною судьба ни сурова,
Ты на фронте мне скрасишь ее.
Ты меня вдохновишь на победу в борьбе.
Как родному народу, я верю тебе.

Ты когда-то помог под черемухой белой
Мне признаться любимой во всем.
Все, что мог, ты для нас, нецелованных,
сделал,

И не ты виноват, что мы розно живем:
На Урале она, я на фронте, в бою,
С автоматом в руках эту песню пою.
Помоги мне поведать заветные думы,
Рассказать, как мужаем в жестоком бою мы!

Я сроднился с тобой, наш язык, с колыбели,
Как когда-то мой прадед и дед.
Неужели отнимут тебя? Неужели
Над тобой надругаться позволю я?
Нет!
Не затем мы Советскую власть создавали,
Не затем в Октябре мы вздохнули с тобой!
Мы годами по буквам строку отливали,
Чтобы с нею идти и на труд, и на бой!

Мой удмуртский язык,
Задушевный в беседе с друзьями,
Для врага ты готов обернуться штыком.
Ты со мною проходишь сквозь пламя,
Ты воюющим стал языком!

Языки — это братья в советской стране,
И такие же братья — народы.
Этой дружбы, окрепшей в суровые годы,
Никому не разбить на войне!
Я к победе иду, и счастливый, и гордый
Тем, что дружба народов — гранит,
Что на всех языках одинаково твердо
Слово партии нашей звучит!

1942

В ПОЕЗДЕ

Вдоль дороги столбы частоколом,
И в пути — только окна открой —
Ты почувешь, как в поезде скором
Вдруг запахнет сосновой корой.

Кинолентой мелькают просторы:
То равнина, то сызнова бор.
Начинаются дебри, в которых
Лишь недавно звенел мой топор.

Здесь, бывало, не всякий охотник
Пробирался с берданкой своей,
Лишь река — неустанный работник —
Рыла землю меж цепких корней.

Мне знаком каждый куст Приуралья:
Тут я мерзлую землю копал,
Тут ее аммоналом взрывал я,
Чтобы выровнять место для шпал.

Вдоль дороги столбы частоколом,
И в пути — только окна открой —
Ты почувешь, как в поезде скором
Вдруг запахнет сосновой корой.

Лес дремучий, и вдруг — остановка,
Неизвестно на сколько минут.
Сходят с поезда люди в спецовках,
Инструменты с собою берут.

Торопливо прощаются с нами,
Приглашают сюда через год.
Это здесь, окруженный лесами,
Поднимается новый завод.

1947

НАШ СОЮЗ

Нет на гербе моей Отчизны
Ни льва, ни хищного орла.
Она свой герб во имя жизни,
Для мира в мире подняла.

Как символ дружбы, символ счастья
Страны — земли одной шестой,—
Он создан был Советской властью,
Наш герб, как солнце, золотой.

Его звезда далеко светит.
Завидна Родины судьба:
Не только нам, а всей планете
Светло от этого герба.

Союза крепче и сильнее
Еще не видела земля.
Народы в нем родных роднее —
Республик дружная семья;

Одна семья народов славных,
Которой спаяннее нет,
Семья, где равные среди равных
Идут под знаменем побед.

И все сильнее год от года
Сердца сплоченные горят
Признаньем русскому народу,
Что всем народам старший брат.

1950

ЛОЗНЕВОЙ
АЛЕКСАНДР НИКИТОВИЧ

Родился в 1911 году в селе Большетроицком Белгородской области.

Работал на строительстве Магнитогорска землекопом, каменщиком, сотрудником газеты «Магнитогорский рабочий».

Из Магнитки был призван в Советскую Армию, прослужил более 20 лет, участник Великой Отечественной войны.

Заочно учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

Первые стихи опубликовал в начале 30-х годов.

Выпустил книги «Края мои широкие» (1952), «Мальчик на льдине» (1955), «В походе и дома» (1959), «Чукотская сказка» (1964), «Дорога и горы» (1966), «Жить и любить» (1971).

Член КПСС с 1943 года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я иду на Магнитную гору,
как в тридцатом,
по тропке крутой.

А вокруг
раскрывается город
в полной силе своей молодой.
Над рекою,
в дали синеватой,
он уже и на том берегу.
И радостно мне,
солдату,
что у города
я не в долгу.

Здесь когда-то сажил я деревья,
домны строил,
таскал кирпичи.
Здесь,
в дерзанье моем уверен,
мне оружие
город вручил.

Дал мне город
и силу и знамя,
и — «Вперед, — приказал, — иди!»
До Берлина
дошел я с боями;
сто смертей
у меня позади.

Вновь гляжу —
не могу наглядеться

ВОХМЕНЦЕВ ЯКОВ ТЕРЕНТЬЕВИЧ

Родился в 1913 году в деревне Вохменке Юргамышского района Курганской области в семье крестьянина.

Учился в горном техникуме, в горном и Литературном институтах.

Работал лесорубом, землекопом, шахтером, а также на строительстве Магнитки и Челябинского тракторного завода.

Участвовал в боях на Халхин-Голе в 1939 году и на фронтах Отечественной войны с 1942 года до Победы. Был ранен и контужен.

Три года руководил Челябинской и девять лет Курганской писательскими организациями.

Печататься начал в 1933 году. Публиковал стихи в журналах «Огонек», «Октябрь», «Новый мир», «Москва» и других.

Автор 14 книг стихов, выпущенных в Москве и на Урале. Среди них «Степная песня» (1955), «Положа руку на сердце» (1960), «Не ради красного словца» (1962), «Слышу зов земли» (1966), «Разговор с друзьями» (1971), «Живет на свете человек» (1971) и другие.

Член КПСС с 1963 года.

БАЛЛАДА О КОРОМЫСЛЕ

Не полвека ль назад, высока и стройна,
В этот домик вступила хозяйкой она?

Уложила в сундук подвенечный наряд
И привычно взялась за горшки и ухват.

Чтоб тяжелые ведра не резали рук,
Ей с базара привез коромысло супруг.

Был подарок его расписной красоты:
От крючка до крючка петухи да цветы.

Что река далеко — не беда молодой,
Танцевала под тяжестью ведер с водой.

И не знала она, как смотрел ей вослед,
Как печально вздыхал неженатый сосед.

Но прошли, вереницей промчались года,
И — тяжелою стала речная вода.

Кто считал, сколько раз на крестьянском
С коромыслом ходила она на реку? веку

Если б камнем тропинку устлать до воды,
То, наверно б, на камне остались следы.

Лоб в морщинах давно, на висках седина,
От работы согнулась у старой спина.

В коромысле не стало былой красоты,
Помаленьку сошли петухи и цветы.

Год, как выдана замуж последняя дочь.
Год, как некому больше старухе помочь.

Силы будто бы есть, да одышка берет —
От реки до крыльца раза три отдохнет.

Облегчая в колхозе хозяйкам судьбу,
Вдоль села под землей проложили трубу.

Добрались до просохшей в подполье земли
И к старухе на кухню трубу провели.

Желтой медью сияет начищенный кран —
Подставляй под него хоть ведро,
хоть стакан.

Звонко льется вода, и вкусна и светла,
А тропинка к реке лебедой заросла.

И уже коромысло в чердачной пыли
Тонкой пряжей своей пауки оплели.

1948

РОДНОЕ СЛОВО

Кладь, медунка, подполозок, соты —
С детства мил мне этот лексикон.
Чувства меры нету у кого-то —
Говорили: — Обудоха он.

Из какого древнего запечья
Это слово вышло за порог?
Даже Даль, подвижник русской речи,
Натолкнуться на него не смог.

Помню: листьев золото осеннее,
Хмурый Волхов, полутемный дзот.
На пороге дзота пополнение —
Деревенской выдержки народ.

Покурить бы, говорят, неплохо.
Сыплю горсть махорки одному.
— Да куды ты столько, обудоха!
На-ко, брат, сгодится самому...

Я всмотрелся в русую пехоту:
По наречью слышу — земляки!
В тесноте обстрелянного дзота
Самокрутки прячем в кулаки.

Покурив, однако, разобрались,
Что друг другу вовсе не сродни:
Я по роду коренной уралец,
А они? Из Вологды они.

Вохма есть еще одна на свете —
Речка вьется через край лесной,
В Вохме той, как и в уральской, дети
По медунки бегают весной.

...Шел мой предок с войском Ермаковым,
По речушке Вохме тосковал.
Дом срубил себе в лесу сосновом,
И деревню Вохменкой назвал.

Он мечтал, что здесь расправит спину,
Что нужда не приползет сюда.

Не веришь мне — у лошадей спроси,
Кто больше нас возил поклажу на Руси.

— Заслуги старые едва ль тебе помогут,—
Спокойно Грузовик промолвил ей в ответ.—
Кто новому не хочет уступить дорогу,
Рискует угодить в кювет.

1957

ВЕСЕННИЙ ЛЕС

Я в лес ходил.
Он весел и здоров.
Еще не начал подготовки к лету.
Пока не то что ягод и грибов —
Травы зеленой на полянках нету.

Кругом вода. Просох один бугор,
Размыты муравьиные дорожки.
А муравьи повылезли из нор
И митингуют на своей копешке.

И бабочки беспечно там и тут
Порхают, радуясь жилой погоде.
И первым делом срочно узнают:
Какой расцветки крылья нынче в моде.

Летит по лесу звонкое «цвень-цвень»,
Певуньи голос подают друг дружке.
А может, мне по-птичьи «добрый день»
Кричат гостеприимные пичужки?

Лес — это праздник, жизни торжество,
Где ветки к солнцу тянутся, ликуя.
И если завтра вырубят его,
Куда же грусть и радость понесу я?

1963

НАШЕМУ ТРАКТОРНОМУ

Мы пришли сюда со всей России.
Посмотреть на внешность — простакни:
За спиной котомки холстяные,
А в руках — пустые сундучки.

Пусть мы были, может, угловаты
И не очень смелы... до поры.
Молодежь хваталась за лопаты,
Старики брались за топоры.

Пусть не шибко были мы учены,
Всё же знали, как там ни судачь,
Что и те —

заморские — «фордзоны»

Тянут плуг сильнее крестьянских кляч.

Мы трудились, не жалея пота,
Знали мы, что взоры всей страны
При ее бесчисленных заботах
Каждый день сюда устремлены...

Не забыв родных полей просторы,
Мы вошли в тебя,
рабочий класс.

Посчитай-ка, сколько же гектаров
Распахали детища твои!

Даже в самых жарких странах где-то
Вьются из-под их плугов пласты.
С доброй половиною планеты
Верной дружбой нынче связан ты.

1959

ШИРОБОКОВ СТЕПАН ПАВЛОВИЧ

Удмуртский поэт, драматург, прозаик. Родился в 1912 году в деревне Малый Казес ныне Шарканского района Удмуртской АССР в семье крестьянина.

В 1939 году окончил Удмуртский государственный учительский институт.

Участвовал в боях с белофиннами и в Великой Отечественной войне.

После войны был директором школы, заведующим районо, работал в редакциях газет, в книжном издательстве Удмуртии.

Выступил со стихами в начале 30-х годов.

Первая книга стихов «На поле боя» вышла в Ижевске в 1945 году.

Автор нескольких сборников стихов и поэм, первой удмуртской комедии «Эх, девицы-красавицы» (1969), повести «Песня находит дорогу» (1962), книг для детей и т. д.

В переводе на русский язык изданы книги «Пусть поют соловьи» (1958), «Песни полей» (1968).

Народный поэт Удмуртии.

Награжден орденом «Знак Почета».

В ПОЕЗДЕ

Безбрежная степь, в океане твоём
Мы, плавно качаясь, по рельсам плывём.
Я здесь воевал, здесь был ранен

когда-то.

Привет тебе, степь! Узнаешь ли солдата?

Мелькнули развилки знакомых дорог —
Волнения в сердце сдержать я не мог.
А ветер легко пробегает по шторам
И дальше летит необъятным простором.

И катят хлеба за волною волну.
И девушка с парнем прильнули к окну,
Желанного друга волнистые пряди
Красавица робко и ласково гладит.

А кудри у парня и впрямь золотые,
Как эта пшеница. Девичья рука
Невольно ныряет в их кольца литые.
А солнце сияет... А степь широка...

Я так, мои милые, рад и растроган,
Что, глядя на вас, прослезиться готов.
Я многое видел и пережил много,
И если рассказывать, хватит ли слов?

К тому же, друзья, вспоминать

нелегко мне

Ту боль, что поныне ещё не прошла.
Здесь был я когда-то, и девушка, помню,
У этих курганов меня обняла.

Но пряди моей на мизинец ни разу
Она не успела навить по весне.
Пришлось вместо этого ей, синеглазой,
Бинтом перевязывать голову мне.

Слеза, обжигавшая синие очи,
Была солона, как морская вода,
И образ любимой с той памятной ночи
Таким и унес я с собой навсегда.

Я каменным не был, и не было камнем
Влюбленное сердце, когда средь огня
Беда затуманила дымом глаза мне
И громом своим оглушила меня.

Очнулся, но поздно. Прощай, моя юность!
Жалеть не хочу, возвращать не берусь.
Но в строчки мои, как в скрипичные
струны,
Нет-нет да и снова врывается грусть.

Свисти, паровоз, и, пары прибавляя,
Развей невеселые думы, развей!
Пусть юность в крови отзовется, играя
Певучей и щедрою силой своей.

А двое влюбленных глядят на пшеницу,
Которой весь день проноситься в окне.
Так радостен мир, что нельзя
не пролиться
Дождям благодатным в степной стороне.

Пролиться дождям, а не страшному граду,
Что ломит пшеницу и гнет ковыли.
Пускай только ливни да солнце-отрада
Купаются в зелени этой земли!

Девчонка стоит у откинутой шторы
Щекою к щеке со своим дорогим.
Сквозь ветер со свистом проносится
И только в клочки разлетается дым. скорый,

Спешит паровоз, побеждая простор.
В чугунной груди — искрометный костер.
И сердце, бурля нестареющей кровью,
По-прежнему дышит горячей любовью.

Спеши, паровоз!..
Нет, помедли, постой!
Мне хочется встретиться с девушкой той.
В платке не она ли стоит у плетня?..
Колеса стучат и не слышат меня.
На маленькой станции нет остановки,
Неблизкий маршрут обозначен в путевке.

Что ж, поезд, лети, обдавай полотно —
И рельсы, и шпалы — дыханьем горячим,
Ведь сердце мое и смеется, и плачет,
Но даже и плача стучит все равно.

1956

РОССИЯ

I

В лесу — тишина и прохлада,
Рябиновый пламень потух,
Осиновый лист-ненагляда
Скоробился, высох, пожух.

Все глубже и мягче покровы —
Снежинки летят на поля.
Ты вся разодета в обновы,
Россия — родная земля.

Проснешься, а снегу — навалом,
Ты рад, как мальчишка, ему.
А солнце как будто застряло
Над лесом в морозном дыму.
В броне и река, и протоки,
В лесах — трескотня,

и всерьез

Прохожего щиплет за щеки
Сердитый уральский мороз.

В полях, где гудели моторы,
Где долго их рокот не слаб,
Я вижу сегодня узоры
От лисьих и заячьих лап.
Да, знаю, что озими дремлют
Под белой сплошной пеленой
И ждут, чтоб залить эту землю
Широкой и шумной волной.
Когда под метелицей белой
Черемуха скрипом скрипит
И веткою окоченелой
В окно мое ночью стучит,
Когда, и зимой не утрюмы,
Березки грустят о весне, —
Весенние теплые думы
Невольню приходят ко мне.
Как будто в листву, а не в иней
Густой перелесок одет,
Как будто с черемухи зимней
Не снег облетает, а цвет.
Под снегом и в лютые ночи

Земля родниками поет,
И верю, что яблонных почек
Трескучий мороз не убьет.

Насквозь проморожены лужи,
А сердцу неведома грусть,
И я только крепну на стуже,
Сильней и бодрей становлюсь.
Летя с косогора на лыжах,
От ветра не прячу лица,
Как будто не снег это брызжет,
А ржи золотая пыльца.

II

Шумит река. За льдиной — льдина.
Все поймы залиты водой.
И к солнцу тянется калина
Своею веткой молодой.
Мы скоро-скоро повстречаем
В заливах уток и гусей.
«Курлы, курлы!» — звучит над краем
И над Россией над всей.
Летят журавушки высоко —
Куда лететь, как не сюда!
Светло-зеленая осока
Уже встает из-подо льда.
Летят журавушки, трубят
О том, что нет земли красивей.
Весна, весна над всей Россией —
Сады белешеньки стоят!

В душе рождаются слова
Любви и нежности певучей.
Россия, ты — как дуб могучий,
Твоя не никла голова!

Я, осчастливленный тобой,
Удмурт, вчерашний сельский парень,
Сроднился с песенной судьбой,
Тебе за это благодарен.

Пускай не громок голос мой.
Пою не голосом — душой
О том, что пройдены невзгоды
И что на вечные века,
Как Волга, Кама и Ока,
Сдружились братские народы.

Вода ли вешняя струится,
Шумит ли во поле пшеница,
В снегах ли отчие края,
Рябина ли горит у прясла,—
Россия, ты всегда прекрасна,
Россия — родина моя!

1952

РУЖАНСКИЙ
ЕФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ
1910—1961

Родился в Елисаветграде (Кировограде), на Украине, в семье кузнеца. После семилетки и профтехучилища работал токарем, затем переехал в Ленинград, где работал на заводе «Электрик».

В годы Великой Отечественной войны работал в ленинградской областной газете «Смена» и во фронтовой «На страже Родины». С 1942 года и до конца своих дней жил в Свердловске.

В 1934 году в Харькове на украинском языке вышла первая книга стихов «Сплошная лирика». В 1953 году вышла первая книга стихов, написанная на русском языке,— «Горная тропа». Стихи Е. Ружанского публиковались в журналах «Огонек», «Смена», «Мурзилка», «Урал», выходили отдельными изданиями в Свердловске, Москве, Тюмени, Кургане, Челябинске. Е. Ружанский — автор двадцати книг для детей и взрослых, среди них «Первый шаг» (Челябинск, 1954), «Две минуты» (Тюмень, 1957), «Детям» (Челябинск, 1957), «Авось и Какнибудь» (М., Детгиз, 1961), «Солнечная сторона» (Свердловск, 1959), «Лирика» (Свердловск, 1960), «Чапаева сабля» (Пермь, 1963), «Сказки» (Свердловск, 1964) и другие.

НА ГОРЕ ВЫСОКОЙ

На горе Высокой тишина.

Ночь.

И в тишине ночной суровой
Грянул взрыв раскатисто.

И снова

На горе Высокой тишина.

А вдали

из доменных печей

Бьет огонь.

На тучах полыханье.

На полнеба северным сияньем

Бьет огонь из доменных печей.

1945

ВИШНЕВЫЕ ГОРЫ

Опять предо мною Урала просторы,

Хожу по знакомым местам.

Веселый иду на Вишневые горы,

К вишневым —

на склонах —

садам.

Приходит весна,

Оживают дубравы,

И, крылья свои распластав,

Планером спускается.

Поднимается
из лесов.
К стройке робкая
вьется тропка,
Оживает она
с утра —
Из поселка
идут торопко
Дел строительных
мастера.
Утро раннее
на Урале.
На стропила
ложится снег.
Раньше всех
на работу встали
Беспокойные,
раньше всех!
Им не терпится...
(Ночь короче!)
Им не спится...
(Ввысь, корпуса!)
И тогда
отступают ночи,
Проясняются
небеса.
Ток включен —
и потоком ярким
Упирается
в небосвод
Полыханье
электросварки,
Предвещающее
восход.

1945

У ЗАЛИВА

Вновь у Финского
 у залива я,
Там, где встретился
 я с тобой,
Говорливая,
 шаловливая,
С непокрытою
 головой.
Все хранит тебя,
 все полно тобой —
Камень памятный,
 шум лесной...
Никакой войной,
 никакой волной
Не смывается
 образ твой!

1945

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

В Галактике жизни моей, друзья,
Встречалось немало туманностей,
И холод жестокости чувствовал я,
И теплую нежность гуманности.
Измотан болезнью,
Душой не слабел —
Спасала закалка рабочая,
В характере новое что-то узрел:
И ласковей стал
 и жесточе я.

Здесь светлее всегда и жарче,
Воздух суше, прозрачный весь.
И цветы зацветают ярче,
Даже травы сочнее здесь.
Хорошо!

Хоть и тут, понятно,
Могут быть и дожди, и град,
Ведь и солнце бывает в пятнах,
Как ученые говорят.
Но и в самую злую бурю
Ощущается здесь тепло,
Что,

закрытое тучей бурой,
Лишь на время от нас ушло...
Я немало ходил по свету,
Убедился в одном сполна:
Наша светлая Родина — это
Мира
солнечная сторона!

1951

МУСТАЙ КАРИМ (МУСТАФА САФИЧ КАРИМОВ)

Народный поэт Башкирии. Родился 20 декабря 1919 года в деревне Кляшево Чишминского района Башкирской АССР в семье крестьянина. Окончил Башкирский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны.

Первые стихи опубликовал в 1935 году.

Первый сборник «Отряд тронулся» вышел в 1938 году, второй — «Весенние голоса» — в 1941 году.

С 1951 по 1962 год избирался председателем Правления Союза писателей Башкирии, с 1962 года — секретарь Правления СП РСФСР. Депутат Верховного Совета РСФСР нескольких созывов.

Русскому читателю известен по книгам «Цветы на камне» (Уфа, 1949), «Весенние голоса» (М., «Советский писатель», 1954), «Избранное» (Уфа, 1955), «Стихи и поэмы» (М., Гослитиздат, 1958), «Реки разговаривают» (М., «Советский писатель», 1964), «Избранная лирика» (М., «Молодая гвардия», 1965), «Берега остаются» (М., «Художественная литература», 1966), «Избранные произведения в двух томах» (Уфа, 1969), «Стихи и поэмы» (М., «Советский писатель», 1971), «Избранное» (М., «Художественная литература», 1973), а также по пьесам «Свадьба продолжается» (1947), «Похищение девушки» (1959), «В ночь лунного затмения» (1964), «Страна Айгиль» (1969), по детским повестям и т. д.

Мустай Карим — лауреат Государственной премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева (1967), лауреат Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского (1967) и лауреат Государственной премии СССР (1972).

Награжден орденом Ленина, пятью другими орденами и многими медалями.

Член КПСС с 1944 года.

ЦВЕТЫ НА КАМНЕ

Ты пишешь мне в печали и тревоге,
Что расстоянья очень далеки,
Что стали слишком коротки и строги
Исписанные наскоро листки,

Что дни пусты, а ночи очень глухи
И по ночам раздумью нет конца,
Что, вероятно, в камень от разлуки
Мужские превращаются сердца.

Любимая, ты помнишь об Урале,
О синих далях, о весенних днях,
О том, как мы однажды любовались
Цветами, выросшими на камнях?

У них от зноя огрубели стебли,
Перевились в колючие жгуты,
Но, венчики пахучие колебля,
Цвели все лето нежные цветы.

Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.

1945

ТРИСТА ДЖИГИТОВ

То утро поднялось в горячей крови
и в огне,
И враг перешел рубежи на тяжелой броне.

И голос отчизны на битву, на подвиг
призвал.
И громом железным откликнулся тотчас
Урал:

— Вставайте, немедля коней оседлайте,
башкиры,—
Кровавое облако над горизонтами мира!

И триста башкиров в башкирском ауле
одном
На триста коней молчаливо уселись
верхом.

Горячие искры рассыпались из-под подков,
При хмуром прощанье отцы не склоняли
голов.

И девушки не убеждали, что нет их верней,
Лишь в лоб на прощанье поцеловали коней.

И матери не проливали на проводах слез...
Так — знают повсюду — издревле у нас
повелось:

Чтоб славным джигитам в священном бою
не мешать,
Не надо слезами их воинский путь
орошать.

И если джигита погубит военный огонь,
Вернется обратно к домашним
приученный конь.

А конь упадет, неприятельской пулей
убитый,
Вернется в аул непомеркшая слава
джигита.

Немало прибавилось у матерей седины...
Всех было нас триста — в ауле одном
рождены,

Но в дверь постучаться к родным
не пришлось половине —
В братской могиле лежат они ныне.

О них благодарная память не забывает...
(Пропавшие без вести — их среди нас
не бывает.)

1952

* * *

У меня будет сорок неоконченных дел
В ту минуту, когда побледнею, как мел.

Как из мира уйти, не окончив дела,
Если солнце в зените и дружба светла?

Пусть друзья соберутся ко мне,
как сейчас,
Пусть я буду капризным —
единственный раз.

Прикажу, чтоб туда, где курган в облаках,
Не вели, не везли, а несли на руках.

Чтоб сказали друзья, выбиваясь из сил:
— Ничего, он ведь горы при жизни носил!

А теперь он ослаб, дел по горло вокруг,
Так пускай наши руки почувствует друг.

Он хотел, чтобы в эту минуту без слез
Мы смотрели, как солнце в зенит
поднялось.

И, промолвив: — Неправда, что мир
опустел,—
Понесли его сорок неоконченных дел.

1948

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Цвет горя черен, черен, как земля,
Приходит, наши волосы бея.

Земля, она сама черным-черна,
Но белизну цветов поит она.

Коль одного тебя гнетет беда,
Не говори, что вся земля седа.

1957

* * *

В дороге — ноги. В песне — думы...
Хочешь,
Прислушайся!.. Я по земле иду.
И днем — по солнцу, и по звездам — ночью
Свой путь определяю на ходу.

Обжег в пути мне губы встречный ветер,
И пыль годов я в волосах ношу.
В дверь постучав, вхожу в дома
под вечер,
В сердца стучу — и дальше ухожу.

Но только тучи рано или поздно
Закроют солнце в серый день тоски,
И слепнут звезды,
Слепнут даже звезды,
И в мгле вселенской не видать ни зги...

Когда кусок пути, что мне назначен,
Тот, что зовется жизнью, прохожу,
В глаза людей, как в звезды, я гляжу
И слышу: так держать, и не иначе!..

И в ясный день, и вечером морозным,
Чернее сумрак или зной лютей,
Я путь определяю не по звездам,
А — как по звездам — по глазам людей,
По радостным, печальным и серьезным...
Гляжу в глаза, чтобы с пути не сбиться,
Чтоб в песне не солгать, не ошибиться.

1963

БЕРЕГА ОСТАЮТСЯ

По Белой, басистый и гордый,
Смешной пароходик чадит.
В лаптях,
В тюбетейке потертой
На палубе мальчик сидит.

Куда он — с тряпичной котомкой?
К чему направляет свой путь?
Лишь берега дымная кромка
Да Белой молочная муть

Вдали. И на воду большую
Глядит он и все не поймет:
— Совсем неподвижно сижу я,
А круча, а берег плывет!..

Я — мальчик тот, я! И сквозь годы
Кричу ему: — Милый, не верь!
Плывем это мы, а не горы,
А берег все там и теперь!..

Кричу... А в лицо мое ветер,
А палубу набок кренит,
Корабль мой почти незаметен —
Вокруг него море кипит!

Стою... Волны мимо и мимо
Наскоком, галопом, подряд...
Стою... Словно кем-то гонимы,
Дни, месяцы, годы летят...

— Сто-ой, дяденька! —
вдруг через темень,
Сквозь воды, мне — с палубы той.—

— Плыдем-то ведь мы, а не время,
А время, как берег крутой,

За нами осталось, за нами,
Другим — я не знаю кому...
А сам ты, влекомый волнами,
Что времени дал своему?

И эхо сквозь грохот и тьму
Все вторит и вторит ему:
— Вре-ме-ни-и сво-е-му-у,
Времени своему...

1964

* * *

В дальний путь седлают непременно
Рысака, что всех других резвей.
С важным порученьем непременно
Едет муж, что старше и знатней.

Гостя дорогого поджидая,
Лучшее из блюд на стол несем,
В праздник в нашем доме зажигаем
Лампу ту, что веселит весь дом.

Не спеши, однако, в ослепленье
Не верши свой скороспелый суд:
Сколько их, коней, не в белой пене,
А в поту натужном воз везут!

Если скажешь ты: лишь те герои,
Кто идет на громкие дела,—

Кто же будет сеять, плавить, строить,
Чтоб земля вокруг тебя жила?

За столом парадным сидя гордо,
Не кричи: прекрасней нет еды!
А не то твой хлеб застрянет в горле,
Черный хлеб у черной борозды.

В праздничное блестящее пламя
Никогда подолгу не смотри,
А не то потом казаться станет
Мир темней и суше свет зари.

Воспевайте скакунов бесстрашных,
Славьте славу в золотых лучах,
Но стократ прославьте тех, кто нашу
Держит Землю на своих плечах.

1963

ГОРЫ

И горы как люди: чем выше,
Тем круче и резче судьба,
Тем большей опасностью дышит
Идущая наверх тропа.

На гребни спускаются тучи,
И долго не видно вершин,
А льдом покрываются кручи,
И лед этот — несокрушим.

Там ветер не тот, что в низинах,
Там грохот, и хохот, и вой,

Там молний скрепление синих,
Как шашек взбесившихся бой.

Но горы не ропщут — их доблесть
Превыше снегов их седых,
Ведь солнца встающего отблеск
Всех раньше приветствует их.

И люди как горы: чем выше,
Тем крепче судьба и трудней,
И риском подъем ее дышит,
И грозы бушуют над ней —

Вверху... Но высоты, конечно,
Не званье, не место, не чин,
Такое величье не вечно,
Нет, я — о высотах вершин.

В высокой душе не бывает,
Чтоб вечная ясность и лад...
Бывает, тоска прибывает,
Бывает, сомненья гудят. •

И времени бури и хвори
По ней ударяют сильнее...
Но все-таки, все-таки зори
Всех раньше восходят над ней!

На кочку и грозы не рухнут
И тучка не сядет вовек...
Не вздумай же сетовать, друг мой,
Высокий, большой человек!

1964

* * *

...А бывает в природе такая пора —
Ветер стихнет, но листья трепещут,
Солнце сядет, вполнеба чернеет гора,
Но лучи отсеченные блещут.

Приоткрой мне, природа, секреты свои,
Чтоб потом, без меня — хоть вначале, —
От меня отсеченные, песни мои
Шелестели б, светили, звучали.

1970

* * *

Чингизу Айтматову

Была моя жизнь непрерывной игрой,
Я сам — то огромен, то мал.
То нечет, то чет, то отлив, то прибой,
Успех набегал на провал.

К находке была мне потеря дана,
К добру — своя толика зла...
Любовь никогда не являлась одна,
Печаль по пятам ее шла.

Едва благочестье меня усмирит,
Как бес уже шепчет свой вздор,
Чем громче хвала надо мною гремит,
Тем в сто раз страшнее позор.

Наверно, рубеж через сердце идет,
Чтоб с полднем не спуталась мгла,
Чтоб радость, достигшая самых высот,
До счастья дойти не могла.

Была моя жизнь непрерывной игрой,
Был жребий и странен и шал:
То нечет, то чет, то отлив, то прибой,
Успех набегал на провал.

Сквозь легкость удач я джигитом летел,
В исканьях я к мужеству шел,
Но лишь от печалей, от слез и потерь
Я голос поэта обрел.

1971

КАРУСЕЛЬ ВСЕ ВЕРТИТСЯ...

Карусель все вертится и вертится...
Что-то там темнеет, что-то светится...

Вертится — способна душу вытрясти:
Карусель построена на хитрости.

Ползающий, скачущий, летающий,
Всякий — молчаливый и болтающий

Мчится на одной и той же скорости.
Жаба надувается от гордости.

Простаки застыли в удивленье:
— Не отстать улитке от оленя!

Карусель ведь кружится и кружится,
Что-то возникает, что-то рушится.

Ведь не все как хочется устроено:
Карусель на хитрости построена.

Стоп! Земля!.. Все остальное — мелочи:
Мальчик, дай скорее руку девочке

И держи!.. Пускай вам в счастье верится!..
Шар земной все вертится и вертится...

Ты смотри держи ее, не выпусти!
Шар земной построен ведь на хитрости...

1968

ПТИЦ ВЫПУСКАЮ

Все завершил. Покончил с мелочами,
И суета осталась позади..
И вот сейчас с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.

Идущие на бой во имя чести!
Вам — первый дар, всем прочим не в укор:
Для вас, взгляните, в дальнем поднебесье
Орел могучий крылья распростер.

Те, кто в пути! Вам, бодрым и усталым,
Шлю журавля сквозь ветер в ранний час...
Кукушку, чтобы долго куковала,
Больные, выпускаю я для вас.

Влюбленные! К вам соловей, неистов,
Рванулся — петь все ночи напролет.
Томящиеся врозь! Вам голубь чистый
К надеждам старым новые несет.

Отчаянных, и робких, и недужных —
Всех одарю я, всех вас птицы ждут...
Нет только ничего для равнодушных,
Пускай без птиц — как знают, так живут...

Все завершил. Покончил с мелочами,
И суета осталась позади...
И каждый день с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.

1970

ПОВЕЗЛО

Как это на вершине полстолетья
Я так неожиданно оказался вдруг? . .
И вот с вопросом я гляжу вокруг:
Мне повезло иль нет на белом свете?

Мне с датой рожденья повезло:
Я родился не рано и не поздно...
Гудит октябрь... Двадцатое число...
Березы сыплют на тропу мне звезды.

Мне повезло с землей моей... Ты — чудо,
Башкирия! Ты — свет в моей судьбе!
Ты — колыбель под синью! И да будет
Моя могила теплая — в тебе...

С людьми мне повезло: они добром
Меня учили, без причин не били.
С друзьями повезло: они в мой дом
Вошли — в ворота постучать забыли.

С любовью повезло: превыше клятв
Высоко веру надо всем держала,
Сомненьями себя не унижала,
Хоть и причины были, говорят...

Везло с боями: в пламени жестоком
Мне виделась победные огни...
Везло с моими ранами: до срока
«Туда» не унесли меня они.

И с именем — не подвело оно! —
Мне повезло, и с сущностью моею:
Вкусив похвал сладчайшее вино,
Я на ногах держался, не хмелея.

Что ж, доброй ночи, прошлое!.. Дорогам
Твоим — поклон,
За все — спасибо им...
Мне повезло. Мне повезло во многом.
Не знаю, повезло ль со мной другим...

1969

Я — РОССИЯНИН

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.

Своею жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.

Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете
выше! —
С моей судьбой свою соединил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Пять жизней дай!
Им может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

С башкиром русский — спутники в дороге,
Застольники — коль брага на столе,
Соратники — по воинской тревоге,
Навеки сомогильники — в земле.

Когда же целовались, как два брата,
С могучим Пугачевым Салават,
В твоей душе, что дружбою богата,
Прибавилось любви, мой русский брат.

Не русский я, но россиянин. Чести
Нет выше. Я страны Советской сын.
Нам вместе жить и подниматься вместе
К сиянию сверкающих вершин.

В душе моей — разливы зорь весенних,
В глаза мои луч солнечный проник.
На сердце — песня радости вселенной,
Что сквозь века пробилась, как родник.

И полюбил я силу в человеке
И научился радость жизни брать.
За это все, за это все — навеки
Тебе я благодарен, русский брат.

Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил,
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Десятку жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

1953

Содержание

Ал. Михайлов. Поэтический Урал	5
ДЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА	
Бахтин Иван Николаевич	19
Вор, похитивший часы	20
Эпиграммы	21
Попов Антон Иванович	22
«Под видом серебра и золота бога чтили...»	23
«Поступки в людях мы пороками зовем...»	23
«Пред всяким без стыда Флор клятву нарушал...»	24
«Бедно жить — гонят. Богато — завидят...»	24
«Напрасно говорят, что стал инаков свет...»	24
«Напрасно ропщете, вы бедны потому...»	25
«Пожил, поворовал довольно в свете Савва...»	25
Салават Юлаев	26
«Высоко взлетает ворон...»	27
Битва	27
Зулейха. Перевод И. Волобуевой	28
Варакин Иван Иванович	29
Глас истины к гордецам	30
Мерзляков Алексей Федорович	33
Среди долины ровныя	34

Феонов Василий Тихонович	36
Пермскому губернатору К. Тюфяеву	37
К золоту. Отрывок	37
Размахнин Павел Емельянович	39
Собака и Волк. Басня	40
Ершов Петр Павлович	41
Конек-Горбунок. Русская сказка в трех частях. Отрывок	42
Макаров Иван Иванович	50
«Однозвучно гремит колокольчик...»	51
Акмулла Мифтахетдин	52
Мудрое слово поэта. Перевод Г. Шарикова	53
«О башкиры! Надо к знаниям стремиться...»	53
Мухаметсалим Уметбаев	55
Ремень и Лыко. Перевод С. Липкина	56
«Одним даруя мощь, целебная вода...» Перевод С. Липкина	57
Филимонов Федор Федорович	58
Из старой тетради	59
Песня	60
На пароходе. Из путевых набросков	61
Гадмер Елизавета Саввична	63
Песня кузнеца	64
Озеро	65
Туркин Александр Гаврилович	67
«Посмотри, как над краем далеких небес...»	68
«Дорогая моя! Я не жизни боюсь...»	68

Заякин-Уральский Павел Иванович	69
Ничего	70
«Будет царство света! Сгинет царство тьмы!..»	70
Огни	71
Слово	72
Сыромолотов Федор Федорович	73
Не говори	74
Песня портного	75
Проторим	75
Можгин Михаил Григорьевич	77
Беглец. Перевод Ю. Груздино	78
Новиков Николай Федорович	81
Весенние блики	82
В саду	82
Юрезанский Владимир Тимофеевич	84
«Шумит безумный ветер...»	85
Люди-звезды	86
ПОЭЗИЯ СОВЕТСКИХ ЛЕТ	
Каменский Василий Васильевич	89
Заводы. Отрывок из поэмы «Емельян Пугачев»	90
Камстрой. Поэма	98
Гафури Мажит	106
Красный флаг. Перевод Д. Кедрина	107
Чудесный случай. Перевод Д. Кедрина	108

Из «Миниатюр»	
«Не все тужить...» Перевод В. Дынника	109
«Пока тебе сопутствует удача...» Перевод	
Арго	109
«Ты сделал снисхождение глупцу». Пере-	
вод П. Панченко	110
«Когда беру взаймы я у кого-нибудь...»	
Перевод П. Панченко	110
«Словно месяц в ночи...» Перевод Н. Ми-	
лованова	110
Князев Василий Васильевич	111
Песня Коммуны	112
Красный матрос	113
Даут Юлтый	115
Рыдание. Перевод Д. Смирнова	116
Худяков Кондратий Кузьмич	120
Маячные огни	121
Красный Урал	121
Шайхзада Бабич	123
Кураю. Перевод С. Липкина	124
Салават-батыр. Перевод С. Липкина	126
Кузубай Герд	127
Ветру Уйшора. Перевод автора	128
У дороги. Перевод автора.	129
Узоры на окне. Перевод автора	130
Сайфи Кудаш	131
Как будто. Перевод И. Поступальского	132
Спички. Перевод Е. Шумской	132
«Словно путник, что в степи остался...»	
Перевод В. Трубицина	133
Ольховка. Перевод Д. Голубкова	134
Ответ. Перевод Е. Николаевской	135
Мед. Перевод А. Казакова	135
Может быть... Перевод А. Казакова	136

«Земля — в снегу...» Перевод В. Трубицина	137
Скрипка. Перевод М. Дудина	138
Белые облака. Перевод Л. Татьянической	138
«Не горюй из-за того, что кто-то...» Перевод А. Казакова	139
Оки Ашальчи	140
Ты спросил у меня. Перевод В. Семакина	141
Два письма. Перевод В. Семакина	141
Вспоминается мне. Перевод В. Семакина	142
Щипачев Степан Петрович	144
Земля уральская	145
«Лил дождь осенний. Сад грустил о лете...»	145
Березка	146
Свет звезды	146
Любовью дорожить	147
«Как хочешь это назови...»	147
«Ты порой целуешь ту, порою эту...»	148
Павшим	148
Могила матери	150
«В то далекое загляни-ка...»	151
Ладонь	152
Белоярская атомная	153
В родном городке	155
«Урал. Он лег в мою строку...»	155
«Урал! Он был как начало песни...»	156
Октябрь на Урале	157
Строчки, сложившиеся во сне	158
В Первоуральске	159
«Зарницы не сгорают...»	159
«Когда загрузится очень...»	162
Муса Джалиль	163
На заводе Орлес. Перевод А. Миниха	164
Не верь. Перевод И. Френкеля	170
Морской Дмитрий Иванович	172
Песня. Отрывок из поэмы «Нувази»	173
Подарок	174
На родину	175

Зубов Андрей Никифорович	177
Бездомная кукушка. Перевод И. Молчанова	178
Спешилов Александр Николаевич	182
В секрете	183
Весна боевая	184
Макаров Василий Александрович	186
В дороге	187
Детство	188
Крымские стихи	189
Лихачев Михаил Павлович	190
Лес шумит. Перевод И. Молчанова .	191
Куштум Николай Алексеевич	194
Здравствуй, родина лесная!	195
«Далеко в горах страна родная...» . . .	196
«Полюбил я суровые зимы...»	198
«Летит самолет над горами...»	198
«Я чувствую себя двадцатилетним...» . .	199
Бродит молодость кудрявая	200
Из цикла «Наедине с собой»	201
Нигмати Рашит	203
Девушка с Сакмара. Вступление к поэме.	
Перевод В. Луговского	204
Часы. Перевод С. Сорина.	206
В третий день новолуния. Перевод В. Каванского	207
Гаврилов Игнатий Гаврилович	208
Вечно молоды. Отрывок из сказки. Перевод В. Тушновой	209

Салях Кулибай	215
Песня железных дорог. Перевод А. Коренева	216
Сосен перезвон. Перевод А. Коренева	217
Гранит батыра. Перевод А. Коренева.	219
Кедров Филипп Григорьевич	221
Дорогая, прощай!.. Перевод В. Щепотева	222
Мы наступаем. Перевод А. Писарева	223
Ручьев Борис Александрович	224
Песня о брезентовой палатке	225
Проводы Валентины	228
Красное солнышко. Цикл стихов	231
Две песни о Магнит-горе	247
Гайнан Амири	250
«Горы — из чистого серебра...» Перевод В. Краско	251
Метеорит. Перевод М. Дудина	251
«Весенним утром, я увидел сам...» Перевод М. Дудина	253
На Мамаевом кургане. Перевод А. Решетова	253
Петров Михаил Петрович	255
Друзьям. Перевод В. Семакина	256
С вершины Байгурезь. Перевод В. Цветева	257
Летняя ночь. Перевод В. Цветева	258
Клементьев Николай Сергеевич	259
Уральская казачья	260
Побывка. Глава из поэмы «Гвардии генерал»	262
Г. Салям	265
Утро республики. Перевод А. Филиппова.	266

Мурзиди Константин Гаврилович	271
Утренний Свердловск	272
Уральское солнце	273
Какое у правды лицо	274
Ребенок	275
«Дощатый домик — станция почтовая...»	276
Последний совет гранильщика	277
Колокол	278
«Я не видел вас в жизни, я знаю...»	279
«Судьба иного — строить самолеты...»	280
«Мы не верим друг другу пока...»	281
Последняя затысь	281
Люгарин Михаил Михайлович	283
Возвращение к незабудкам	284
О, какая у ветра сила	286
«Распознал я и тепло, и стужу...»	287
Лужанин Афанасий	289
Петру Блинову. Перевод Н. Грудиной.	290
Пихтовое полено. Басня. Перевод В. Се-	
макина	291
Без морального права. Басня. Перевод	
И. Законова	292
Преображенская Лидия Александровна	294
Вовкина бабушка	295
Наследство	296
Ворошилов Александр	298
Рождение героя. Отрывки из поэмы	
«Первая победа»	299
Васильев Сергей Александрович	305
На Урале. Отрывки из поэмы	306
Прямые улицы Кургана	310
Пейзаж	312
Урал	312
Песня о городе Кургане	314

Друг	315
Благодать	316
Родня	317
Эхо	318
Михайлов Борис Николаевич	320
В чаше прорубая новый путь	321
«...В ней все цвета: лиловый, красный...»	322
Полустанок	322
О любви	323
«На тонком стволе две пометки-насечки...»	324
Плоты плывут	324
Начало	325
Ханиф Карим	327
В пути к большому перевалу. Перевод К. Симонова	328
Речушка Вар. Перевод М. Дудина	328
«Весенний ветер гладит зябь...» Перевод М. Дудина	329
Весенние картины. Перевод Л. Шкавро.	330
Хоринская Елена Евгеньевна	331
Когда цветет черемуха	332
«Оркестр играл знакомый вальс...»	333
Багульник	334
«Осенью приходит вечер ранний...»	335
Материнская слава	336
Вечер	336
Бабье лето	338
Комочек снега	338
Зимой	340
Бикбай Баязит	341
Земля. Отрывок из поэмы. Перевод Л. Длигача	342
О болезни. Перевод В. Савельева	343
«Любовь — это плод, что жизнь нам несет...» Перевод В. Корнилова	344

Караваев Степан Петрович	345
Николаю Кузнецову. Перевод В. Радкевича	346
Вечером у реки. Перевод В. Радкевича	347
Татьяничева Людмила Константиновна	349
Урал	350
Кони	351
Глиняные куклы	352
Суровый танец	352
«Пусть не в меня в прямом бою...»	353
Ей приснилось, что она — Россия	354
«Ребята осенней ночью...»	355
Ириски	356
Междузорье	356
Дорога	357
Грозовая туча	358
Подари мне алмазную зиму	358
Молчанье	359
«Откинув бремя повседневности...»	359
«Апрель...»	360
«Я о любви, о верности твоей...»	361
Гордые	361
«Мне бы только успеть...»	362
«Говорили — зима суровая...»	363
«Я без Урала не могу...»	363
«На левый бок повернулся медведь...»	364
Живу я в глубине России	365
Губарев Виктор Федорович	366
Девушка из мартеновского	367
Предчувствие весны	368
Сентябрьское письмо	369
Занадворов Владислав Леонидович	372
Стихи о Каме	373
В охотничьей избушке	376
Походный рюкзак	378
На высоте Н.	379
Последнее письмо	380

Возняк Александр Александрович	383
Курсант Гагарин	384
Памятник	385
Заходите, хватит места...	386
Снегири	388
Реут Константин Феликсович	389
Весна	390
«Ушла земля под лентою из рельс...»	391
Жить	393
Попов Николай Васильевич	397
Сплавная. Перевод В. Радкевича	398
После дождя. Перевод Б. Михайлова	398
Гроссман Марк Соломонович	400
Земли немая нищета	401
Ржавеет каска на могиле	401
Баллада об уральском танке	402
В окопе, в поле	403
«Эка вьюга, эка скука...»	404
«Маки просыпаются в районе...»	405
Мальчишкам великой войны	406
Ширшов Борис Валентинович	408
Баллада о возвращении	409
Грачи прилетели	412
Поздняя встреча	414
Шмаков Тимофей Иванович	416
Звуки чипчиргана. Перевод В. Семакина. . . .	417
В поезде. Перевод В. Семакина	419
Наш Союз. Перевод В. Семакина	420
Лозневой Александр Никитович	421
Возвращение	422
Летчик	423

Вохменцев Яков Терентьевич	425
Баллада о коромысле	426
Родное слово	427
Ученый кот. Басня	429
Сварливая Телега. Басня	430
Весенний лес	431
Нашему тракторному	432
Широбоков Степан Павлович	435
В поезде. Перевод В. Семакина	436
Россия. Перевод В. Семакина	438
Ружанский Ефим Григорьевич	442
На горе Высокой	443
Вишневые горы	443
Утро строителей	444
У залива	446
Черты характера	446
Снежинки	447
Солнечная сторона	447
Мустай Карим	449
Цветы на камне. Перевод В. Тушновой	450
Триста джигитов. Перевод М. Светлова.	451
«У меня будет сорок неоконченных дел...» Перевод М. Максимова	452
Белое и черное. Перевод И. Снеговой	453
«В дороге — ноги. В песне — думы... Хочешь...» Перевод Е. Николаевской	454
Берега остаются. Перевод И. Снеговой	455
«В дальний путь седлают непременно...» Перевод И. Снеговой	456
Горы. Перевод И. Снеговой	457
«...А бывает в природе такая пора...» Перевод И. Снеговой	459
«Была моя жизнь непрерывной игрой...» Перевод И. Снеговой	459
Карусель все вертится... Перевод Е. Николаевской	460
Птиц выпускаю. Перевод Е. Николаевской	462
Повезло. Перевод Е. Николаевской	463
Я — россиянин. Перевод М. Дудина	464

П67 Поэты Урала. Антология в двух томах. Том 1. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

480 с.

Настоящая антология издается впервые в истории литературной жизни Урала. В ней представлены лучшие стихи поэтов, чья литературная деятельность была связана с Уралом как в дореволюционный период, так и в наши дни.

**П 70402—062
M158(03)—76**

С6

ПОЭТЫ
УРАЛА

АНТОЛОГИЯ В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Редактор Н. Г. Кузин. Художественный редактор Г. И. Кетов.
Технический редактор Т. В. Меньшикова. Корректоры
Л. А. Гупало, И. П. Никитина.

Сдано в набор 24/II 1976 г. Подписано в печать 9/VI 1976 г.
НС 12296. Бумага типографская № 1. Формат 70×90¹/₃₂.
Уч.-изд. л. 17,2. Усл. печ. л. 17,6. Тираж 50 000. Заказ 123.
Цена 1 р. 66 к.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малы-
шева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Сверд-
ловск, пр. Ленина, 49.